

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

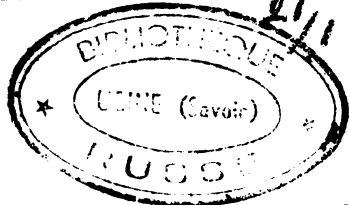
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

40

347 037

МѢТВА

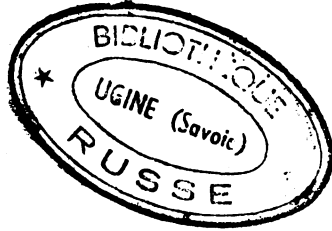
Ко стѣмѣ Григорію Бѣослѣвѣ.

составленная стѣмѣ Кѣрілломѣ епѣкпомѣ Моравскимѣ, оучѣлемѣ Славѣнскимѣ.

СѢ стѣлю Бѣжій Григоріе Бѣослѣве! ты тѣломѣ члѣвѣкѣ выѣлъ еси, житіемѣ же аѣглѣ гавѣлса еси, оучѣта бо твоѣ гѣкш Серафимѣ хвалѣньми Бѣга прослѣвиша, правобѣрнаѣ же твоѣ оучѣніѣ вселѣннѣю просвѣтиша: Молю оубѣ тѣ, прійми ѣ мене припѣдѣющѣ къ Тебѣ съ вѣрою ѣ любовію, ѣ бѣди ми оучѣтель ѣ просвѣтитѣль.

Бѣіписано ѣзѣ четѣмѣ мнѣнѣ Маіѣ аѣ днѣ на листѣ сѣ на ѣборѣтѣ.

037

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО - ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1843.

88686

JP
v 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 7-го дня 1842 года.

Московская Духовная Академія.

*Цензоръ, Иосифова Волоколамскаго Монастыря
Архимандритъ Леопитъ.*

С Л О В О 1.

НА ПАСХУ И О СВОЕМЪ ЗАМЕДЛЕНІИ (а).

Воскресенія день—благопріятное начало. Просвѣтимся торжествомъ и обнимемъ другъ друга. *Рцемъ: братія, и ненавидящимъ насъ* (Ис. 66, 5), коими паче тѣмъ, которые изъ любви что-нибудь сдѣлали или потерпѣли. Уступимъ все Воскресенію; простимъ другъ друга: и я (упомяну о семъ теперь), подвергшійся доброму принужденію, и вы, употребившіе доброе принужденіе; хотя нѣсколько и сѣтуете на меня за умедленіе. Можетъ быть, предъ Богомъ оно лучше и драгоцѣннѣе, нежели поспѣшность другихъ. Хорошо и уклоняться нѣсколько

(а) Слово сіе говорено по слѣдующему случаю. Когда Св. Григорій противъ воли былъ поставленъ въ пресвитера, съ назначеніемъ вспомошествованія въ управленіи Назіанзскою паствою Епископу, престарѣлому отцу его; тогда Св. Григорій, по чувству смиренія и потому, что въ новомъ назначеніи видѣлъ препятствіе своему стремленію къ жизни созерцательной, удалился было въ Понтъ: однако, немного спустя, въ самый день Пасхи, онъ возвратился въ Назіанзъ и произнесъ настоящее слово.

отъ призванія Божія, какъ въ древности поступилъ Моисей, а послѣ Іеремія; хорошо и поспѣшать съ готовностію на гласъ Зовущаго, какъ Ааронъ и Исаія, только-бы то и другое было по благочестію,— одно по причинѣ собственной немощи, а другое по надеждѣ на силу Зовущаго. Въ день таинства помазанъ я; въ день таинства удалился не надолго, чтобы испытать самаго себя; въ день таинства и возвращаюсь (б), избравъ сей день добрымъ попечителемъ моей боязливости и немощи; дабы Воскресшій нынѣ изъ мертвыхъ и меня обновилъ Духомъ, и, облекши въ новаго человѣка, для новой твари, для раждаемыхъ по Богу, содѣлалъ добрымъ образователемъ и учителемъ, который со Христомъ и умираетъ охотно и воскресаетъ.

Вчера закланъ былъ Агнецъ, помазаны двери, Египетъ оплакивалъ первенцевъ; мимо насъ прошелъ погубляющій, печать для него страшна и досточтимая, и мы ограждены драгоценною кровію: нынѣ мы чисто убѣжали изъ Египта, отъ жестокаго властителя Фараона и немилосердыхъ приставниковъ, освободились отъ бреня и плинеодѣланія, и никто не воспрепятствуетъ намъ праздновать Господу Богу нашему праздникъ изшествія, — и праздновать *не въ квась ветвь злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8), не принося съ собою Египетскаго кваса безбожнаго.

(б) Подъ днемъ таинства, или какъ въ подлинникѣ, подъ словомъ: *таинство* разумется въ первомъ случаѣ праздникъ Рождества Христова, во второмъ праздникъ Богоявленія, въ послѣднемъ Пасха.

Вчера я распинался со Христомъ, нынѣ прославляюся съ Нимъ; вчера умиралъ съ Нимъ, нынѣ оживаю; вчера спогребался, нынѣ совоскресаю.

Принесемъ-же дары Пострадавшему за насъ и Воскресшему. Можетъ быть, вы думаете, что я говорю о золотѣ, или о серебрѣ, или о тканяхъ, или о прозрачныхъ и драгоценныхъ камняхъ. Это — вещество земное, преходящее и на землѣ остающееся, котораго всегда больше имѣютъ злые — рабы дольняго, рабы міродержителя. Нѣтъ, принесемъ самихъ себя — стяжаніе самое драгоценное предъ Богомъ и Ему наиболѣе свойственное, воздадимъ Образу сотворенное по образу, познаемъ свое достоинство, почтимъ Первообразъ, уразумѣемъ силу таинства (в), и то, за кого Христосъ умеръ. Уподобимся Христу; ибо и Христосъ уподобился намъ: содѣлаемъ богами ради Его; ибо и Онъ сталъ человѣкомъ для насъ. Онъ воспріялъ худшее, чтобы дать лучшее; обнищалъ, чтобы намъ обогатиться Его нищетою; принялъ зракъ раба, чтобы намъ получить свободу; снизшелъ, чтобы намъ вознестись; былъ искушенъ, чтобы намъ побѣдить; претерпѣлъ безславіе, чтобы насъ прославить; умеръ, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь къ Себѣ долу лежащихъ въ грѣховномъ паденіи. Пусть кто все отдастъ, все принесетъ въ даръ Тому, Который предалъ Себя за насъ въ цѣну искупленія; ничего не принесетъ онъ равнаго тому, какъ если представить Ему самаго себя, разумѣющаго силу таинства и содѣлавшагося всѣмъ для Христа, какъ Онъ для насъ.

(в) Настоящаго праздника.

Сей (г) Пастырь добрый, полагающій душу за овцы, вамъ, какъ видите, плодopинocитъ Пастыря. Ибо сего надѣется онъ и желаетъ, и проситъ отъ васъ, пасомыхъ имъ (д). Онъ даетъ вамъ себя сугубаго вмѣсто одного, и жезлъ старости дѣлаетъ жезломъ духа; къ неодушевленному храму присовокупляетъ одушевленный (е), къ храму прекрасному и небовидному — другой, который, какъ-бы ни былъ скуденъ и малъ, но для него безъ сомнѣнія весьма дорогъ, и совершенъ имъ съ великими усиліями и трудами, и (о если-бы можно было сказать!) достоинъ трудовъ его. Все свое предлагаетъ онъ вамъ, — какое великодушіе, или, справедливѣе сказать, какое чадолубіе! Предлагаетъ съдину и юность, храмъ и Архіерея, завѣщателя и наслѣдника, предлагаетъ слова (ж), которыхъ вы желали, и слова не пустыя, теряющіяся въ воздухѣ и непроникающія далѣе слуха, но которыя пишетъ Духъ, не черниломъ, но благодатію, напечатлѣваетъ на скрижаляхъ каменныхъ или плотяныхъ, — слова, не слегка на поверхности начертываемыя и удобно изглаждающіяся, но глубоко врѣзывающіяся. Вотъ что приноситъ вамъ сей досточтимый Авраамъ, Патриархъ, честная и достоуважаемая глава, вмѣсти-

(г) Отецъ Св. Григорія.

(д) Здѣсь разумется желаніе отца Св. Григорія, чтобы сей послѣдній былъ его преемникомъ.

(е) Подъ неодушевленнымъ храмомъ разумется храмъ, созданный отцемъ Св. Григорія; подъ одушевленнымъ — самъ Григорій.

(ж) Здѣсь разумются слова Св. Григорія Богослова.

лице всѣхъ доблестей, образецъ добродѣтели, совершенство священства, приносящій нынѣ добровольную жертву Господу, — своего едиnorodнаго, рожденнаго по обѣтованію.

А вы, какъ даръ и плодъ, принесите Богу и намъ расположеніе — быть доброю паствою, вселяясь на мѣстѣ златнѣ и воспитываясь на водѣ упокоенія (Пс.22, 1. 2.) Хорошо знаѣ Пастыря и будучи имъ знаемы, идите за тѣмъ, кто зоветъ пастырски и свободно, чрезъ дверь, а не слѣдуйте чуждому, перескакивающему чрезъ ограду, разбойнически и коварно. Не слушайте чуждаго гласа, похищающаго отъ истины, и расточающаго по горамъ, по пустынямъ, по дебрямъ, по мѣстамъ, которыхъ не посѣщаетъ Господь, — гласа, отводящаго отъ здоровой вѣры въ Отца, и Сына и Святаго Духа, во едино Божество и силу; вѣры, которой вѣщанію всегда внимали и да внимаютъ всегда мои овцы; не слушайте гласа, который нечистыми и поврежденными словами отторгаетъ и увлекаетъ отъ истиннаго и перваго Пастыря. Далече отъ всего того, какъ отъ зелія чарующаго и смертоноснаго, да даруетъ Онъ всѣмъ намъ, — и пастырямъ и стаду, и питаться и питать, и всѣмъ нынѣ и въ вѣчномъ упокоеніи быть едино во Христѣ Исусѣ. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 2.

КЪ ПРИЗВАВШИМЪ ВЪ НАЧАЛѢ , НО НЕ СРЪТИВШИМЪ СВ. ГРИГОРІА , КОГДА ОНЪ СТАЛЪ ПРЕСВИТЕРОМЪ.

Что не спѣшите къ нашему слову , о други и братія , нѣкогда столь скорые для того , чтобы принудить меня и извлечь изъ моей твердыни , то есть , изъ пустыни , которую я возлюбилъ паче всего , которую преимущественно чтилъ и избралъ себѣ руководительницею всей жизни , какъ содѣйственницу и мать Божественнаго восхожденія , какъ обожительницу ? Для чего то , что желали получить , пренебрегаете по полученіи ? Для чего , повидимому , лучше умѣете желать насъ , когда насъ нѣтъ , нежели пользоваться отъ насъ , когда мы съ вами , какъ будто вы хотѣли только овладѣть нашимъ любомудріемъ , а не извлекать изъ него пользу себѣ ? Или же , прилично мнѣ сказать и сіе : *быхомъ вамъ въ сытость* (Ис. 1 , 14 .) и притомъ — странное дѣло ! — прежде нежели вы насъ вкусили и испытали . Даже , какъ странника , вы не ввели меня , или , скажу сострадательнѣе , невведены и вы со мною ; для чего , если не другое что , то заповѣдь ува-

жить надлежало. Какъ начинающему не дали вы мнѣ руководства, какъ боязливаго не ободрили меня, какъ потерпѣвшаго насиліе не утѣшили: напротивъ того, — не хотѣлъ-бы сказать, однако скажу, — и праздникъ не въ праздникъ вы мнѣ сдѣлали; не съ добрымъ предвѣстіемъ вы меня приняли, и торжество растворили печалію; потому что не доставало при немъ самаго важнаго для удовольствія, — не доставало васъ, моихъ побѣдителей, — несправедливо было-бы сказать, любителей. Такъ удобно пренебрегается все, что удобно препобѣждается; раболѣпно читится высокое и безчестится смиряющееся предъ Богомъ. Чего вы хотите? Судиться-ли мнѣ съ вами, или стать судіею? Произнести-ли приговоръ, или подвергнуть себя приговору? Ибо надѣюсь, что и судимый одержу верхъ и, произнося судъ, праведно васъ осужу. Вина ваша въ томъ, что вы не равною мѣрою воздаете за мою любовь; не отдаете чести моему послушанію и нынѣшняго усердія не представляете въ поруку за будущее, тогда какъ и при семь усердіи едвали-бы можно было положиться на будущее; потому что у всякаго болѣе горячности въ началѣ. Напротивъ того, каждый изъ васъ предпочитаетъ что-нибудь и старому и новому своему пастырю, не уважая ни сѣдинъ и не ободряя юности.

Великолѣпна изображаемая въ Евангеліи вечеря (Мат. 22, 2 и слѣд.); угощающій ласковъ; тамъ и друзья, и самое пріятное пиршество, — это бракъ Сына. Но Царь созываетъ, а гости не приходятъ. Онъ гнѣвается, и-умалчиваю о томъ, что было за

симъ, какъ о предвѣщающемъ грозное, но скажу, что легче выговорить — Царь наполняетъ пиршество другими. Не желаю вамъ сего ; но вы поступили со мною, (могу-ли говорить кротко?) — и тѣхъ высокоумнѣе и дерзостнѣе : потому что они , будучи званы, отреклись отъ вечери и оскорбили Звавшаго; а вы нечужіе , вы не званные на бракъ, но сами призвали меня , сами привлекли къ сей священной трапезѣ, сами показали мнѣ великолѣпіе брачнаго чертога , и потомъ оставили меня. Таковы ваши великія доблести ! Кто на село свое, кто къ парѣ воловъ новокупленныхъ, кто къ новобрачной супругѣ, кто за чѣмъ-либо другимъ мало важнымъ — всѣ вы разсѣялись и убѣжали, не заботясь ни о брачномъ чертогѣ, ни о женихѣ. Сіе весьма опечалило и привело меня въ затрудненіе, — не умолчу о своихъ чувствованіяхъ, — я едва не удержалъ слово, которое хотѣлъ принести въ брачный даръ, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее свое достояніе; и едва не обратилъ слова противъ васъ , возлюбленные; потому что однажды я потерпѣлъ отъ васъ насиліе, — и могъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ; притомъ языкъ мой изошрала любовь, которая бываетъ весьма горяча и неистощима въ обвиненіяхъ , когда превращается въ ревность, оскорбившись неожиданнымъ пренебреженіемъ. Ежели кто изъ васъ былъ уязвленъ любовію и испыталъ презрѣніе , то онъ знаетъ силу сей страсти и простить тѣхъ, которые подверглись ей и были близки къ такому-же безумію.

Впрочемъ мнѣ и теперь не позволительно укорять васъ и не желаю , чтобы когда-нибудь было

позволено. Можетъ быть , и сказанное мною чрезъ мѣру укоризненно для васъ, священное стадо, достохвальныя овцы Христовы , Божіе достояніе , которыми богатъ ты (*), при всей своей бѣдности. Мнѣ кажется, что прилично отнести къ тебѣ сіи слова Писанія: *Вервь пролегла для тебя по прекраснымъ мѣстамъ, и удѣлъ твой всего пріятнѣе для тебя.* (Пс. 15, 6.) Я не уступлю ни въ чемъ преимуществу предъ нами самымъ многочисленнымъ городамъ, самымъ обширнымъ изъ частей; хотя мы малочисленны въ наименьшемъ колѣнѣ сыновъ Израилевыхъ , хотя мы весьма малочисленны въ тысячахъ Иудиныхъ ; мы малый изъ городовъ Виелеемъ , въ которомъ раждается Христось, и нынѣ и издревле право познаваемый и почитаемый; мы Отца превозносимъ, Сына почитаемъ равнымъ Ему и Духа Святаго прославляемъ. Мы единодушны, единомыслимъ , нисколько не оскорбляемъ Троицы ни приложеніемъ, ни отсѣченіемъ, какъ худые распорядители и мѣрители Божества, которые унижаютъ и оскорбляютъ все, тѣмъ самымъ, что одно почитаютъ болѣе надлежащаго.

Если-же хотите чѣмъ-нибудь воздать мнѣ, вы — нива моя, виноградъ мой , утроба моя, или лучше, сего общаго нашего отца , который благовѣствованіемъ породилъ насъ во Христѣ : то окажите уваженіе и мнѣ, какъ требуетъ того справедливость; потому что я предпочелъ васъ всему, — въ чемъ свидѣтели сами вы и поручившіе мнѣ сіе правле-

(*) Здѣсь Св. Григорій обращается къ отцу своему.

ніе или служеніе. И если возлюбившему больше и обязаны мы больше : то какъ измѣрю любовь , къ которой я обязалъ васъ моею любовію ?

Но большее уваженіе оказывайте къ самимъ себѣ; почитите ввѣренный вамъ образъ и Ввѣрившаго оный, почитите страсти Христовы и надежду будущей жизни. А для сего храните вѣру, которую приняли, въ которой воспитаны, которою надѣетесь сами спастись (1 Кор. 15, 1. 2.) и другихъ спасти: ибо знаете, что не многіе могутъ похвалиться тѣмъ-же, чѣмъ и вы. Благочестіе поставляйте не въ томъ, чтобы часто говорить о Богѣ, но въ томъ, чтобы больше молчать; ибо языкъ не управляемый разумомъ — претыканіе для людей. Всегда держитесь той мысли, что безопаснѣе слушать, нежели говорить; возделннѣе учиться, нежели учить о Богѣ; тщательнѣйшее о семъ изслѣдованіе предоставляя строителямъ слова, сами выказывайте благочестіе менѣе словомъ, а болѣе дѣломъ, и обнаруживайте любовь свою къ Богу болѣе соблюденіемъ заповѣдей Его, нежели удивленіемъ къ Законодателю; убѣгайте зла, преуспѣвайте въ добродѣтели; духомъ живите, духомъ ходите, имъ привлекайте вѣденіе; назидайте на основаніи вѣры *не дрова, сѣно, тростіе* — вещество слабое, которое легко можетъ истребиться, когда дѣла наши будутъ судимы или очищаемы огнемъ, — *но золото, серебро и каменіе честно* (1 Кор. 3, 16.), — вещества твердыя и пребывающія. Такъ поступайте, а тѣмъ прославляйте и насъ, будете-ли съ нами, или не будете, нашими-ли будете пользоваться словами, или найдете что-нибудь другое предпочтительнѣе.

Будьте чистыми и непорочными чадами Божиими посреди рода лукаваго и развращеннаго; не опутывайтесь сѣтями нечестивыхъ окрестъ ходящихъ и не связывайтесь пленицами своихъ грѣховъ (Прит. 5, 22.); Слово Божіе да не будетъ подавлено въ васъ заботами житейскими, чтобы вамъ не остаться бесплодными. Но идите царскимъ путемъ, не уклоняясь ни на-право, ни на-лѣво, и подѣ руководствомъ Духа шествуйте узкимъ путемъ, какъ пространнымъ. Тогда все у насъ будетъ благоуспѣшно и въ настоящей жизни и на будущемъ испытаніи во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 3.

**ВЪ КОТОРОМЪ ГРИГОРІЙ ВОГОСЛОВЪ ОПРАВДЫВАЕТЪ
УДДАЛЕНІЕ СВОЕ ВЪ ПОНТЬ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ
ВЪ ПРЕСВИТЕРА, И ПОТОМЪ ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТТУДА;
ТАКЖЕ УЧИТЬ, КАКЪ ВАЖЕНЪ САНЪ СВЯЩЕНСТВА,
И КАКОВЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ. ЕПИСКОПЪ.**

Я побѣжденъ, и признаю надъ собою побѣду. *Повинухся Господеви и умолихъ Его* (Пс. 36, 7). Такъ да начнетъ слово мое блаженнѣйшій Давидъ, или, лучше сказать, Вѣщавшій въ Давидъ и еще до нынѣ чрезъ него Вѣщающій! Ибо для начинающаго всякое слово и дѣло самый лучший порядокъ—и начинать Богомъ, и оканчивать Богомъ.

О причинѣ-же моего прежняго противленія и малодушія, по которому я *удалихся бѣгая, и водворихся* (Пс. 54, 8) на не малое время вдали отъ васъ, можетъ быть и желавшихъ моего пребыванія у васъ, а равно и о причинѣ настоящей моей покорности и перемѣны, по которой я самъ возвратился къ вамъ, пусть всякій говорить и думаетъ по своему; такъ какъ одинъ ненавидитъ, а другой любитъ; иной не извиняетъ, а другой даже одоб-

рлетъ меня. Людямъ всего прїятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ, особливо, если увлекаются или благорасположеніемъ, или ненавистію; въ какомъ случаѣ всего чаще и скрывается отъ нихъ истина. Но я, отложивъ стыдъ, представлю истину, и для обѣихъ сторонъ, то есть, для обвиняющихъ меня и для защищающихъ усердно, буду правдивымъ посредникомъ, самъ себя въ иномъ обвиняя, а въ иномъ оправдывая. И чтобы слово мое шло въ надлежащемъ порядкѣ, скажу сперва о томъ, что было со мною прежде—о моей боязливости. Ибо не могу снести, чтобы мною соблазнились нѣкоторые изъ наблюдающихъ тщательно за всѣми моими поступками, правильны-ли они, или нѣтъ (такъ какъ Богу угодно, чтобы и я значилъ нѣчто для Христіанъ); а соблазнившихся, если найдутся таковые, уврачую симъ защитительнымъ словомъ. Всего лучше не полагать другимъ преткновенія или соблазна, не погрѣшая и даже не подавая подозрѣнія, сколько сіе возможно, и сколько достанетъ силъ ума; потому что знаемъ, какое неизбѣжное и тяжкое наказаніе опредѣлилъ *Неложный* (Тит. 1, 2.) соблазненнымъ и единого отъ малыхъ. Но я подвергся сему, братія, не по невѣденію и недоразумѣнію, напротивъ того (похваляюсь, хотя нѣсколько), по другимъ причинамъ, а не потому, чтобы презиралъ Божіи законы и повелѣнія.

✓ Какъ въ тѣлѣ, иное начальствуетъ и какъ-бы предсѣдательствуетъ, а иное состоитъ подъ начальствомъ и управленіемъ: такъ и въ Церквахъ (по закону-ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующаго), Богъ поста-

новилъ, чтобы одни, для кого сіе полезнѣе, словомъ и дѣломъ направляемые къ своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; а другіе, стоящіе выше прочихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были Пастырями и Учителями къ совершенію Церкви, и имѣли къ другимъ такое-же отношеніе, какое душа къ тѣлу и умъ къ душѣ, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно тѣлеснымъ членамъ, соединено и сопряжено въ одинъ составъ, совокуплено и связано союзомъ Духа, представляло одно тѣло, совершенное и истинно достойное самаго Христа—нашей Главы. Посему не думаю, чтобы безначаліе и беспорядокъ были полезнѣе порядка и начальства, какъ для всего прочаго, такъ и для людей; напротивъ того, всего менѣе полезны они людямъ, которымъ угрожаетъ опасность въ важнѣйшемъ. Для нихъ, если не соблюдутъ перваго требованія разума, чтобы не грѣшить, важно второе, чтобы согрѣшившіе возвращаемы были на истинный путь. А поелику хорошо и справедливо быть начальникамъ и подначальнымъ; то, по моему мнѣнію, равно худо и въ одинакой мѣрѣ противно порядку, какъ всемъ желать начальства, такъ и никому не принимать онаго на себя. Когда-бы всѣ стали избѣгать сего начальствованія или, правильнѣе назвать, служенія; тогда-бы прекрасной полнотѣ Церкви не доставало значительнѣйшаго, и она не была-бы уже прекрасною. Притомъ, гдѣ и кѣмъ совершалось-бы у насъ таинственное и горѣ возводящее Богослуженіе, которое у насъ всего превосходнѣе и достаточнѣе, если-бы не было ни Царя, ни Князя, ни Священства, ни Жертвы

(Осіи 3, 4.), ни всего того, чего, какъ важнѣйшаго, были лишены непокоривые древле въ наказаніе за великія преступленія? Съ другой стороны ни мало не странно и не внѣ порядка, что многіе Богомудре изъ подначальныхъ восходятъ на степень начальника; сіе не вопреки правиламъ, какія предписываетъ любомудріе, и не предосудительно; равно какъ и то, что искусному корабельщику даютъ управлять корабельнымъ носомъ, а тому, кто, управляя носомъ, умѣетъ наблюдать вѣтры, повѣряютъ кормило; или (если угодно еще) мужественный воинъ дѣлается начальникомъ отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряженіе всѣми военными дѣлами.

И я не степени сана устыдился, желая высшей, что, можетъ быть, подумаетъ иной изъ людей ни къ чему негодныхъ и злыхъ, которые судятъ о другихъ по собственнымъ своимъ страстямъ. Я не такъ мало разумѣю и Божіе величіе и человѣческую низость, чтобы для всякаго сотвореннаго естества не признавать великимъ дѣломъ — хотя сколько-нибудь приближаться къ Богу, Который единъ всего свѣтозаріѣ, всего славнѣе, и превосходитъ чистою всякую вещественную и невещественную природу.

Итакъ что-же со мною произошло? Какая была причина моего непослушанія? Многимъ казалось, что я былъ тогда самъ не въ себѣ, сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, а не какимъ меня знали, противился и упорствовалъ больше, нежели сколько было позволительно. Посему выслушайте тому причины вы, которымъ давно желательно ихъ знать.

Особенно пораженъ я былъ неожиданностію, подобно челоѣку, поражаемому внезапнымъ громомъ, не собрался съ мыслями ; и потому преступилъ скромность, къ которой пріучалъ себя всю жизнь. Потомъ овладѣла мною какая-то привязанность ко благу безмолвія и уединенія. Любя его съ самаго начала , сколько едва-ли любилъ кто другой изъ занимающихся науками, въ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ для меня обстоятельствахъ давъ Богу обѣтъ *безмолвной жизни* , даже коснувшись уже оной, какъ находившійся въ преддверіи, и, по извѣданіи, воспылавшій большимъ желаніемъ , я не вынесъ принужденія , не допустилъ ввергнуть себя въ мятежи и насильно отвлечь отъ такой жизни, какъ-бы отъ священнаго убѣжища. Мнѣ казалось, что всего лучше, замкнувъ какъ-бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самаго себя, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего челоѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, и носить въ себѣ божественные образы, всегда чистые и несмѣшанные съ земными и обманчивыми напечатлѣніями , быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтать ко свѣту свѣтъ — къ менѣ ясному лучезарнѣйшій , пожинать уже упованіемъ блага будущаго вѣка , сожительствовать съ Ангелами и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и быть возносиму Духомъ горѣ. Если кто изъ васъ объятъ сею любовію ; то пойметъ, что говорю , и извинитъ тогдашнее состояніе моего духа. Но слова мои не убѣдятъ, можетъ быть, многихъ , именно всѣхъ тѣхъ, кому смѣшнымъ кажет-

ся сей родъ жизни, къ которому они не расположены или по собственному неразумію, или потому что иные проходятъ его недостойно; подкрѣпляемые завистію, также злонаравіемъ и поползновеніемъ многихъ на худшее, они и хорошее именуютъ худымъ, любомудріе называютъ тщеславіемъ. А отъ сего непремѣнно погрѣшаютъ въ одномъ изъ двухъ,—или дѣлаютъ зло, или не вѣрятъ добру.

Сверхъ сего произошло со мною еще нѣчто (открою предъ вами всю мою тайну): незнаю, благородно-ли это, или нѣтъ; однако-же такъ было. Мнѣ стыдно было за другихъ, которые, будучи ничѣмъ не лучше прочихъ (если еще не хуже), съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло, и прежде нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываются во святилище, тѣснятъ и толкаются вокругъ Святой Трапезы, какъ-бы почитая сей санъ не образцемъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ ответственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета. И такіе люди, скудные благочестіемъ, жалкіе въ самомъ блескѣ своемъ, едва-ли не многочисленнѣе тѣхъ, надъ кѣмъ они начальствуютъ; такъ что, съ продолженіемъ времени и сего зла, не останется, какъ думаю, надъ кѣмъ имъ и начальствовать, — когда всѣ будутъ учить, вмѣсто того, чтобы, какъ говорить Божіе обѣтованіе, *быть наученными Богомъ* (Ис. 54, 13); всѣ стануть пророчествовать, и, по древнему сказанію, по древней притчѣ, будетъ и *Саул во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 11.). Иные пороки по временамъ то

28. 26. 36. 44. 52. 55. 58.
Р. Калужевъ

усиливались, то прекращались; но ничего никогда, и нынѣ и прежде, не бывало въ такомъ множествѣ, въ какомъ нынѣ у Христіанъ сіи постыдныя дѣла и грѣхи. Но ежели не въ нашихъ силахъ остановить стремленіе зла; то по крайней мѣрѣ ненави-дѣть и стыдиться его есть не послѣдняя степень благочестія.

Но вотъ послѣдняя причина, которая важнѣе при-веденныхъ; ибо касаюсь уже главнѣйшаго въ словѣ, и не солгу (что было-бы и не позволительно раз-суждающему о такомъ предметѣ); я не думалъ, и теперь не думаю, что-бы одно и тоже значило— водить стадо овецъ или воловъ, и управлять чело-вѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы волы или овцы сдѣлались самыми откормленными и тучными. А на сей конецъ пасущій ихъ будетъ выбирать мѣста, обильныя водою и злачныя, пере-гонять стада съ одного пастбища на другое, да-вать имъ отдыхъ, поднимать съ мѣста и собирать, иныхъ жезломъ, а большую часть свирѣлю. У па-стыря овецъ и воловъ нѣтъ другаго дѣла, развѣ иногда придется ему повоевать немного съ вол-ками и присмотрѣть за больнымъ скотомъ. Всего же больше озабочиваютъ его дубъ, тѣнь, свирѣли и то, чтобы полежать на прекрасной травѣ, у сту-денной воды подъ вѣтеркомъ устроить на время изъ зелени ложе, иногда съ стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь, поговорить съ волами или овца-ми, и изъ нихъ же, что пожирнѣе, съѣсть или про-дать. А о добродѣтели овецъ или воловъ никто никогда не позаботится. Ибо что у нихъ за добро-дѣтель? И кто изъ пастуховъ предпочиталъ собст-

венному удовольствію полезное для стада? Но человѣку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ; еще, кажется, гораздо труднѣе умѣть начальствовать надъ людьми, особенно имѣть такое начальство, каково наше, которое основывается на Божіемъ законѣ и возводитъ къ Богу, въ которомъ чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ. И онъ во первыхъ, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всякомъ обстоятельствѣ и дѣлѣ не долженъ звучать, какъ поддѣльная и нечистая монета, не долженъ нисколько содержать въ себѣ вещества худшаго, которое-бы требовало сильнѣйшаго огня. Иначе тѣмъ большее произойдетъ зло, чѣмъ надъ большимъ числомъ людей будетъ онъ начальствовать; потому что порокъ, распространяющійся во многихъ, значительнѣе порока, остановившагося на одномъ. И не такъ удобно ткань принимаетъ въ себя невыводимую краску, и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухъ, и изъ воздуха сообщается животнымъ какое-нибудь вредное испареніе, производящее заразу и называемое заразкою; какъ подчиненные въ скорѣйшемъ обыкновенно времени принимаютъ въ себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку — добродѣтель. Въ семъ порокъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелію. И я всего болѣе скорблю при мысли, что порокъ есть дѣло удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя-бы никто насъ въ томъ не руковод-

ствовавъ ; напротивъ того стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя-бы и многое къ ней влекло и побуждало. Сію самую мысль , какъ думаю, имѣлъ и блаженнѣйшій Аггей , когда приведенъ былъ къ сему чудному и весьма вѣрному изображенію : Возпросите іереевъ о законѣ, говорить онъ: священное мясо, прикоснувшееся въ ризѣ къ какому-нибудь яству или питію , или сосуду, освятить-ли тотчасъ, что къ нему приблизилось? И когда іереи сказали : нѣтъ ; возпросите еще, говорить : когда что-либо прикоснется къ нечистой вещи, не тотчасъ-ли приметъ въ себя скверну ? На сіе они сказали: приметъ, и по причинѣ сообщенія не будетъ уже чистымъ (Агг. 2, 13. 14.). Что значить сіе? То-же, что и я говорю. Добродѣтель не удобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для влажнаго вещества ; но большая часть людей готовы и способны принимать въ себя худое, подобно тростнику, который, по сухости своей, легко воспламеняется и сгараетъ при вѣтрѣ отъ искры. Ибо всякій скорѣе принимаетъ въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полни тотчасъ сообщаетъ горечь свою меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ не сообщаетъ полни своей сладости. Выдерни малый камень; онъ повлечетъ за собою всю рѣку на открытое мѣсто ; удержать-же и преградить ее едва возможетъ самая твердая плотина.

Итакъ первое, чего изъ сказаннаго нами бояться должно, есть то, чтобы намъ не оказаться худыми живописцами чудной добродѣтели, особенно-же не-

годнымъ подлинникомъ для другихъ живописцевъ, можетъ быть и не худыхъ, но многихъ, или чтобы намъ не подойти подь поговорку : беремься лечить другихъ, а сами покрыты струпами. Во вторыхъ, если-бы кто изъ насъ сохранилъ себя, даже сколько можно болѣе, чистымъ отъ всякаго грѣха; то незнаю еще, достаточно-ли и сего готовящемуся учить другихъ добродѣтели. Кому ввѣрено сіе, тотъ не только не долженъ быть порочнымъ (симъ гнушаются и многіе изъ подчиненныхъ ему); но долженъ отличаться добродѣтелию, по заповѣди, повелѣвающей *уклониться отъ зла и сотворить благо* (Пс. 36, 27). Онъ обязанъ не только изглаждать въ душѣ своей худые образы, но и напечатлѣвать лучшіе, чтобы ему превосходить другихъ добродѣтелию больше, нежели сколько онъ выше ихъ достоинствомъ. Онъ долженъ не знать даже мѣри въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству, почитать не столько прибылю то, что приобрѣтено, сколько потерю то, что не достигнуто, пройденное-же обращать всегда въ ступень къ высшему, и не высоко думать о себѣ, если и многихъ превосходить, но признавать урономъ, если не соотвѣтствуетъ въ чемъ сану. Ему должно измѣрять успѣхи свои заповѣдію, а не примѣромъ ближнихъ (порочны-ли они, или успѣваютъ нѣсколько въ добродѣтели), не взвѣшивать на малыхъ вѣсахъ добродѣтель, какою обязаны мы Великому, отъ Котораго все, и для Котораго все, не думать, что всѣмъ прилично одно и то же; такъ какъ не у всѣхъ одинъ и тотъ-же возрастъ, однѣ и тѣ-же черты лица, не одинакова природа животныхъ, не одина-

ковы качества земли, красота и величіе свѣтилъ.

Напротивъ того, должно почитать порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что произведено имъ худаго, заслуживаетъ наказаніе и строго истязуется самымъ закономъ, а въ начальникѣ и предстоятелѣ даже то, что онъ не достигъ возможнаго совершенства и не преуспѣваетъ непрестанно въ добрѣ; потому что ему надобно превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, и не силою обуздывать, но доводить до порядка убѣжденіемъ. Ибо все, что дѣлается недобровольно, кромѣ того, что оно насильственно и не похвально, еще и не прочно. Вынужденное, подобно растенію, насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волю, обыкновенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Посему законъ нашъ и Самъ Законоположникъ особенно повелѣваетъ *пасти стадо не пуждено, но волею* (1 Петр. 5, 2).

Положимъ даже, что иный непороченъ и взошелъ на самый верхъ добродѣтели; все еще не вижу, какимъ запасшиися знаніемъ, на какую понадѣявшись силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ. Въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, если врачеваніе душъ сравнить съ леченіемъ тѣлъ, извѣдаетъ, сколько трудно послѣднее, и разбереть, сколько наше врачеваніе еще труднѣе, а вмѣстѣ и предпочтитель-

нѣе, и по свойству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія. Одно трудится надъ тѣлами, надъ веществомъ бrenнымъ и стремящимся долу, надъ веществомъ, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь, съ помощію искусства, и преодолѣется произшедшее въ немъ разстройство; ибо тѣло, уступивъ природѣ и не выходя изъ своихъ предѣловъ, будетъ разрушено или болѣзнію или временемъ. А другое печется о душѣ, которая произошла отъ Бога и божественна, которая причастна горняго благородства, и къ нему поспѣшаетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ (можетъ быть, и по другимъ причинамъ, какія извѣстны единому Богу, сопрягшему ее съ тѣломъ, и развѣ еще тому, кто самимъ Богомъ наученъ таковымъ тайнамъ, но сколько знаемъ — я и подобные мнѣ люди) для двухъ слѣдующихъ цѣлей. Во первыхъ, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвигъ и за борьбу съ дольнымъ, и, бывъ здѣсь искушена ими, какъ золото огнемъ, получила уповаемое въ награду за добродѣтель, а не только какъ даръ Божій. И конечно въ томъ верхъ благости Божіей, что добро содѣлано и нашею собственностію, не только всѣяно въ насъ съ естествомъ, но воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы преклонной на ту и другую сторону. Во вторыхъ, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрѣшая отъ дебелости, привлекать къ себѣ и возводить горь, чтобы она, ставъ руководительницею для служебнаго вещества, и обративъ его въ сослужебное Богу, была для тѣла тѣмъ-же, чѣмъ Богъ для души.

Врачующій тѣло принимаетъ во вниманіе мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лекарства, предписываетъ образъ жизни, предостерегаетъ отъ вреднаго, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда-же, когда и надъ кѣмъ нужно, употребляетъ прижиганія, рѣзаніе и другіе еще болѣе жестокіе способы леченія. Хотя все сіе оказывается очень труднымъ и тяжелымъ, однакоже не столько, какъ наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное произволеніе и все въ насъ тому подобное, исторгать, что приросло къ намъ звѣрскаго и дикаго, а на мѣсто сего вводитъ и укореняетъ все, что есть кроткаго и благороднаго, устанавляютъ надлежащее отношеніе между душою и тѣломъ, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшимъ; что было-бы величайшею несправедливостію, но низшее по природѣ подчиняя начальственному и владычественному, какъ безъ сомнѣнія требуетъ Божій законъ, прекрасно постановленный для всего творенія, и видимаго и сверхчувственнаго.

Въ разсужденіи всего изчисленнаго мною примѣчаю еще и то, что охраняемое врачомъ тѣло, каково есть по своей природѣ, таковымъ и остается, само-же собою ни мало не злоумышляетъ и не ухищряется противъ средствъ, употребляемыхъ искусствомъ; напротивъ того, врачебное искусство владетъ веществомъ, развѣ иногда произойдетъ какой либо временный безпорядокъ отъ воли больного, что впрочемъ не трудно предотвратить и пресѣчь. А въ насъ мудрованіе, самолюбіе и то, что неумѣемъ и не терпимъ легко уступать надъ собою по-

бѣду, служить величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели, и составляютъ какъ-бы ополченіе противъ тѣхъ, которые подаютъ намъ помощь. Сколько надлежало-бы прилагать старанія, чтобы открыть врачующимъ болѣзнь, столько употребляемъ усилія, чтобы избѣжать врачеванія. Мы храбры противъ самихъ себя и искусны ко вреду своего здравія. То рабски скрадываемъ грѣхъ, утаивая его во глубинѣ души, какъ нѣкоторый загноившійся и злокачественный струпъ, какъ будто, сокрывши отъ людей, сокроемъ и отъ великаго ока и суда Божія; то подъ различными предлогами извиняемъ въ себѣ грѣхи, и придумываемъ оправданія своимъ страстямъ; то, заградивши слухъ, подобно *аспиду глухому и затыкающему уши*, принимаемъ всѣ мѣры, чтобы *не слышать гласа обавяющихъ* (Пс. 57, 5. 6.), и не пользоваться врачевствами мудрости, которыми исцѣляется душевный недугъ; то наконецъ (какъ поступаютъ болѣе смѣлые и храбрые изъ насъ) явно не стыдимся ни грѣха, ни врачующихъ грѣхъ, идемъ, какъ говорится, съ открытою головою на всякое беззаконіе. Какое разстройство ума! или какъ еще приличнѣе назвать такую болѣзнь!—Кого надлежало-бы любить, какъ благодѣтелей, гонимъ отъ себя, какъ враговъ, ненавидя *обличающихъ во вратяхъ* (Агг. 2, 15), гнушаясь *словомъ праведнымъ* (Амос. 5, 10.), и подобно тѣмъ, которые, терзая собственную плоть, думаютъ, что терзаютъ плоть ближнихъ, предполагаемъ нанести тѣмъ болшій вредъ своимъ доброжелателямъ, чѣмъ больше зла сдѣлаемъ сами себѣ.

Посему-то полагаю, что наше врачесное искусство

гораздо труднѣе, а слѣдственно и предпочтительнѣе искусства врачевать тѣла; но оно труднѣе еще и потому, что послѣднее мало заглядываетъ въ глубь, болѣе-же занимается видимымъ: напротивъ того, наше врачеваніе и попеченіе все относится къ *потаенному сердца челоуьку* (1 Петр. 3, 11.), и наша брань—со врагомъ, внутрь насъ воющимъ и противоборствующимъ, который, оружіемъ противъ насъ употребляя насъ-же самихъ (что всего ужаснѣе!), предаетъ насъ грѣховной смерти. А для сего намъ нужны: великая и совершенная вѣра, въ большей мѣрѣ Божіе содѣйствіе, но не въ малой также, какъ убѣжденъ я, и собственная наша ревность, выражаемая и дѣйствительно оказываемая словомъ и дѣломъ, если нужно, чтобы наши души, которыя для насъ всего предпочтительнѣе, хорошо были врачуемы, очищаемы и цѣнимы дороже всего.

Что-же касается до цѣли того и другаго врачеванія (намъ остается еще сличить ихъ въ семъ отношеніи); то цѣль одного, или сохранить здоровье и благосостояніе плоти, когда оно есть, или возвратить, когда оно утрачено,—хотя и не извѣстно, полезно-ли сіе будетъ обладающему здоровьемъ. Ибо и противоположное сему часто приносило великую пользу, равно какъ нищета и богатство, слава и безславіе, униженіе и знатность, также все, что по природѣ своей занимаетъ средину, не преклоняясь ни на ту, ни на другую сторону, дѣлается лучшимъ и худшимъ по употребленію и произволу обладающихъ. Но цѣль другаго врачеванія—открыть душу, исхитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если цѣль, поддержать,

если въ опасности, обновить, если поврежденъ, *вселить Христа въ сердца* (Ефес. 3, 17.) *Духомъ*; короче сказать: того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать Богомъ и причастникомъ горняго блаженства. Сего хотятъ для насъ и пѣстунъ законъ, и посредствующіе между Христомъ и Закономъ Пророки, и Совершитель и конецъ духовнаго закона—Христось, и истощившее Себя Божество, и воспріятая плоть, и новое смѣшеніе—Богъ и чловѣкъ—единый изъ Божества и чловѣчества, и чрезъ Единого то и другое. Для сего Богъ примѣсилъ къ плоти чрезъ посредство души, и далекое между собою совокуплено чрезъ сродство посредствующаго съ тѣмъ и другимъ; все соединилось во едино за всѣхъ и за единого Праотца, —душа за душу преслушную, плоть за плоть покорившуюся душѣ и вмѣстѣ осужденную; Христось, непричастный грѣху и высшій грѣха, за Адама, бывшаго подъ грѣхомъ. Для сего ветхое замѣнено новымъ; страданіемъ возванъ страдавшій; за каждый нашъ долгъ воздано особо Тѣмъ, Кто превыше насъ; и открылось новое таинство—чловѣколюбивое Божіе смѣшеніе о падшемъ чрезъ непослушаніе. Для сего рожденіе и Дѣва, для сего ясли и Вифлеемъ; рожденіе вмѣсто созданія, Дѣва вмѣсто жены, Вифлеемъ вмѣсто Едема, ясли вмѣсто рая, малое и видимое вмѣсто великаго и сокровеннаго. Для сего Ангелы, славящіе Небеснаго, содѣлавшагося потомъ Земнымъ, пастыри, видящіе славу на Агницѣ и Пастырѣ; звѣзда путеводствующая, волхвы поклоняющіеся и приносящіе дары, чтобы прекратилось идолослуженіе. Для сего Иисусъ приѣмлетъ крещеніе и свидѣтель-

ство свыше, для сего постится, бываетъ искушаемъ и побѣждаетъ побѣдившаго. Для сего изгоняются демоны, исцѣляются болѣзни, и великое дѣло проповѣди поручается малымъ, и совершается ими. Для сего мнутъ народы, и люди помышляютъ тщетное. Для сего древо за древо, и руки за руку; руки, мужественно распростертыя, за руку невоздержно простертую; руки пригвожденныя за руку своевольную, руки совокупающія во едино концы міра за руку извергшую Адама. Для сего вознесение на крестъ за падение, желчь за вкушение, терновый вѣнецъ за худое владычество, смерть за смерть, тьма для свѣта, погребение за возвращение въ землю, воскресение для воскресения. Все сіе было для насъ Божиимъ нѣкоторымъ дѣловодительствомъ и врачеваніемъ нашей немощи, возвращающимъ ветхаго Адама туда, откуда онъ низпалъ, и приводящимъ къ древу жизни, отъ котораго удалилъ насъ плодъ древа познанія, безвременно и неблагоприятно вкушенный. Сего-то врачеванія служители и сотрудники—всѣ мы, предсѣдательствующіе предъ другими, мы, для которыхъ важно—знать и врачевать собственныя немощи и недуги, или вѣрнѣе сказать, это еще не столько важно (но меня заставила выразиться такъ порочность многихъ, находящихся съ семь санѣ),—гораздо-же важнѣе—быть въ состояніи врачевать и искусно очищать другихъ, чтобы отъ сего была польза тѣмъ и другимъ, и имѣющимъ нужду во врачеваніи и поставленнымъ врачевать.

Сверхъ сего врачи тѣмъ должны переносить извѣстные намъ труды, бдѣнія, заботы и, какъ сказалъ

одинъ изъ ихъ мудрецовъ (а), — изъ чужихъ несчастій собирать себѣ скорби; иное дознавая и изобрѣтая сами, иное заимствуя и собирая у другихъ, они должны обращать сіе въ пользу требующихъ; и что ими найдено или избѣгнуто, не исключая и самыхъ малостей, для нихъ не маловажно, но признается имѣющимъ силу къ укрѣпленію здоровья, или къ отвращенію опасности. И для чего все сіе? Чтобы больше дней прожилъ на землѣ человѣкъ, и человѣкъ, можетъ быть, не полезный для общества, но самый негодный, которому, по его порочности, было-бы даже лучше давно умереть, и чрезъ то освободиться отъ порока, сего величайшаго недуга. Но положимъ, что онъ и добрый человѣкъ; долго-ли онъ будетъ жить? Ужели всегда? И что пріобрѣтетъ отъ здѣшней жизни? Желать разрѣшиться отъ нея, по моему мнѣнію, есть первое и вѣрнѣйшее благо, и свойственно человѣку подлинно здравомыслящему и умному. Но намъ, когда мы въ опасности утратить спасеніе души, души блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность, или прославляема за добродѣтель, — какой предлежитъ подвигъ, и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятія и стремленія у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у на-

(а) Иппократъ.

чальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и невѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гибѣливыхъ и кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ. А если еще разберемъ подробнѣе : то какое различіе между вступившими въ супружество и безбрачными! Идъ у послѣднихъ опять—между пустынножителями, между находящимися въ общежитіяхъ и между остающимися въ мірѣ! Между опытными и преуспѣвшими въ созерцаніи и между тѣми, которые просто исполняютъ должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми дѣломъ и живущими праздно, между претерпѣвшими измѣну счастья и благоуспѣшными, не встрѣчавшими неудачъ! Всѣ таковыя различествуютъ между собою желаніями и стремленіями иногда болѣе, нежели сколько они различны по тѣлесному виду, или (если угодно) по сочетанію и и растворенію стихій, изъ которыхъ мы состоимъ; и потому не легко имѣть надъ ними смотрѣніе. Но какъ тѣламъ не одинаковыя даются лекарство и пища,—иное пригодно здоровому, иное больному; такъ и души врачуются различнымъ образомъ и способомъ. Свидѣтелями таковаго врачеванія сами болящіе. Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ узда; ибо одни лѣнны и неудобоподвижны къ добру, и такихъ должно возбуждать ударами слова; другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неудержимы въ стремленіяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, и такихъ можетъ исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для однихъ полезна похвала, для другихъ

укоризна; но та и другая—во время; напротивъ
того безъ времени и безъ основанія онѣ вредятъ.
 Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ—выговоръ,
 и послѣдній или по всенародномъ обличеніи, или
 по тайномъ вразумленіи. Ибо одни привыкли пре-
 небрегать вразумленіями, сдѣланными наединѣ, но
 приходятъ въ чувство, если укорятъ ихъ при мно-
 гихъ; другіе-же при гласности обличеній теряютъ
 стыдъ, но ихъ смиряетъ тайный выговоръ, и за та-
 кое снисхожденіе къ себѣ воздаютъ они благопокор-
 ностію. Иные, надмеваясь мыслию, что дѣла ихъ
 тайны, о чемъ они и заботятся, считаютъ себя ум-
 нѣе другихъ, и въ такихъ надобно тщательно на-
 блюдаютъ всё, даже самыя маловажныя, поступки;
 а въ другихъ лучше инаго не замѣчать, и, какъ
 говорится, видя не видать, слыша не слышать,
 чтобы, подавивъ ихъ ревностію обличеній, не
 возбудить къ упорству и напослѣдокъ не сдѣлать
 дерзновенными на всё, истребивъ въ нихъ стыдъ—
 сіе средство ко внушенію покорности. Иногда
 нужно гнѣваться, не гнѣваясь, оказывать презрѣ-
 ніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь,
 сколько сего требуетъ свойство каждаго; другихъ
 должно врачевать кротостію, смиреніемъ и соуча-
 стіемъ въ ихъ лучшихъ о себѣ надеждахъ. Однихъ
 полезно побѣждать; отъ другихъ часто полезнѣе
 быть самому побѣжденнымъ; и хвалить или оуж-
 дать должно—у инаго достатокъ и могущество, а у
 инаго нищету и разстройство дѣлъ. Ибо наше вра-
 чевство не таково, каковы добродѣтель и порокъ,
 изъ которыхъ первая всегда и для всѣхъ всего
 лучше и полезнѣе, а послѣдній всего хуже и вред-

вѣе; у насъ одно и тоже, на примѣръ строгость или кротость, а равно и прочее, мною исчисленное, не всегда даже для однихъ и тѣхъ-же оказывается или самымъ спасительнымъ, или опаснымъ. Напротивъ того для иныхъ хорошо и полезно одно, а для иныхъ другое, первому противное,—сообразно тому, думаю, какъ требуютъ время и обстоятельства, и какъ допускаетъ нравъ врачуемаго. Хотя, сколько-бы кто ни употреблялъ тщанія и ума, не возможно всего изобразить словомъ и обнять мыслию въ такой подробности, чтобы вкратцѣ былъ видѣнъ весь ходъ врачеванія; однако-же на самомъ опытѣ и на дѣлѣ дѣлается то извѣстнымъ и учебной наукѣ и врачу. Вообще-же извѣстно намъ, что какъ для ходящаго по высоко-натяннутому канату не безопасно уклоняться въ стороны, и малое, по видимому, уклоненіе влечетъ за собою большее, безопасность-же его зависитъ отъ равновѣсія; такъ и въ нашемъ дѣлѣ, кто по худой жизни, или по невѣжеству, уклоняется въ ту и другую сторону, для того очень опасно, что и самъ онъ впадетъ въ грѣхъ, и вовлечетъ въ него управляемыхъ. Напротивъ того должно идти самымъ царскимъ путемъ и остерегаться, чтобы, какъ сказано въ Притчахъ, *не уклониться ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27.). Таково свойство нашихъ немощей, и отъ сего столько труда доброму Пастырю, обязанному хорошо знать души своихъ пасомыхъ, и быть вождемъ ихъ по закону прямого и справедливаго пастырства, которое было-бы достойно Истиннаго нашего Пастыря.

Что-же касается до самаго раздаянія слова, (скажу напоследокъ о томъ, что составляетъ пер-

вую нашу обязанность, и разумѣю слово Божественное и высокое, о которомъ нынѣ всѣ богомудрствуютъ); то, ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать: малоумію!) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ — каждому даяти во время житомьрїе (Лук. 12, 42.) слова, и съ разсужденіемъ вести домостроительство истины нашихъ догматовъ, то есть, нашего богомудраго ученія о мірахъ или мірѣ, о веществѣ, о душѣ, объ умѣ и умныхъ существахъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, о Промыслѣ, все связующемъ и распоряжающемъ всѣми событіями, какъ согласными съ разумомъ, такъ по видимому и противорѣчащими дольнему — человѣческому уму; также о первоначальномъ нашемъ устроеніи и о послѣднемъ возсозданіи, о прообразованіяхъ и истинѣ, ими прообразуемой, о завѣтахъ, о первомъ и второмъ Христовомъ пришествіи, о воплощеніи, страданіяхъ и смерти Христовой, о воскресеніи, о кончинѣ міра, о судѣ и воздаяніи — и грозномъ и славномъ; а что главное, о томъ, чему должно вѣровать — о начальной, царственной и блаженной Троицѣ. Въ семъ догматѣ для обязанныхъ просвѣщать другихъ всего опаснѣе, чтобы намъ, изъ опасенія многобожія, заключивъ Божество въ одну Упостась, не оставитъ въ ученіи своемъ однихъ голыхъ именъ, признавъ за одно Отца, и Сына, и Святаго Духа, а также, чрезъ уклоненіе въ противное, раздѣливъ Божество на трехъ или разнородныхъ и другъ другу чуждыхъ, или

неподчиненныхъ и безначальныхъ — такъ сказать, противоположныхъ Боговъ, не впасть въ равное первому зло, подобно тому, что бываетъ съ кривымъ деревомъ, которое чрезъ мѣру гнуть въ противную сторону. А какъ нынѣ въ ученіи о Богѣ три недуга — безбожіе, іудейство и многобожіе, и изъ нихъ защитникомъ перваго Ливійскій Савеллій, втораго — Александрійскій Аріи, а третьяго — нѣкоторые изъ числа чрезъ мѣру у насъ православныхъ; то какое-же мое ученіе? Избѣгая всего, что есть вреднаго въ сихъ трехъ ложныхъ ученіяхъ, держаться въ предѣлахъ благочестія. И во первыхъ, не увлекаться въ безбожіе Савеллія, слѣдуя его новому разложенію и сложенію, по которому либо утверждаютъ не столько то, что всѣ *Ипостаси* суть одно, сколько то, что каждая — ничто (ибо выступающее изъ себя и переходящее взаимно другъ въ друга перестаетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ оно есть); либо воображаютъ и составляютъ себѣ какого-то сложнаго и страннаго Бога, подобнаго баснословнымъ животнымъ. Во вторыхъ, не уклоняться въ іудейскую скудость, разсѣкая естества съ Аріевымъ, справедливо такъ называемымъ, умоизступленіемъ, и не приписывать Божескому естеству зависти, ограничивая Божество однимъ Нерожденнымъ, какъ-бы изъ опасенія, чтобы Богъ не потерпѣлъ ущерба, будучи Отцемъ истиннаго и равночестнаго по естеству Бога. Наконецъ не вводить избѣгнутаго уже нами языческаго многоначалія, и трехъ началъ, какъ одного другому не противопоставлять, такъ и одного съ другимъ не сопоставлять. Не должно быть такими любителями Отца, чтобы даже отни-

мать у него отечество ; ибо чьимъ былъ-бы Онъ Отцемъ , если-бы Сынъ или , наравнѣ съ тварію, былъ отдѣленъ отъ Него и разъединенъ съ Нимъ по естеству , (потому что чуждое уже не Сынъ); или былъ смѣшанъ и слитъ съ Отцемъ, и, что тоже значить , сливалъ Его съ Собою? Не должно быть и такими любителями Христа , чтобы у Сына не оставлять даже сыновства (ибо чьимъ былъ-бы Онъ Сыномъ , если-бы не имѣлъ началомъ Отца?), а у Отца не оставлять преимущества — быть началомъ, принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо Отецъ былъ-бы началомъ чего-то низкаго и недостойнаго, или, вѣрнѣе сказать, началомъ въ низкомъ и недостойномъ смыслѣ, если-бы не былъ началомъ Божества и благодати, созерцаемой въ Сынѣ и въ Духѣ Святомъ, — въ первомъ, какъ въ Сынѣ и въ Словѣ, а въ другомъ, какъ въ исходящемъ и неразрѣшаемомъ Духѣ. Необходимо нужно какъ соблюсти единство Божіе, такъ и исповѣдывать три Упостаси, притомъ каждую съ личнымъ Ея свойствомъ.

Чтобы достаточно и соотвѣтственно достоинству предмета уразумѣть и изложить сіе, для того потребно слово болѣе продолжительное , нежели каково настоящее время , и даже думаю, какова настоящая жизнь. Особенно-же какъ нынѣ , такъ и всегда, потребенъ для сего Духъ, при одномъ содѣйствіи Котораго и можно только о Богѣ и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо къ чистому должно прикасаться одно чистое и ему подобное. Теперь-же кратко упомянулъ я о семъ съ тою цѣлю, чтобы видно было , какъ трудно бесѣдующему о такихъ предметахъ , особенно въ многочисленномъ

собрании людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое, подобно многострунному органу, требуетъ не одинаковыхъ ударений, — трудно, говорю, найти слово, которое-бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія. Трудно уже и по тому, что, какъ опасность съ трехъ сторонъ, то есть, отъ мысли, слова и слуха, то не возможно не преткнуться, если не во всемъ, по крайней мѣрѣ въ чемъ-либо одномъ. Ибо если умъ не просвѣщенъ, или слово слабо, или слухъ не очищенъ и потому не вмѣщаетъ слова; отъ одной изъ сихъ причинъ такъ-же, какъ и отъ всѣхъ, необходимо храмлетъ истина. Но трудно еще и потому, что здѣсь обращается во вредъ и опасность то самое, что для обучающихъ чему-либо другому содѣлываетъ учение весьма легкимъ и удобопріемлемымъ, то есть, заботливость слушателей о благочестіи. Ибо они, какъ вступающіе въ подвигъ за учение о Богѣ — Существомъ Высочайшемъ, и о своемъ спасеніи — первѣйшей для всѣхъ надеждѣ, чѣмъ горячѣе въ вѣрѣ, тѣмъ съ большимъ упорствомъ внимаютъ слову, почитая покорность оному не благочестіемъ, но измѣною истинѣ, и скорѣе готовы отказаться отъ всего, нежели отъ своихъ мыслей, съ которыми пришли, и отъ привычки къ догматамъ, въ которыхъ воспитаны. И замѣчу еще, что это недугъ людей болѣе умѣренныхъ и не совершенно худыхъ, которые, хотя погрѣшаютъ противъ истины, однако-же, какъ подвергающіеся сему изъ заботливости о благочестіи и имѣющіе ревность, только не по разуму, можетъ быть и не такъ строго будутъ осуждены, и не такъ много наказаны, какъ отпадающіе отъ

III.
 1111111111

48.
 6111111111

воли Господней по злонравію и лукавству. Даже они со временемъ могутъ еще переувѣриться и перемѣниться по той-же заботливости о благочестіи, по которой они противились; ежели только коснется ихъ слово, и, какъ желѣзо въ кремень, или внутренно, или внѣшнимъ образомъ, произведетъ благовременный ударъ въ ихъ оплодотворенное уже и достойное свѣта разумѣніе, въ которомъ отъ малой искры весьма скоро можетъ возсіять свѣтильникъ истины. Но что сказать о людяхъ, которые по тщеславію или любоначалию *неправду въ высоту глаголютъ* (Пс. 72, 8.), съ велерѣчіемъ какого-нибудь Іаннія или Іамврія вооружаются не противъ Моисея, но противъ истины, и возстаютъ противъ здраваго ученія? Что сказать о третьемъ родѣ людей, которые, по невѣжеству и слѣдствію онаго — дерзости, съ жадностію, какъ свиньи, кидаются на всякое ученіе, и попираютъ прекрасные бисеры истинъ? Или о всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ у себя ни собственнаго мнѣнія, ни какого-либо образца, худаго или добраго, для ученія о Богѣ, но готовы слушать всякое ученіе и всякаго учителя, чтобы изъ всего выбрать лучшее и безопаснѣйшее, и такой выборъ довѣряютъ самимъ себѣ — худымъ судіямъ истины; а потомъ, переходя и возвращаясь отъ одной вѣроятности къ другой, нагруженные и подавленные ученіями всякаго рода, перемѣнивъ многихъ учителей, и многія писанія разбросавъ легкомысленно, какъ пыль на вѣтеръ, когда утомится и слухъ и умъ; (какое безразсудство!) начинаютъ оказывать одинаковое отвращеніе ко всякому ученію, и напечатлѣваютъ въ себѣ гибельное

и нечестивые

правило — осмѣивать и презирать самую вѣру нашу, какъ нѣчто нетвердое, и не имѣющее въ себѣ ничего здраваго, дѣлая невѣжественное заключеніе отъ учащихъ къ ученію, подобно такому человѣку, который, имѣя разстроенные глаза или поврежденные уши, винить солнце или звуки, первое, что оно темно и не блещетъ, а послѣдніе, что они слабы и беззвучны? Посему-то легче вновь напечатлѣвать истину въ душѣ, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ какомъ случаѣ оно сливается и смѣшивается съ первыми. Правда, что лучше идти по гладкой и битой дорогѣ, нежели по шероховатой и непротоптанной, и легче пахать землю, которую неоднократно рѣзали и умягчали плугъ; однакоже лучше писать на душѣ, которую не изборозило еще негодное ученіе, и на которой не вѣзались глубоко начертанія порока. Иначе благочестивому краснописцу два будутъ дѣла — изгладить прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія и достойныя сохраненія. Столько въ насъ отъ лукаваго лукавыхъ образовъ и начертаній относительно какъ къ прочимъ видоизмѣненіямъ (*πάθη*) души, такъ и къ самому слову; и столько-то трудовъ для того, кому ввѣрено сіе дѣтководительство душъ и попеченіе о нихъ! Но еще большаго не коснулось мое слово, чтобы не содѣлаться обширнѣе надлежащаго.

Если-бы кто захотѣлъ укротить и сдѣлать ручнымъ многовиднаго и многообразнаго звѣря, составленнаго изъ многихъ, большихъ и малыхъ, крот-

кихъ и свирѣшыхъ звѣрей; то, безъ сомнѣнія, потребовалось-бы много труда и усилій, чтобы управлять такимъ разныхъ свойствъ чудовищнымъ существомъ; потому что не всѣ звѣри любятъ одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свистъ и другіе способы хожденія за ними; напротивъ того для однихъ пріятно и непріятно одно, а для другихъ другое, по природѣ и привычкѣ каждаго. Чтò-же бы надлежало дѣлать приставнику такого звѣря? Конечно то, чтобы, если хочетъ хорошо управиться съ звѣремъ и соблюсть его, — пріобрѣсть для сего многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія, и употреблять хожденіе, приличное каждому *свойству звѣря*. Такъ, поелику общее тѣло Церкви, подобно ^{18.} одному сложному и разнородному живому существу, слагается изъ многихъ и различныхъ нравовъ и умовъ; то Предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ, относительно къ правотѣ во всемъ, такъ, сколько можно болѣе, многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, по способностямъ младенцы и, можно сказать, еще не окрѣпшіе, требуютъ себѣ въ пищу млека, то есть, самыхъ простыхъ и первоначальныхъ уроковъ, и не могутъ принимать словесной пищи, приличной мужу. А если-бы кто предложилъ имъ такую не по силамъ пищу; то, вкусивши и обременившись (когда умъ, какъ тѣло младенца, недостаточенъ еще къ тому, чтобы переварить и усвоить себѣ принятое), они потерпѣли-бы ущербъ даже въ прежней своей силѣ. Другіе-же, достаточно обучившіе чувства къ раз-

личенію истиннаго и ложнаго , имѣютъ нужду въ премудрости, проповѣдуемой между совершенными (1 Кор. 2, 6.), и въ пищу высшей и болѣе твердой. А если-бы стали напоевать ихъ млекою и питать растеніями — пищею слабыхъ; то они совершенно по праву огорчились-бы тѣмъ , что ихъ не укрѣпляютъ по Христу, не даютъ имъ возрасти достойнымъ похвалы возрастаніемъ , какое производится словомъ , которое хорошо питаемаго имъ совершаетъ въ мужа и приводитъ въ мѣру духовнаго возраста. Но кто-же имѣетъ достаточныя къ тому силы ? Мы не способны корчемствовать словомъ истины и мѣшать вино съ водою, то есть, ученіе, веселящее сердце человѣческое, съ ученіемъ пошлымъ, дешевымъ, влачимымъ по землѣ, пропадающимъ и текущимъ понапрасну , какъ дѣлаютъ многіе. Они, чтобы отъ такого корчемства получить и себѣ прибыль, бесѣдуютъ съ проходящими о томъ и о другомъ, такъ и иначе, въ угожденіе всякому, подобно какимъ-нибудь чревоушителямъ и суесловамъ , для собственной своей забавы употребляютъ слова, изъ земли изглашаемыя и въ землю уходящія , какъ будто тѣмъ болѣе они прославляются въ народѣ , чѣмъ больше вредятъ себѣ и губятъ себя, проливая кровь неповинную самыхъ простыхъ душъ, которая будетъ взыскана отъ рукъ нашихъ. Напротивъ того знаемъ , что лучше другимъ искуснѣйшимъ вручить бразды правленія надъ собою, нежели быть несвѣдущими правителями другихъ , что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный языкъ. Посовѣтовавшись о семъ съ самимъ собою (можетъ быть и не худымъ со-

вѣтникомъ, а если и не такъ, то, по крайней мѣрѣ, доброжелательнымъ), я разсудилъ, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, лучше учиться, нежели, не зная, учить. Ибо счастливъ тотъ, до кого хотя въ глубокой старости достигнетъ старческое слово, которое можетъ принести пользу душѣ, еще юной по благочестію. А посему брать на себя трудъ—учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и, по пословицѣ, на большемъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть, надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію свойственно только людямъ крайне неразумнымъ и дерзкимъ, — неблагоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества, — дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло.

Мудрѣйшіе изъ Евреевъ говорятъ, что у нихъ въ древности былъ одинъ особенно прекрасный и похвальный законъ, которымъ не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писанія. — Ибо чтеніе сіе не было-бы и полезно; потому что не всякая книга всякому съ перваго начала вразумительна, а заключающая въ себѣ болѣе глубокой смыслъ, даже можетъ многимъ, по своему внѣшнему смыслу, обратиться въ болѣе вредъ. Напротивъ того книги, которыя и по внѣшнему смыслу назидательны, были съ самаго начала открыты всякому и находились въ общемъ употребленіи; а книги, которыя подъ неважною оболочкою сокрываютъ таинственную красоту — награду усильныхъ исканій и свѣтлой жизни, — просіявающую и удобосозерцаемую только для имѣющихъ очищенный умъ, довѣ-

ряемы были уже переступившимъ двадцати-пяти лѣтній возрастъ; потому что въ семь только возрастъ чловѣкъ можетъ стать выше чувственнаго, и съ успѣхомъ восходить отъ письмени къ духу. Но у насъ между временемъ, когда учить и когда учиться, нѣтъ никакого предѣла, подобнаго камнямъ, поставленнымъ древле между колѣнами за Иорданомъ и колѣнами по сю сторону Иордана. У насъ не дано дозволеній однимъ на то, другимъ на другое, и не положено никакого правила касательно способностей; напротивъ того все сіе оставлено безъ вниманія и слито. И мы такъ худо поступаемъ, что большая часть изъ насъ, (чтобъ не сказать: всѣ) почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованія Священныхъ Книгъ, научимся распознавать письмена и писателей Ветхаго и Новаго Завѣта (не говорю, прежде нежели омоемъ душевную нечистоту и гнусность, какими покрылъ насъ грѣхъ), если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги, если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ, или до пояса походить на философа (о чудное предсѣдательство и велемудріе! конечно, Самуилъ священъ и въ пеленахъ!); мы уже и мудры, и учителя, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные, желаемъ *зватися отъ чловѣкъ: учителю!* ни мало не смотримъ на букву, все хотимъ разумѣть духовно (сколько грезъ! какое обширное поле пустословію!); и мы стали-бы

негодовать, если-бы насъ не очень хвалили. Таковы тѣ изъ насъ, которые еще скромнѣе и простѣе другихъ; каковы-же болѣе духовные и благороднѣйшіе? Они, если заблагоразсудится имъ, подвергнувъ насъ многимъ осужденіямъ и испытаніямъ, и поставивъ ни во что, удаляются отъ насъ съ презрѣніемъ даже къ сообществу съ нами, какъ съ людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь къ кому изъ нихъ, спокойно и въ логическомъ порядкѣ спросимъ такъ: скажи мнѣ, дивный мужъ, ты считаешь за что нибудь пляску и игру на свирѣли? — отвѣтить можетъ быть: конечно почитаемъ. — А также считаешь за что нибудь мудрость и быть мудрымъ, то есть, какъ мы полагаемъ, имѣть вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ? — И въ семъ уступать намъ. — Что-же назовешь лучшимъ и высшимъ? Пляска-ли и игра выше мудрости, или мудрость несравненно выше сихъ искусствъ? — Очень знаю, они будутъ столько добросовѣстны, что даже скажутъ: мудрость выше и всѣхъ искусствъ. — Но для пляски и игры на свирѣли есть науки, и имъ учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилія, иногда надобно тратить деньги; прискивать людей, которые-бы объяснили науку, предпринимать дальнія путешествія, а также дѣлать и терпѣть все, чѣмъ пріобрѣтается опытность. А мудрость, которая все превосходитъ и заключаетъ въ себѣ всѣ блага въ совокупности (такъ что самому Богу, хотя Онъ имѣетъ многія наименованія, угоднѣе именоваться Премудростію, нежели другимъ какимъ именемъ), ужели почтемъ для себя столь легкимъ и не затруднительнымъ дѣломъ, что всякому стоитъ толь-

ко захотѣтъ, и будетъ мудрымъ? Большое невѣжество такъ думать!—Но если мы (или кто другой ученѣе и умнѣ насъ) начнемъ говорить съ ними такимъ образомъ, чтобы по-немногу разсвѣять ихъ заблужденіе; то все сіе будетъ тоже, что и сѣять на камнѣ, или говорить въ уши глухому. Такъ мало въ нихъ мудрости даже на то, чтобы сознать свое невѣжество. И мнѣ кажется, прилично сказать о нихъ Соломоново слово: *есть лукавство, еже видѣхъ подъ солнцемъ, мужа нещечавша себе мудра быти* (Екклез. 10, 5. Притч. 26, 2.), и, что еще хуже, получившаго право учить другихъ, когда не чувствуетъ собственнаго невѣжества. Если какой недугъ, то сей именно, достоинъ слезъ и рыданія. И я не однократно жалѣлъ о семъ, ^{уо} очень зная, что самомнѣніе отнимаетъ у человѣка большую часть того, чѣмъ онъ есть, и что тщеславіе бываетъ для людей величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели. А уврачевать и остановить болѣзнь могутъ развѣ Петръ или Павелъ—великіе ученики Христовы, которые, со властію управлять словомъ и дѣломъ, получили даръ благодати, и были всѣмъ для всѣхъ, да всѣхъ приобщаютъ. Для насъ-же, прочихъ людей, не маловажно, если будемъ хорошо управляемы и руководимы тѣми, кому ввѣрено исправленіе такихъ дѣлъ и распоряженіе ими.

Но поелику упомянулъ я о Павлѣ и о подобныхъ ему; то, если угодно, оставивъ всѣхъ прочихъ, кто только сдѣлался знаменитымъ — или какъ законодатель, или какъ пророкъ, или какъ военачальникъ или какъ завѣдывавшій другою какою-нибудь частію общественнаго благоустройства, не говоря на

примѣръ о Моисеѣ, Ааронѣ, Иисусѣ Навинѣ, Илиі, Елисеѣ, Судіяхъ, Самуилѣ, Давидѣ, о всѣхъ сонмѣ Пророковъ, объ Іоаннѣ, о двѣнадцати ученикахъ и ихъ преемникахъ, изъ которыхъ каждый со многими трудами и усиліями проходилъ въ свое время званіе начальника; умолчавъ о всѣхъ нихъ, одного Павла представлю свидѣтелемъ моего слова, чтобы изъ его примѣра видѣть, что значитъ имѣть попеченіе о душахъ, и кратковременныхъ-ли занятій, малыхъ-ли требуетъ сіе свѣдѣній! А чтобы удобнѣе сіе узнать и понять, послушаемъ, что говоритъ о Павлѣ самъ Павелъ.

Не буду говорить объ его трудахъ, бдѣніяхъ, страхахъ, злостраданіяхъ отъ голода, жажды, холода и наготы, о злоумышленіяхъ противъ него невѣрныхъ, о противодѣйствіяхъ ему вѣрныхъ. Умалчиваю о гоненіяхъ, сонмищахъ, темницахъ, узахъ, обвинителяхъ, судилищахъ, ежедневныхъ и ежечасныхъ смертяхъ, о кошницѣ, о метаніяхъ камнями, о біеніяхъ палками, о странствованіи, объ опасностяхъ и на сушѣ, и на морѣ, и во глубинѣ морской, о кораблекрушеніяхъ, объ опасностяхъ на рѣкахъ, объ опасностяхъ отъ разбойниковъ, отъ сродниковъ, объ опасностяхъ между лжебратіи, о пропитаніи трудами рукъ своихъ, о безкорыстномъ благоустроеніи, о томъ, какъ Павелъ былъ позорищемъ для Ангеловъ и человѣковъ, когда, стоя между Богомъ и человѣками, за человѣковъ подвизался, и къ Богу приводилъ и присоединялъ народъ избранный. Кромѣ сихъ внѣшнихъ подвиговъ, кто достойнымъ образомъ опишетъ ежедневную его попечительность, сердоболіе о каждомъ, заботливость

о всѣхъ церквахъ , ко всѣмъ сострадательность и братолюбіе? Претыкался-ли кто, и Павелъ чувствовалъ немощь. Другой соблазнился , а Павелъ приходилъ въ воспламененіе. А его неутомимость въ ученіи, разнообразіе способовъ врачеванія,—то чело-вѣколюбіе, то опять строгость , то смѣшеніе и раствореніе и чело-вѣколюбія и строгости; такъ что, ни кротостію не разслабляетъ , ни суровостію не ожесточаетъ ! Онъ излагаетъ законы рабамъ и господамъ, начальникамъ и подчиненнымъ, мужамъ и женамъ, родителямъ и дѣтямъ, супружеству и безбрачію, воздержанію и роскоши, мудрости и невѣжеству , обрѣзанію и необрѣзанію, Христу (б) и міру, плоти и духу. За однихъ благодарить, другихъ укоряетъ; однихъ именуетъ своею радостію и вѣнцемъ, другихъ обличаетъ въ безуміи. Кто ходитъ право , тѣмъ сопутствуетъ и соусердствуетъ; а кто ходитъ лукаво, тѣхъ останавливаетъ. Онъ то отлучаетъ, то утверждаетъ любовь (2 Кор. 2, 8.); то плачетъ, то веселится ; то напоеваетъ млеко-мъ, то касается тайнъ ; то снисходитъ , то ведетъ съ собою на высоту ; то угрожаетъ палицею (1 Кор. 4, 21.), то объе-млетъ духомъ кротости; то возносится съ высокими , то смиряется съ смиренными. Иногда онъ—меньшій изъ Апостоловъ , а иногда общаетъ представить доказательство, что въ немъ глаголетъ Христосъ. Иногда желаетъ отъйти и *жреть бываетъ* (2 Тим. 4, 6.); иногда признаетъ болѣе нужнымъ для вѣрующихъ-пребывать ему во

(б) Живущимъ по Христу.

плоти. Ибо ищетъ не собственной пользы, но пользы чадъ, которыхъ родилъ во Христѣ благоговѣствованіемъ; — такова цѣль и всякаго духовнаго начальства, — во всемъ презирать свое для пользы другихъ! Павелъ хвалится немощами и скорбями; какъ бы нѣкоторымъ убранствомъ, украшается мертвостію Иисусовою; онъ высокъ и по плоти, но радуется о духовныхъ дарахъ; онъ не невѣжда въ познаніи, хотя говоритъ о себѣ, что видитъ сквозь тусклое стекло и гадательно. Бодръ духомъ, и изнуряетъ тѣло, истощая его, какъ противника; а вмѣстѣ не научаетъ-ли и не вразумляетъ-ли тѣмъ и насъ, не превозноситься земнымъ, не надмеваться вѣдѣніемъ, не возстаивать плоти противъ духа? Онъ за всѣхъ ратоборствуетъ, за всѣхъ молится, о всѣхъ ревнуетъ, за всѣхъ воспаляется, и за тѣхъ, которые внѣ закона, и за тѣхъ, которые подъ закономъ; онъ проповѣдникъ язычниковъ, предстатель Іудеевъ. Онъ дерзалъ и на нѣчто большее за братьей своихъ по плоти (о если-бы и мнѣ говорящему сіе дерзнуть на нѣчто подобное!). Павелъ молить по любви своей къ братьямъ, чтобы они вмѣсто него приведены были ко Христу. Какое величіе души, какая горячность духа! Онъ подражаетъ Христу, бывшему за насъ клятвою, воспринявшему на себя наши немощи, понесшему наши болѣзни, или, скажу скромнѣе, онъ первый послѣ Христа не отрекается страдать за Іудеевъ, и притомъ какъ нечестивый, только-бы они спаслись. Но къ чему перечисляю подробности? Живя не для себя, но для Христа и для проповѣди, распявъ себѣ міръ и распявшись міру и всему видимому, Павелъ все

почитаеть маловажнымъ и низкимъ для своего желанія , хотя *отъ Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнить благовѣствованіе* (Рим. 15, 19.) , хотя восхищенъ будетъ до третіяго неба, содѣлается зрителемъ рая и слышателемъ неизглаголанныхъ для насъ глаголовъ.

Таковъ Павелъ , таковъ всякій подобный ему духомъ ! Но мы боимся , чтобы въ сравненіи съ ними не быть *юродивыми князьями Танесовыми* (Ис. 19, 11.) , или *приставниками пожинающими* , или *ложно ублажающими народъ* , прибавлю даже , *ублажаемыми* , и *стези ногъ вашихъ возмущающими* (Ис. 3, 12.) , или *ругателями господствующими* , или начальниками юными , несовершенными умомъ , и не имѣющими столько пищи и одѣянія , чтобы предводительствовать какимъ ни есть числомъ людей , (3, 4-7.) , или *пророками учащими беззаконная* (9, 15.) , или *князьями непокаряющимися* (1, 23.) , которые вмѣстѣ съ отеческими постановленіями достойны злорѣчія по жестокости голода (8, 21.) , или священниками весьма далеки отъ того , чтобы *глаголати въ сердце Иерусалиму* (40, 2.) ; такъ какъ за все сіе сильно порицаетъ и обличаетъ очищенный Серафимомъ и углемъ Исаія . Итакъ , ужели , хотя дѣло сіе такъ важно и такъ многотрудно для сердца чувствительнаго и скорбнаго , хотя оно дѣйствительная *моль костемъ* (Притч. 14, 30.) даже для человѣка съ умомъ , — однако опасность не велика и послѣдствія не заслуживаютъ вниманія ?

Но на меня наводятъ великій страхъ , съ одной стороны блаженный Осія , когда говоритъ , что

насъ — священниковъ и начальниковъ ожидаетъ судъ, яко пруглѣ (в) быхомъ на стражбѣ, и якоже мрежа распростерта на Итаврїи (Ос. 5, 1. 2.), воткнутая ловцами душъ человѣческихъ, и угрожаетъ пожать непотребныхъ пророковъ (5, 6.), истребить огнемъ судей ихъ (7, 7.), удержаться на время, еже помазати царя и князя (8, 10.), потому что они царствовали сами собою, а не Богомъ (8, 4.); а съ другой стороны божественный Микей, который не терпитъ, чтобы Сїонъ созидаемъ былъ кровью, чьими-бы то ни было, и Иерусалимъ неправдами, чтобы старъїишины его на дарьхъ судили, жерцы на мзду отвѣщавали, и пророцы на сребро волхвовали (Мих. 3, 10. 11.). И чѣмъ угрожаетъ за сіе? Сїонъ яко нива изорется, Иерусалимъ яко овощное хранилище будетъ, и гора дому якоже лугъ дубравный вмѣнится (3, 12.). Оплакивая-же такое оскудѣніе добрыхъ правителей, что едва остается гдѣ колось или стебель, когда и князь проситъ и судїя говоритъ изъ угроженія, и восклицая почти слѣдующими словами великаго Давида: спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный (Пс. 11, 1.), — Пророкъ возвѣщаетъ, что за сіе оскудѣють у нихъ блага, какъ-бы появляемая молїю (Мих. 7, 4.). А Іоиль заповѣдуетъ намъ плачь; онъ хочетъ, чтобы служащїи жертвеннику бились (Іоил. 1, 13.) въ тяжкое время голода; онъ вовсе далекъ отъ того, чтобы дозволить намъ роскошь среди бѣдствїя другихъ, не только

(в) Петля.

повелѣваетъ освятить постъ , проповѣдать цѣльбу, собрать старцевъ и младенцевъ (2, 15. 16.) — сія жалкіе возрасты, но требуетъ , чтобы священники шли въ храмъ въ пеплѣ и вретіахъ , съ глубокимъ смиреніемъ поверглись на землю , яко опустѣша поля (1, 10.) отъ безплодія, извержеса жертва и возліяніе изъ дому Господня. (1, 9.), и такимъ уничиженіемъ привлекли милость. А что скажетъ Аввакумъ ? Его рѣчь пламеннѣе , онъ съ негодованіемъ обращается къ самому Богу и какъ-бы вопіетъ на Владыку Христа за неправду судей, говоря: *Доколь, Господи, воззову и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши? вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзны, смотрити страсть и нечестіе? противу мнѣ бысть судъ, и судія вземлетъ. Сего ради разорися законъ и не производится въ совершеніе судъ (Авв. 1, 2-4.).* За симъ у Пророка угроза и слѣдующія слова: *Видите презорливіи, и смотрите, и чудитесь чудесемъ, и исчезните: понеже дѣло Азъ дѣлаю (1, 5.).* Но нужно-ли приводить всѣ слова угрозы? Напротивъ того, по моему мнѣнію, лучше присовокупить къ сказанному, какъ Аввакумъ, вызвавъ сперва на среду и оплакавъ многихъ учинившихъ что-либо несправедливое и худое, вызываетъ наконецъ начальниковъ и учителей злонравія, называя порокъ *развращеніемъ* мутнымъ, опьянѣніемъ и заблужденіемъ ума, и говоритъ, что чрезъ нихъ напоеаются симъ ближніе, *яко да взираютъ* ко тѣмъ душъ своихъ и *пещерамъ* гадовъ и *звѣрей* (2, 15.), то есть, обиталищамъ худыхъ помысловъ.

Таковы исчисленные мною Пророки, и такія они

предлагаютъ намъ наставленія. Но справедливо-ли будетъ оставить безъ вниманія Малахію, который въ одномъ мѣстѣ жестоко обвиняетъ и укоряетъ священниковъ, что презируютъ имя Господне (1, 6.), и между прочимъ присовокупляетъ, что приносятъ ко олтареву хлѣбы скверны (1, 7.), брашна не изъ начатковъ, что, какихъ даровъ не принесли-бы ни одному изъ начальниковъ, или какіе принеши, себя-бы обезславили, такіе дары, то есть, хромое, недужное, растлѣнное, и вовсе нечистое и презрѣнное, приносятъ Царю всяческихъ, когда обѣщаваютъ обѣты; а въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ завѣтъ Божій съ Левитами — завѣтъ жизни и мира, завѣтъ — боязню бояться Господа и отъ лица имене Его утрашатися (2, 5.). Законъ истины, говоритъ Пророкъ о Левитѣ, бъ во устѣхъ его и неправда не обрѣтесе во устнахъ его: въ миръ исправляяй иде со Мною и многи обрати отъ неправды. Понеже устниъ Геревы сохранятъ разумъ и закона възыщутъ отъ устъ его. И какая высокая, а вмѣстѣ и страшная тому причина! — яко Ангель Господа Вседержителя есть (2, 6.). Отказываюсь повторять то, что есть укоризненнаго въ слѣдующихъ за симъ клятвахъ, — я страшусь истины, но приведу, что легче выговорить, а вмѣстѣ и полезно. Пророкъ, какъ-бы съ особеннымъ негодованіемъ, и отвергая ихъ священнодѣйствія по причинѣ ихъ развращенія, говоритъ: еще-ли достойно призрѣти на жертву вашу, или пріяти пріятно изъ рукъ вашихъ (2, 13.)?

Какъ скоро вспоминаю о Захаріи, трепещу его серпа, а равно и всего, что свидѣтельствуешь онъ

противъ священниковъ. Но что открываетъ онъ о знаменитомъ Иисусѣ, великомъ Іереѣ, котораго, избравивъ сперва облеченнымъ въ ризу гнусную и неприличную, облакаетъ потомъ въ ризу священническую и свѣтлую, а также и то, что говорящимъ и заповѣдающимъ Іисусу представленъ у него Ангель, — да почтено будетъ молчаніемъ, какъ важнѣйшее и, можетъ быть, столько высокое, что должно быть относимо не ко многимъ священникамъ. Впрочемъ то обстоятельство, что и одесную сего Іисуса стояше *діаволь, еже противилися ему* (Зах. 3, 2.), по моему мнѣнію, не маловажно и должно внушать немалый страхъ и осторожность. У кого-же будетъ столько дерзости и такое адамантовое сердце, чтобы слыша, какъ Пророкъ съ настойчивостію обличаетъ и укоряетъ другихъ пастырей, не вострепетать и не смириться въ себѣ самомъ? *Гласъ плачущихъ пастырей, яко возбѣдствова величіе ихъ, говоритъ онъ; гласъ рыкающихъ львовъ* (Зах. 11, 3.); потому что они столько пострадали. Захарія почти слышитъ самыя рыданія, какъ-бы уже настоящія, и плачетъ вмѣстѣ съ бѣдствующими. А чрезъ нѣсколько словъ говоритъ еще разительнѣе и сильнѣе: *Пасите овцы заколениа, яже стяжавшіе закалаху и не раскаявахуся, и продающіи я глаголаху: благословенъ Господь, и обогатихомся, и пастыри ихъ не печалуха ничимже о нихъ. Сего ради не пощажду ктому на живущихъ на земли, глаголетъ Господь Вседержитель* (11, 4-6.). И еще, простирая угрозы вмѣстѣ и на начальниковъ народа, говоритъ: *Мечу, востани на пастырей: поразите пастырей, и расточатся овцы: наведу руку Мою*

на пастырей (13, 7); — на пастырей прогнѣвася ярость Моя, и на агнцы постыщу (10, 3.). Съ такою ревностію продолжаетъ онъ рѣчь, и не можетъ удержаться отъ угрозъ; почему и опасаясь, чтобы повторя ихъ по порядку, и мнѣ не возбудить противъ себя ненависти.

Но такъ говоритъ Захарія; о старцахъ-же упоминаемыхъ у Даніила умолчимъ; ибо хотѣлось-бы умолчать. Умолчимъ и о томъ, что справедливо сказано и засвидѣтельствовано о нихъ Владыкою: *яко изыде баззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ судей, иже мняхуся управляти людеи* (Дан. 13, 5.). Какъ безъ страха выслушаемъ Іезекіиля, сего зрителя и истолкователя великихъ тайнъ и видѣній? Какъ выслушаемъ заповѣдуемое имъ *стражамъ* — не молчать о беззаконіи, и о грядущемъ на него мечь (Іезекіил. 33, 6.); потому что сіе не принесетъ пользы ни имъ, ни согрѣшающимъ, напротивъ того предусмотрѣть и предвѣстить полезно или тѣмъ и другимъ, когда одни скажутъ, а другіе выслушаютъ, или безъ всякаго сомнѣнія возвѣстившимъ? Какъ примемъ и другое его нападеніе на пастырей, то въ слѣдующихъ словахъ: *горе на горе будетъ и вѣсть на вѣсть, и не будетъ видѣніе отъ пророка и законъ погибнетъ отъ жерца и совѣтъ отъ старецъ* (7, 26.); то еще въ слѣдующихъ: *сыне челоувѣчь, рцы ему: ты еси земля недождимая, ниже дождь бысть на тя въ день ярости. Егоже старпыйшины средь его, яко львы рыкающе, восхищающе хищенія, души изъядающе насиліемъ* (22, 24. 25.), и чрезъ нѣсколько словъ: *жерцы его отвергошася закона Моего, и оскверниши*

святая Моя, между святымъ и сквернымъ не
 разлучаху, но все для нихъ было одинаково, и
 отъ субботъ Моихъ покрываху очи свои, и осквер-
 няху Мя посреда себе (22, 26.)? Пророкъ угро-
 жаетъ разрушить стѣну и помазующихъ ю (13, 15.),
 то есть, и тѣхъ, которые грѣшатъ, и тѣхъ, которые
 прикрываютъ грѣхи, что дѣлаютъ худые правители
 и священники, обольщающіе домъ Израилевъ, по
 внушенію сердецъ своихъ, преданныхъ похотямъ
 своимъ. Умолчу, что говоритъ онъ о тѣхъ, кото-
 рые пасутъ самихъ себя, млеко ядятъ, волною
 одѣваются, и тучное закаляютъ, а овецъ не па-
 суютъ, изнемогшаго не поднимаютъ, сокрушеннаго
 не обвязываютъ, заблуждающаго не обращаютъ,
 погибшаго не взыскуютъ, и крѣпкаго не берега-
 ютъ, но оскорбляютъ трудомъ и стараются погу-
 бить; отъ сего овцы разсыпались по всѣмъ полямъ
 и горамъ, понеже не имѣяху пастырей, и содѣла-
 лись добычею всякой птицы и всякаго звѣря, яко
 не бѣ взыскующаго, ни обращающаго (34, 2-6.).
 Что-же потомъ? Сказано: живу Азъ, глаголетъ
 Господь, понеже такъ дѣлалось и учинена суть
 стада Моя въ расхищеніе (34, 8.); се Азъ на
 пастыри и взыщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ
 (34, 10.); овецъ соберу и соблюду, а пастыри по-
 несуть различныя наказанія, какихъ стоятъ худые
 пастыри.

Но чтобы не продлить слова, перечисляя всѣхъ
 Пророковъ и все, что сказано у каждаго, преиду
 молчаніемъ прочихъ, а упомяну только объ одномъ,
 который познанъ еще до рожденія и освященъ въ
 утробѣ матерней (Іер. 1, 5.), — это Іеремія. Онъ

просить главъ воду и очесемъ источникъ слезъ, чтобы оплакать, какъ должно, Израиля (9, 1.). А не менѣе того оплакиваетъ онъ злонравіе предстоятелей. Богъ, въ обличеніе священниковъ, говоритъ ему: *Священницы не рекоша, гдѣ есть Господь; и держащій законъ не въдыша Мя, и пастыри нечествоваша* (2, 8.). А потомъ говоритъ самъ Пророкъ: *Обуяша пастыри и Господа не възискаша: сего ради неуразумъ все стадо и расточено бысть* (10, 21.). Пастыріе мнози растлиша виноградъ Мой, оставиша часть Мою, часть желеемую даша въ пустыню непроходную (12, 10.). Послѣ сего снова обращаетъ укоризну на самихъ пастырей: *Горе пастыремъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы Моея. Сего ради сія рече Господь къ пасущимъ людей Моихъ: вы расточили есте овцы Моя, и отвергосте я и не постытите ихъ, и Азъ пошщу на васъ по лукавству умысленій вашихъ* (23, 1. 2.). Иеремія хочетъ, чтобы воскликнули пастухи, и восплакали овни овчїи, яко исполнишася днїе ихъ на заколеніе (25, 34.).

Но для чего повторяютъ мнѣ ветхозавѣтное? Кто, повѣривъ самъ себя по правиламъ и опредѣленіямъ, какія Павелъ постановилъ для епископовъ и пресвитеровъ, а именно: быть *трезвыми, цѣломудренными, не пїяницами, не бїйцами, назидательными*, во всемъ неукоризненными и не прикосновенными ни къ чему худому (1 Тим. 3, 2. 3.), — кто, говорю, не найдетъ себя много уклонившимся отъ правоты правилъ? А какіе законы даетъ Иисусъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь? Существен-

ное въ нихъ, не говоря о подробностяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы ученики таковы были по добродѣтели, такъ благоустроены и соотвѣтственны своему званію, и, если должно выразиться короче, столько небесны, что благовѣствованіе не менѣе-бы распространялось посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ слова. Но меня приводятъ въ страхъ и укоряемые фарисеи и обличаемые книжники. Мы, если желаемъ небснаго царства, по заповѣди обязаны много превосходить ихъ въ добродѣтели; а потому намъ будетъ стыдно предъ ними, если окажемся хуже ихъ по своимъ порокамъ, и услышимъ справедливыя себѣ укоризны: зміи, порожденія ехиднины, вожди слѣпые, отцѣживающіе комара и поглощающіе верблюда, гробы внутри полныя скверны, а извнѣ благоуукрашенные, по одной внѣшности чистыя блюда, и другія подобныя наименованія, какія заслужили и получили фарисеи и книжники (Мат. 23, 24 — 33.). Такія мысли не оставляютъ меня день и ночь, сушатъ во мнѣ мозгъ, истощаютъ плоть, лишаютъ бодрости, не позволяютъ ходить съ поднятыми высоко взорами. Сіе смиряетъ мое сердце, сокращаетъ умъ, налагаетъ узы на языкъ, и заставляетъ думать не о начальствѣ, не объ исправленіи и назиданіи другихъ (что требуетъ избытка дарованій): но о томъ, какъ самому избѣжать грядущаго гнѣва и сколько-нибудь стереть съ себя ржавчину пороковъ. Надобно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; умудриться, потомъ умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ освящать. Руко-

водителю необходимы руки; совѣтнику потребно благоразуміе.

Когда-же сіе будетъ? — скажутъ скорѣе на все и и ни въ чемъ нетвердые, легко созидающіе и разрушающіе. Когда свѣтильникъ поставится на свѣщницѣ, и на что употребится талантъ, то-есть даръ? — скажутъ ревностнѣйшіе къ дружбѣ, нежели къ дѣлу благочестія. Когда сіе будетъ, и какой дамъ на сіе отвѣтъ вамъ, преименитые? — Въ такомъ дѣлѣ и глубокая старость — не долговременная отсрочка. Ибо сѣдина съ благоразуміемъ лучше неопытной юности, разсудительная медлительность — не осмотрительной поспѣшности, кратковременное царствованіе — продолжительнаго мучительства, подобно какъ малая доля драгоцѣнности предпочтительнѣе обладанія многимъ не имѣющимъ цѣны и прочности, небольшое количество золота — многихъ талантовъ свинцу, малый свѣтъ — великой тьмы. А что касается до сея поспѣшности, поползновенности и излишней ревности, — опасно, чтобы онѣ не уподобились или тѣмъ сѣменамъ, которыя пали на камни, и, будучи не глубоко въ землѣ, тотчасъ взошли, но не могли вынести перваго солнечнаго зноя, или тому основанію положенному на песокъ, которое не устояло при небольшемъ дождѣ и вѣтрѣ. *Горе тебѣ, граде, въ немъ же царь твой юнъ, говоритъ Соломонъ (Еккл. 10, 16). Не будь скоръ въ словесяхъ (Прит. 29, 30.)* — слова того-же Соломона, который говоритъ о скорости въ словахъ, то-есть о чемъ-то меньшемъ, нежели опрометчивость въ дѣлахъ. Кто-же вопреки сему потребуеъ поспѣшности предпочтительно безопасности и пользы? Кто возьмется, какъ глиняное

какое-нибудь издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовать защитника истины, который долженъ стоять съ Ангелами, славословить съ Архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсоздать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе — быть богомъ и творить богами? Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены, и куда готовимъ другихъ. Знаю величіе Божіе, и человѣческую немощь, а вмѣстѣ и силу. *Небо высоко, земля же глубока* (Притч. 25, 3.) И кто изъ низложенныхъ грѣхомъ взойдетъ на небо? Кто, обложенный еще дольнимъ мракомъ и грубою плотію, можетъ цѣлымъ умомъ ясно созерцать всецѣлый Умъ, находясь среди непостояннаго и видимаго, вступить въ общеніе съ постояннымъ и невидимымъ? Даже изъ самыхъ очищенныхъ едва-ли кто можетъ видѣть здѣсь хотя такой образъ доброты, каково изображеніе солнца въ водахъ. *Кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію; кто постави горы въ мѣрилъ и холмы въ вѣсь* (Ис. 40, 12.)? *Кое мѣсто покоища Его* (Ис. 66, 1.), и чему изъ всего Онъ уподобится? Кто — сотворившій все словомъ, устроившій человѣка премудростію, соединившій разлученное, сочетавшій персть съ духомъ, сложившій живое существо — видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, касающееся Бога, но нестигающее, приближающееся и далеко отстоящее? *Рѣчь, умудрюся, говоритъ Соломонъ: и сія, то есть, мудрость, удалися отъ мене. Далече паче неже бѣ* (Еккл. 7, 24. 25.). И дѣйствительно, приложившій

разумъ приложитъ болъзнъ (Еккл. 1, 18.). Онъ не столько радуется о найденномъ, сколько скорбеть о непостигнутомъ, какъ обыкновенно (представляю себѣ) случается съ людьми, которыхъ отвлекаютъ отъ воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надѣясь что получить, не могутъ схватить того руками, или отъ которыхъ мгновенно скрывается озарившее ихъ блистаніе свѣта.

Сіе удержало меня долу, содѣлало смиреннымъ и убѣдило въ томъ, что лучше слышать гласъ похвалы, нежели быть истолкователемъ того, что превышаетъ силы. Величіе, высота, достоинство, чистыя существа, съ трудомъ вмѣщающія сіяніе Бога, Котораго покрываетъ бездна, Котораго, какъ чистѣйшій и для большей части тварей непреступный свѣтъ, утаиваетъ тьма, Который во всемъ и внѣ всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты, Который просвѣщаетъ умъ и убѣгаетъ отъ быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляясь, сколько постигается, и возлюбленнаго своего возводя горѣ тѣмъ, что убѣгаетъ и какъ-бы вырывается изъ рукъ — таковъ и такъ важенъ предметъ нашихъ желаній и исканій! Таковъ долженъ быть невѣстоводитель, уневѣщивающій души. И боюсь, чтобы, связавъ мнѣ руки и ноги, не извергли меня изъ брачнаго чертога, какъ неимѣющаго на себѣ брачнаго одѣянія, и нагло вторгшагося въ кругъ возлежащихъ тамъ; хотя и призванъ я отъ юности, даже (скажу неизвѣстное еще многимъ) къ *Нему приверженъ есмь отъ ложеснъ* (Пс. 21, 11.), Ему принесенъ въ даръ по матернему обѣту, а потомъ и самъ, когда опасности укрѣпили, любовь воз-

расла, и помогъ разсудокъ, Воспріавшему и Спасшему меня добровольно отдалъ все — и имѣніе и знатность, и здоровье, и самый даръ слова. Изъ всего этого извлекъ я ту одну пользу, что презрѣлъ сіе, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Словеса Божіи содѣлались для меня сладки, какъ соты меда; я *призвалъ* разумъ, и *далъ гласъ* своей мудрости (Прит. 2, 3.), учился умѣрять гнѣвъ, обуздывать языкъ, уцѣломудривать око, укрощать чрево, попирать земную славу, и въ этомъ (безразсудно говорить, однако-же пусть будетъ сказано) сталъ я не хуже, можетъ быть, многихъ. Вести же такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управленіе душами, и когда еще самъ не научился быть хорошимъ пасомымъ, не очистилъ, какъ должно, душу свою, обязатья должностію — править паствою; притомъ въ такія времена, когда, смотря на людское крушеніе и мятежи, всего вождѣльннѣе бѣгомъ бѣжать изъ общества, удалиться въ надежный пріютъ, укрыться отъ бури и тьмы лукаваго; когда члены одного тѣла взаимно враждуютъ; когда исчезаетъ послѣдній остатокъ любви, а съ другой стороны слово: іерей, потому что, по Писанію, *изліяся уничиженіе на князи* (Пс. 16, 40.), признается однимъ пустымъ именемъ, — и лучше, если-бы оно было одно пустое имя. Нынѣ же (да обратится хула на главы нечестивыхъ!) изгнанъ изъ сердца всякій страхъ, и его мѣсто заступило безстыдство; кто-бы ни пожелалъ, для всякаго отверсты и знаніе и глубины Духа. Всѣ мы благочестивы единственно потому, что осуждаемъ нечестіе другихъ; а судъ предоставляемъ людямъ без-

божнимъ, повергаемъ святая псамъ, бросаемъ бисеры предъ свиніями, разглашая божественное тѣмъ, у кого не освящены и слухъ и сердце. Мы сами (о жалкіе!) тщательно выполняемъ желанія враговъ, и не стыдимся любодѣйствовать въ начинаніяхъ (Пс. 109, 5.) своихъ. Моавитяне и Аммонитяне, которымъ не дозволено входить въ Церковь Господню, у насъ свободно ходятъ въ самомъ святилищѣ. Для всѣхъ отверзли мы не врата правды, но двери злословія и наглости другъ противъ друга. У насъ не тотъ совершеннѣе, кто изъ страха Божія не произноситъ празднаго слова, но тотъ, кто, какъ можно больше, злословитъ ближняго, или прямо, или намѣками, нося подъ языкомъ своимъ трудъ и бользнь (Пс. 9, 28.), или, говоря ближе, ядъ аспидовъ (Пс. 139, 3.). Мы любимъ грѣхи другъ друга не для того, чтобы оплакивать ихъ, но чтобы пересудить, не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить, и раны ближняго имѣть оправданіемъ собственныхъ своихъ недостатковъ. У насъ признакомъ добрыхъ и злыхъ — не жизнь, но дружба и несогласіе съ нами. Что нынѣ хвалимъ, то завтра оуждаемъ; что другіе порицаютъ, тому дивимся; охотно поблажаемъ во всемъ нечестію — столько мы великодушны къ пороку! Все стало, какъ въ началѣ, когда еще не было ни міра, ни теперешняго благоустройства и благообразія, а напротивъ того всѣ вещи, будучи слиты и въ безпорядкѣ, имѣли еще нужду въ образующей десницѣ и силѣ. А если угодно другое сравненіе; то, какъ во время ночной битвы, при тускломъ свѣтѣ луны, не различая въ лице враговъ и своихъ, или, какъ на

морскомъ сраженіи и во время бури, оглушаемые порывами вѣтровъ, кипѣніемъ моря, напоромъ волнъ, столкновеніемъ кораблей, ударами весель, криками начальниковъ, столами пораженныхъ, въ недоумѣніи, не имѣя времени собраться съ мужествомъ, мы (къ довершенію бѣдствія) нападаемъ другъ на друга, и другъ отъ друга гибнемъ. И не мірянинъ только поступаетъ такъ, священникъ же иначе. Напротивъ того мнѣ кажется, что нынѣ явно исполняется изреченное древле въ проклятіи: *яко же людіе, тако и жрецъ* (Ос. 4, 9.). Не одинъ простой народъ таковъ, а сильные, какъ говорится, въ народѣ и начальники инаковы. Напротивъ того они-то и ведутъ открытую войну съ священниками, въ предлогъ къ убѣжденію обращая благочестіе.

Съ кѣмъ бываетъ сіе потому, что онъ стоитъ за вѣру, за самыя высокія и первыя истины, того не порицаю, и если сказать правду, того хвалю и сорадуюсь съ нимъ. Я желалъ-бы и самъ быть въ числѣ подвигающихся и ненавидимыхъ за истину, даже похваляюсь, что дѣйствительно принадлежу къ сему числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающаго съ Богомъ. Посему и Духъ вооружаетъ кроткаго война (Гоил. 3, 11.), какъ снособнаго хорошо вести войну. Но нынѣ есть люди, которые съ крайнимъ невѣжествомъ и съ наглостію сами стоятъ за малости и вовсе неполезныя вещи, и всякаго, кого только могутъ, принимаютъ въ сообщники зла; а все сіе прикрываютъ вѣрою, и сіе уважаемое имя безразсудно употребляютъ въ своихъ состязаніяхъ. Отсега, какъ и естественно, мы ненавидимы язычниками, и (что всего несноснѣе) не можемъ

даже сказать, что ненавидимы несправедливо. И изъ своихъ оуждають насъ самыя благонамѣренныя; ни мало же не удивительно, что оуждаетъ народъ, который рѣдко одобряетъ что-либо и доброе. *На хребтахъ нашихъ дѣлають 'грѣшники* (Пс. 128, 8.), и что умышляемъ другъ противъ друга, то обращаютъ противъ всѣхъ. Мы содѣлались новымъ позоромъ, но не для Ангеловъ и человѣковъ, какъ мужественнѣйшій изъ подвижниковъ Павелъ, ратоборствовавшій противъ началъ и властей, но почти для всѣхъ ведущихъ худую жизнь, и во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ, — на торжищахъ, на нетрезвыхъ пиршествахъ, среди веселостей, среди сѣтованій. Мы выведены даже и на зрѣлища народныя (едва не со слезами говорю сіе), насъ осмѣиваютъ на ряду съ самыми развратными людьми, и ничто такъ не усладительно для слуха и зрѣнія, какъ Христіанинъ, поруганный на зрѣлищѣ. До сего довели насъ наши междоусобія; до сего довели насъ тѣ, которые чрезъ мѣру подвизаются за Благаго и Кроткаго, которые любятъ Бога больше, нежели сколько требуется. Въ борьбѣ, или въ другомъ чемъ, не позволено состязаться неустановленнымъ порядкомъ, и тотъ подвергается осмѣянію и безчестію, даже лишается правъ побѣды, кто борется не по правиламъ, или въ другомъ чемъ состязуется не въ порядкѣ и отступаетъ отъ положенныхъ для сего уставовъ, хотя-бы онъ былъ самый мужественный и искусный. Ужели-же подвизающійся за Христа не по Христу угодитъ тѣмъ *Миру* (Еф. 2, 14.), ратоборствуя за Него недозволеннымъ образомъ? И доннѣ еще трепещутъ демоны при имени Хри-

стовомъ ; сила сего Имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и самого Христа, не стыдимся слышать, какъ Онъ почти въ слухъ и ежедневно вопіеть: *имя Мое хулится васъ ради во языцѣхъ* (Ис. 52, 5). Не боюсь я внѣшней брани, и возстающаго нынѣ на Церкви звѣря — сей полноты лукаваго (г), хотя-бы грозилъ онъ огнемъ, мечемъ, звѣрями, стремнинами, пропастями, хотя-бы превзошелъ безчеловѣчїемъ всѣхъ когда-либо неистовствовавшихъ, изобрѣлъ мучительнѣйшія, извѣстныхъ доселѣ, казни. На все есть у меня одно врачевство, одинъ путь къ побѣдѣ, и это — (похваляю во Христѣ!) смерть за Христа. Но что касается до предстоящей мнѣ брани, не знаю, что мнѣ дѣлать, какой искать помощи, какого слова мудрости, какого дара благодати, въ какое облечься всеоружіе противъ козней лукаваго. Кто побѣдитъ сего врага? Мойсей-ли, распростирающій руки на горѣ, что-бы превозмогъ прообразуемый и прознаменуемый крестъ? Или послѣ него Иисусъ, на брань ополчающійся съ Архистратигомъ небесныхъ воинствъ? Или Давидъ, то псалмопѣвствующій, то сражающійся пращами и отъ Бога препоясуемый силою на брань, или имѣющій персты, Богомъ обученные на брань? Или Самуилъ, то приносящій молитвы и жертвы за народъ, то помазующій на царство могущаго побѣждать? Кто оплачетъ сіе, какъ должно? Иеремїа-ли, написавшій плачъ объ Израиль? Кто воззоветъ: *пощади Господи люди Твоя, и не даждь достоя-*

(г) Юліана отступника.

нія Твоего въ укоризну, да не обладаютъ ими
 лзыцы (Иов. 2, 17.)? Кто будетъ молиться о
 насъ: Ной-ли, Іовъ и Даніилъ, вмѣстѣ молящіеся и
 вмѣстѣ упоминаемые (Іез. 14, 14.), да утишится
 у насъ хотя нѣсколько брань, да придемъ сами въ
 себя, станемъ наконецъ узнавать другъ друга, да
 не будемъ, вмѣсто одного Израиля, и Іудею и Из-
 раилемъ, Ровоамомъ и Іеровоамомъ, Іерусалимомъ
 и Самаріею—сими городами, то предаваемыми за
 грѣхи, то оплакиваемыми?

Признаюся, что я немощенъ для такой брани; а
 потому и обратилъ хребетъ, сокрылъ лице въ бѣг-
 ствѣ. Отъ полноты огорченія возжелалъ я сидѣть въ
 уединеніи и молчать, зная, что время лукаво, что
 отверглись возлюбленные, и содѣлались сынами от-
 ступными мы—виноградъ благовѣтвистый, виноградъ
 истинный, плодоносный, прекрасный, возвращен-
 ный орошеніемъ свыше, и что для меня обратились
 въ безчестіе діадима доброты моей, печать славы и
 вѣнецъ похваленія. Но если кто при всемъ этомъ
 смѣлъ и мужественъ; то ублажаю его за смѣлость
 и мужество. Не говорю еще о брани внутренней,
 которая—въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, и
 которую воздвигаютъ на насъ день и ночь, то явно,
 то тайно, сіе тѣло смиренія, и разсѣянность жизни, мя-
 тущая и волнующая насъ посредствомъ чувственности
 и временныхъ удовольствій, и грязь персти, съ кото-
 рою мы смѣшаны, и законъ грѣховный, воюющій про-
 тивъ закона духовнаго и усиливающийся растлить въ
 насъ Царскій образъ и все, что съ нимъ вложено въ
 насъ божественнаго по происхожденію. Почему едва-
 ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долу есте-

ство, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ лубомудріемъ и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тьмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился милости Божіей, или сверхъ того и другаго прилагалъ всевозможное стараніе вознестъ взоръ свой горѣ. Но пока не препобѣждена мною по возможности персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостію къ Богу; не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками, что составляетъ такъ-же долгъ іерея.

Тележ.
и семействены

И чѣмъ-же приведенъ я въ такой страхъ? Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры; напротивъ того похвалите даже мою предусмотрительность. О самомъ Моисей слышу, что, когда бесѣдовалъ съ нимъ Богъ, хотя многіе призваны на гору, и въ числѣ ихъ Ааронъ съ двумя сынами священниками, и семьдесятъ старѣйшинъ—народоправителей, однако-же повелѣно было, чтобы прочіе поклонились издавеча, а къ Богу приступилъ одинъ Моисей; народу-же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24, 1. 2.); потому что не всякой можетъ приближаться къ Богу, но только кто, подобно Моисею, способенъ вмѣстить славу Божію. Да еще и прежде, при самомъ началѣ законодательства, трубы, молніи, громы, мракъ, гора вся дымящаяся, страшныя угрозы, что если и звѣрь прикоснется къ горѣ, будетъ побить камнями (Исх. 19, 13.), такъ-же другія подобныя грозныя явленія удерживали другихъ внизу горы, и для нихъ много было, по надлежащемъ очищеніи, слышать одинъ гласъ Божій; между тѣмъ

Моисей и на гору восходитъ, и вступаетъ внутрь облака, и получаетъ законъ, и пріемлетъ скрижали, для народа скрижали писмени, а для тѣхъ, которые выше народа, скрижали духа. Слышу также о Надавѣ и Авіудѣ, что они, воскуривъ ѳиміамъ чуждымъ огнемъ, наказаны тѣмъ самымъ, въ чемъ оказались нечестіе, нашли для себя погибель въ самое время и на самомъ мѣстѣ нечестиваго, и хотя отецъ ихъ Ааронъ былъ предъ Богомъ вторымъ по Моисею, однако-же не могъ спасти ихъ (Лев. 10, 1. 2.). Знаю, что было съ священникомъ Иліемъ и нѣсколько послѣ него съ Озою. Одинъ понесъ наказаніе за беззаконіе сыновей, когда они при жертвоприношеніяхъ осмѣливались прежде времени вынимать мяса изъ котловъ, хотя отецъ и не одобрялъ такого ихъ нечестія, а напротивъ того многократно дѣлалъ имъ строгіе выговоры (1 Цар. 2, 13. 14.). Другой наказанъ единственно за то, что коснулся кивота, увлекаемаго тельцемъ; и хотя поддерживалъ кивотъ, однако-же самъ погибъ (2 Цар. 6, 6. 7.); такъ Богъ охранялъ досточтимостъ кивота. Знаю еще, что самыя тѣлесныя пороки, и въ священникахъ и въ жертвенныхъ животныхъ подвергались строгому изслѣдованію, и было узаконено, чтобы совершенные приносили совершенное; а сіе, какъ думаю, служило символомъ душевной непорочности. Не позволялось такъ-же, ни всякому касаться священнической одежды, или какого-либо священнаго сосуда; ни вкушать самыхъ жертвъ, кому не надлежало, или на неприличномъ мѣстѣ и въ неприличное время; ни поддѣлывать елей помазанія и ѳиміамъ сложенія, ни входить во святили-

ще, если кто хотя мало был нечистъ душею и тѣломъ. Тѣмъ паче не дерзали часто входить во святая-святыхъ, куда доступъ дозволялся только одному и единожды въ годъ. Тѣмъ паче не смѣлъ всякій простирать взоръ или касаться къ завѣсѣ, или къ очистилищу, или къ кивоту, или къ херувимамъ. И такъ, зная сіе, а вмѣстѣ и то, что всякій не достоинъ великаго Бога, Архіерея и Жертвы, если не представилъ онъ прежде себя самого Богу въ жертву живую и святую, не показалъ опытовъ благороднаго словеснаго служенія, не принесъ Богу жертвы хвалы — духа сокрушеннаго — жертвы, какой только и требуетъ отъ насъ Даровавшій намъ все, — зная сіе могъ-ли я отважиться на то, чтобы приносить Ему жертву внѣшнюю — равнообразную (*ἀντιτύπον*) великимъ таинствамъ? Могъ-ли я облечься въ образъ и санъ іерея, пока не освятилъ рукъ пренодобными дѣлами, пока не приобучилъ ока взирать здраво на тварь, и единственно удивляться Творцу, а не уничтожать Создателя, пока наказаніе Господне не отверзло уши мои, не приложено ми ухо, еже не тяжко слышати (Ис. 50, 5); не данъ усерязъ золотый съ многоцѣннымъ сардійскимъ камнемъ, то есть, слово мудраго во ухо благопослушно (Притч. 25, 12.); пока уста, губы, языкъ не раскрылись и не привлекли Духа (Ис. 118, 131.), не расширились и не наполнились (Ис. 80, 11.) духомъ изрекаемыхъ таинствъ и догматовъ, пока уста, по слову мудрости, не стали связаны божественнымъ чувствомъ (Притч. 15, 7.), чтобы имъ (прибавлю къ сему) и растворяться благовременно, а языкъ не исполнился радованіемъ, не сталъ орга-

номъ божественнаго сладкопѣнія, возбуждаемый славою, *востая рано* (Пс. 56, 7.) и трудясь, доколѣ не прилипнетъ къ гортани; пока ноги мои не поставлены на камени (Пс. 39, 3.), не совершены какъ ноги еленей (Пс. 17, 34.), и стопы мои не направлены по Богу (Пс. 118, 133.), ни *вмалль*, ни *вовсе не проливаясь* (Пс. 72, 2.); пока всякій членъ не содѣлался *оружіемъ правды* (6, 13.), не отложилъ всякую мертвенность, *пожертую животомъ* (2 Кор. 5, 4.) и уступившую мѣсто Духу? У кого не воспламеняють сѣрдца чистыя, огнемъ искушенныя словеса Божія, когда открываются ему Писанія; кто не написалъ ихъ *трижды на широтль сердца* (Прит. 22, 21.), чтобы имѣть умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16.); кто не входилъ въ сокровенныя отъ многихъ, невидимыя и темныя сокровищницы (Ис. 45, 3.), чтобы видѣть ихъ богатство, и придти въ состояніе обогащать другихъ, *духовная духовными сразсуждающе* (1 Кор. 2, 13.); кто не зрѣлъ еще, какъ должно, *красоту Господню*, и не *посѣщаль храмъ Его*, лучше-же сказать, кто самъ не содѣлался храмомъ Бога живаго, живымъ жилищемъ Христовымъ въ духѣ; кто не позналъ сродства и различія между образами и дѣйствительностію, не отступилъ отъ первыхъ и не приложился къ послѣдней, чтобы, *избѣжавъ ветхости писмене, работати во обновленіи духа* (Рим. 7, 6.) и перейти совершенно къ благодати отъ закона, исполненнаго духовно въ изможденіи тѣла; кто опытно и умозрительно не изслѣдовалъ всѣхъ наименованій и силъ Христовыхъ, какъ высочайшихъ и первыхъ, такъ и низшихъ и послѣднихъ,

принадлежащихъ Христу по челоѣчеству; именно же, что Онъ Богъ, Сынъ, Образъ, Слово, Премудрость, Истина, Свѣтъ, Жизнь, Сила, *Пара, Изліяніе* (Премудр. Сол. 7, 25.), Сіяніе, Творецъ, Царь, Глава, Законъ, Путь, Дверь, Основаніе, Камень, Бисеръ, Миръ, Правда, Освященіе, Избавленіе, Челоѣкъ, Рабъ, Пастырь, Агнецъ, Архіерей, Жертва, *Перворожденъ всея твари* (Кол. 1, 15.), *Перворожденъ* по воскресенію *изъ мертвыхъ* (18.); кто безъ пользы слышитъ сіи наименованія и вещи, не входитъ въ общеніе съ Словомъ и не постигаетъ, въ какомъ отношеніи каждымъ изъ сихъ Оно есть и именуется; кто не прилагалъ старанія и не учился уразумѣвать *премудрость Божію въ тайны сокровенную* (1 Кор. 2, 7.); кто еще младенецъ, питается млеко́мъ, не сопричтенъ къ Израилю, не вписанъ въ воинство Божіе, не способенъ, какъ слѣдуетъ, взять на себя крестъ Христовъ; кто не сталъ, можетъ быть, ни какимъ еще почетнымъ членомъ *тѣла Христова*: — тотъ ужели охотно и съ радостію приметъ, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мѣрѣ я не даю на сіе приговора и совѣта. Напротивъ того вижу здѣсь причины къ самому сильному страху, и самую крайнюю опасность для сознающаго и важность преспѣянія и пагубныя слѣдствія погрѣшенія въ дѣлѣ. Пусть другой, разсуждалъ я, кто многоопытенъ въ мореходствѣ и торговлѣ, плыветъ за куплею, переходитъ обширныя моря, борется всегда съ вѣтрами и волнами, многое, если удастся, пріобрѣтая, и много бѣдствуя. А для меня, который держуся суши, веду не глубокую и легкую борозду жизни,

съ выгодами и моремъ раскланиваюсь издали, пріятнѣе жить такъ, какъ могу, съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба, и влачить дни въ безопасности и безмятежїи, нежели для большихъ выгодъ кидаться на долговременную и большую опасность. Для чело-^{вѣ}чка поставленнаго высоко и то уже потеря, если онъ не предприѣмлетъ большаго, не распро-страняетъ доблестей своихъ на многихъ, но останавливается на маломъ числѣ людей, и какъ-бы большимъ свѣтомъ освѣщаетъ малый домъ, или юношескимъ всеоружіемъ покрываетъ дѣтское тѣло. А для чело-вѣчка маловажнаго всего безопаснѣе нести малое бре-мя, не возбуждать смѣха и не увеличивать опасности возложеніемъ на себя чего-либо не по силамъ. Ибо, какъ слышимъ, и башню строить прилично тому толь-ко, у кого есть, чѣмъ ее довершить (Лук. 14, 28.).

И такъ предъ вами—оправданіе моего бѣгства, и оправданіе можетъ быть не недостаточное. Сіе-то самое удалило меня отъ васъ, друзья и братія, правда къ прискорбію моему, а можетъ быть, и вашему, однако-же по необходимости, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ тогда представлялось. Возвратили же меня, во-первыхъ, приверженность моя къ вамъ и чувствованіе вашей взаимной ко мнѣ приверженности (ибо взаимное расположеніе всего болѣе укрѣпляетъ любовь); а во-вторыхъ, собственная моя забота, собственное мое дѣло — сѣдины и немощь священныхъ родителей, болѣзнующихъ болѣе обо мнѣ, нежели о лѣтахъ своихъ,—сего Авраама Пат-ріарха, драгоценной и равноангельной для меня главы, и Сарры, духовно рождающей насъ учени-емъ вѣры. Для нихъ быть жезломъ въ старости и

опорою въ немощи — составляло первый обѣщанный мною обѣтъ, который и исполнялъ я по возможности, такъ что презрѣлъ и самое любомудріе — сіе стяжаніе и имя всего для меня драгоцѣннѣйшее, или справедливѣе сказать, въ томъ и оказалъ я свое любомудріе, чтобы не казаться любомудрствующимъ. Почему нестерпимо для меня стало, по одному поводу потерять весь трудъ и лишиться благословенія, которое, какъ сказано объ одномъ изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, даже восхитилъ онъ, введя отца въ обманъ снѣдію и накладными волосами, уловивъ доброе недобримъ средствомъ — чрезъ ухищреніе. И такъ двѣ причины моей уступчивости и кротости; и, можетъ быть, ни малой нѣтъ несообразности въ томъ, что противъ сихъ двухъ причинъ не устояли и поколебались прежнія мои разсужденія. Ибо думаю, что иногда такъ же благовременно уступить надъ собою побѣду, какъ бываетъ время и для всякаго другаго дѣла; и лучше быть честно побѣждену, нежели одержать побѣду со вредомъ и незаконно. Въ третьихъ-же, (вотъ самая важная причина моего возвращенія! сказавъ о ней, умолчу уже о прочихъ) я вспомнилъ о временахъ давнихъ, и встрѣтивъ одно древнее сказаніе, извлекъ изъ него наставленіе для себя въ настоящемъ обстоятельствѣ.

Ибо полагаю, что заключающееся въ Писаніи не безъ цѣли написано, и не одна куча словъ и предметовъ, собранная для развлеченія слушающихъ, не какая нибудь приманка для слуха, служащая только къ забавѣ. Такова цѣль баснословій и тѣхъ Елиновъ, которые не много заботясь объ истинѣ,

очаровываютъ слухъ и сердце изяществомъ вымысловъ и роскошью выраженій. Но мы, тщательно извлекающіе духовный смыслъ изъ каждой черты и буквы, ни мало не согласны думать (сіе было бы и не справедливо), чтобы и самыя малозначительныя дѣянія безъ какой-либо цѣли были и писателями подробно описаны и до сего времени сохранены на память. Напротивъ того цѣль ихъ — служить памятниками и уроками, какъ судить въ подобныхъ, если встрѣтятся, обстоятельствахъ, чтобы мы, слѣдуя симъ примѣрамъ, какъ нѣкоторымъ правиламъ и предначертаннымъ образцамъ, могли одного избѣгать, а другое избирать.

Какое-же сказаніе, и въ чемъ состоитъ наставленіе? Можетъ быть, не худо будетъ рассказать сіе для утвержденія многихъ. Бѣжалъ и Іона отъ лица Божія, или, вѣрнѣе сказать, думалъ убѣжать; но удержанъ былъ моремъ, бурей, жребіемъ, чревомъ китовымъ и тридневнымъ погребеніемъ, которое послужило образомъ высшаго таинства. Но Іона бѣжалъ, чтобы не итти къ Ниневитянамъ съ печальною и необыкновенною вѣстію, и чтобы въ послѣдствіи не оказаться лжецомъ, если городъ спасется чрезъ покаяніе. Ибо не спасеніе злочестивыхъ огорчало его, но онъ стыдился быть служителемъ лжи, и какъ-бы ревновалъ о достовѣрности пророчества, которая въ немъ могла подвергнуться сомнѣнію; потому что многіе не способны проникать въ глубину Божія о семъ домостроительства. А какъ слышалъ я о семъ отъ одного мудраго мужа, который не неприлично объяснялъ видимую несообразность сказанія, и способенъ былъ разумѣть

глубокій смыслъ Пророка , не такая причина сдѣлала блаженнаго Іону бѣглецомъ , и укрывшагося на морѣ привела въ Іоппію , а изъ Іоппіи вела въ Фарсисъ. Невѣроятно , чтобы онъ , будучи Пророкомъ , не зналъ Божія намѣренія , то есть , что Богъ , по своей великой премудрости , по неиспытваемымъ судьбамъ , неизслѣдимымъ и непостижимымъ путямъ Своимъ , самую угрозою производилъ то , чтобы Ниневитяне не потерпѣли предсказаннаго въ угрозы. А если Пророкъ зналъ сіе , то не вѣроятно такъ-же , чтобы онъ не покорился Богу , благоугоднымъ Ему образомъ устроявшему спасеніе Ниневитянъ. Думать же , что Іона надѣялся укрыться въ морѣ и спастись бѣгствомъ отъ великаго ока Божія , было-бы совершенно нелѣпо и невѣжественно ; такая мысль была-бы несправедлива не только о Пророкѣ , но и о всякомъ другомъ человѣкѣ , имѣющемъ разумъ и сколько-нибудь познавшемъ Бога и Его всепревосходящее могущество. Напротивъ того Іона , какъ говоритъ разсуждавшій о семъ мужъ , въ чемъ и я убѣжденъ , лучше всякаго другаго зналъ и то , что будетъ слѣдствіемъ проповѣди Ниневитянамъ , и то , что онъ самъ , замыслившій бѣгство , хотя перемѣнитъ мѣсто , но не убѣжитъ отъ Бога ; какъ не избѣгъ-бы и всякій другой , хотя-бы укрылся въ нѣдрахъ земли , во глубинахъ моря , изобрѣлъ средство подняться на крыльяхъ и летать по воздуху , снизошелъ въ самую преисподнюю ада , или облекся густотою облака , или придумалъ другой возможной способъ къ утаенію побѣга. Напротивъ того , ежели Богъ восхоцетъ кого остановить и удержать въ рукѣ Своей , то сіе всего

неизбѣжиѣ , всего неодолимѣ. Онъ предускоряетъ быстрыхъ , перехитряетъ хитрыхъ , низлагаетъ сильныхъ , смиряетъ высокихъ , укрощаетъ дерзновенныхъ , подавляетъ всякую силу. Посему конечно зналъ крѣпкую руку Божию Иона, который угрожалъ ею другимъ, и онъ не думалъ, что вовсе убѣжить отъ Бога. Сіе ни мало не вѣроятно. Но поелику Иона провидѣлъ паденіе Израиля, и почувствовалъ, что пророчественная благодать переходитъ къ язычникамъ; то онъ уклоняется отъ проповѣди, медлитъ въ исполненіи повелѣнія, и, оставивъ сторожевую башню радости, что на Еврейскомъ значить Юппія, — то есть, древнюю высоту и достоинство, ввергаетъ самъ себя въ море скорби. Потому и обуревается, и спитъ, и терпитъ кораблекрушеніе, и пробуждается отъ сна, и подпадаетъ жребію, и сознается въ бѣгствѣ, и погружается въ морѣ, и поглощается китомъ, но не истребляется, а призываетъ тамъ Бога и (какое чудо!) подобно Христу, по прошествіи трехъ дней, возвращается оттуда.

Но оставимъ о семъ слово въ надеждѣ, если дастъ Богъ, обстоятельнѣе поговорить въ послѣдствіи времени. А теперь, чтобы рѣчь возвратилась къ своему предмету, останавлиюсь на той мысли и на томъ разсужденіи, что для Ионы, можетъ быть, и извинительно было, по изложенной выше причинѣ, отречься отъ пророческаго служенія. Но осталось-ли-бы какое извиненіе и мѣсто къ оправданію для меня, если-бы сталъ я долѣе унорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на меня (не знаю какъ назвать), легкаго или тяжелаго, но все-же ига

служенія. Ибо ежели-бы инъ не попрекословилъ мнѣ въ томъ (что одно и можно въ настоящемъ случаѣ сказать какъ нѣчто твердое), что я весьма недостойнъ священнослуженія предъ Богомъ, и что прежде надобно содѣлаться достойнымъ церкви, а потомъ уже олтаря, и прежде достойнымъ олтаря, а потомъ уже предсѣдательства; то другой, можетъ быть, не освободилъ-бы меня отъ обвиненія въ неповиновеніи. Но страшны угрозы, ужасны наказанія за неповиновеніе, равно какъ и за противное сему, если кто ни мало не смущается, не отрицается, и не скрывается, какъ Сауль, въ отцевскихъ *сосудьхъ* (1 Цар. 10, 22.), какъ скоро слегка призываютъ его къ принятію начальства, но съ готовностію, какъ за самое легкое и удобное дѣло, берется за то, въ чемъ не безопасно перемѣнять намѣреніе и принятое поправлять новымъ.

Посему-то я долго боролся съ мыслями, придумывая, какъ поступить, и находясь между двумя страхами, изъ которыхъ одинъ принуждалъ меня оставаться внизу, а другой—итти вверхъ. И послѣ многихъ недоумѣній, перевѣсиваясь на ту и другую сторону, или, подобно струѣ, гонимой противными вѣтрами, склоняясь туда и сюда, наконецъ уступилъ я сильнѣйшему; меня препобѣдилъ и увлекъ страхъ оказаться непокорнымъ. И смотрите, какъ прямо и вѣрно держусь я среди сихъ страховъ, не домогаясь начальства неданнаго, и не отвергая даннаго. Ибо первое означало-бы дерзость, послѣднее-же — непокорность, а то и другое вмѣстѣ — невѣжество. Но я соблюдаю средину между слишкомъ дерзновенными и между слишкомъ боязливными; я боязливе

тѣхъ , которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всякаго убѣгаютъ. Такъ я разумѣю дѣло сіе, и выражусь еще яснѣе: противъ страха быть начальникомъ подасть, можетъ быть, помощь законъ благопокорности; потому что Богъ, по благодати Своей, вознаграждаетъ вѣру, и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто на Него уповаетъ, и въ Немъ полагаетъ всѣ надежды. Но не знаю, кто будетъ помощникомъ, и какое слово внушить упованіе, въ случаѣ непокорности. Ибо опасно, чтобы намъ о ввѣряемыхъ нашему попеченію не услышать слѣдующаго: «*Души ихъ отъ рукъ вашихъ възьму* (Іез. 3, 19.). Какъ вы отвергли Меня, и не захотѣли быть вождями и начальниками народа Моего: такъ и Я отвергну васъ, и не буду вашимъ царемъ. Какъ вы не послушали гласа Моего, но презрительно обратили ко Мнѣ хребетъ и не повиновались: такъ будетъ и вамъ; когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу и не услышу ея.» — Да не придетъ на насъ таковой приговоръ Праведнаго Судіи, Которому *воспѣваемъ милость*; но вмѣстѣ воспѣваемъ конечно и *судъ* (Пс. 100, 1.)!

А я обращаюсь опять къ исторіи, и разсматривая самыхъ благоискусныхъ мужей въ древности, нахожу, что изъ тѣхъ, кого благодать предъизбирала когда-либо въ званіе начальника или пророка, одни съ готовностію слѣдовали избранію, а другіе медлили принимать даръ; но ни тѣ, ни другіе не подвергались осужденію, какъ отрекавшіеся — за боязнь, такъ и изъявившіе согласіе — за ревность. Ибо одни устрашались важности служенія, а дру-

гіе повинувались по вѣрѣ въ Призывающаго. Ааронъ изъявилъ готовность, а Моисей прекословилъ. Съ готовностію повинувался Исаія, а Іеремія страшился юности, и не прежде отважился на званіе Пророка, какъ получивъ отъ Бога обѣтованіе и силу, превышающую возрастъ. Сими размышленіями успокоиваю я самъ себя, и душа моя по-немногу уступаетъ и смягчается, какъ желѣзо; а въ помощники къ симъ размышленіямъ беру я время, и въ совѣтники — Божіи оправданія, которымъ вѣрилъ я всю жизнь свою. Посему *не противлюся, ни противоглаголю* (Ис. 50, 5.) (слова моего Владыки, не къ начальствованію призываемаго, но яко овца на заколеніе (Ис. 53, 7.) вѣдомаго), даже подклоняюсь и смиряюсь подъ крѣпкую руку Божію, и прошу извинить прежнюю мою лѣньность и непокорность, если сколько нибудь виновенъ я въ семъ. Я умолкалъ, но не всегда буду молчать; удалился не надолго, сколько было нужно, чтобы разсмотрѣть себя и доставить себѣ утѣшеніе въ скорби, но теперь готовъ *возноситъ Его въ церкви людстѣй и восхваляетъ на съдалищи старецъ* (Ис. 106, 32.). Если за одно должно осуждать; то за другое можно извинить.

Но къ чему мнѣ продолжать слово? Я съ вами, пастыри и сопастыри! съ тобою, святая паства, достойная Архипастыря Христа! И ты, отецъ мой, совершенно побѣдилъ и подчинилъ меня болѣе по Христовымъ, нежели по мірскимъ законамъ. Видишь благопокорность; возврати благословеніе. И самъ руководствуй молитвами, путеводствуй словомъ, утверждай духомъ. *Благословеніе отче*

утверждаетъ дома чадъ (Сир: 3, 9.). О если-бы утвердиться мнѣ и сему духовному дому, который избралъ я, и о которомъ молюсь, чтобы онъ и для меня былъ упокоеніемъ въ вѣкъ вѣка, когда изъ здѣшней церкви препосланъ буду къ церкви тамошней — къ торжеству первородныхъ, написанныхъ на небесахъ! Таково и столь справедливо мое моленіе!

Богъ же мира, сотворившій обоя едино и возвратившій насъ другъ другу, посаждающій царей на престолахъ и воздвигающій съ земли убогаго, изъ низкаго состоянія возвышающій нищаго, избравшій Давида раба Своего и взявшій отъ стада овчихъ того, кто былъ младшимъ и юнѣйшимъ изъ сыновъ Іессеевыхъ, дающій слово благовѣствующимъ силою мноюю во исполненіе Евангелія, Самъ, пася пастырей и вода вождей, да поддерживаетъ десную руку нашу, да путеводствуетъ по волѣ Своей, и да приіметъ со славою, чтобы и намъ упасти паству Его благоразумно, а не въ *сосудахъ пастыря неискусна* (Зах. 11, 15.) — одно поставлено у древнихъ въ числѣ благословеній, а другое въ числѣ проклятій; — Самъ да *дастъ силу и державу людямъ Своимъ* (Пс. 67, 36.), Самъ да представитъ Себѣ паству славною и нескверною, достойною горняго двора, въ обители веселящихся, во свѣтлости святыхъ, чтобы во храмѣ Его всѣ мы, и паства и пастыри, купно могли вѣщать славу, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава во вѣки вѣковъ, аминь!

С Л О В О 4

ПЕРВОЕ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ

НА ЦАРЯ ЮЛИАНА.

Услышите сія вси языцы, внушите вси живущи по вселеннѣй (Пс. 48, 2.). Какъ-бы съ нѣкотораго возвышенія, далеко кругомъ видимаго, всѣхъ призываю, ко всѣмъ обращая сильную и высокую проповѣдь. Внимайте народы, племена, языки, люди всякаго рода, всякаго возраста—всѣ, сколько есть теперь, и сколько будетъ на землѣ! И да прострется далѣе моя проповѣдь!—Внимайте мнѣ всѣ небесныя Силы, всѣ Ангелы, которыми совершенно истребленіе мучителя, низложенъ—не Сіонъ, царь Амморрейскій, не Огъ, царь Васанскій, (небольшіе владѣтели, дѣлавшіе зло небольшой части вселенной—Израилю),—но змій (Иезек. 29, 3.), отступникъ, великій умъ (Иса. 10, 12.), Ассирианинъ, общій всѣмъ врагъ и противникъ, и на землѣ дѣлавшій много неистовствъ и угрозъ, и въ высоту (Пс. 72, 8.) говорившій, и замышлявшій много неправды! Слыши небо и внуши земле (Иса. 1, 2.)! И мнѣ теперь прилично возгласить одно съ велеглас-

пѣйшимъ изъ Пророковъ Исаіею! Въ одномъ у насъ разность: Пророкъ призываетъ небо и землю во свидѣтели противъ отвергшагося отъ Бога Израиля; а я призываю противъ мучителя, и отвергшагося, и падшаго — паденіемъ достойнымъ нечестія. Внимай, если слышишь насъ, и ты, душа великаго Констанція! Внимайте, христіюбивыя души до него бывшихъ царей! Особенно же да внемлетъ душа Констанція, который самъ возрасталъ съ наслѣдіемъ Христовымъ и, постепенно утверждая оное, возростилъ въ такую силу, что сталъ чрезъ сіе именитѣе всѣхъ прежнихъ царей. Но (какое посрамленіе!) онъ вналъ въ грѣхъ невѣдѣнія, весьма недостойный его благочестія; самъ не зная, воспиталъ Христіанамъ врага Христова; изъ всѣхъ дѣлъ своего чловѣколюбія оказалъ одну худую услугу тѣмъ, что спасъ и воцарилъ ко вреду спасеннаго и царствовавшаго. А потому, о если бы Констанція наипаче обрадовало, какъ разрушеніе нечестія и возстановленіе прежняго благосостоянія Христіанъ, такъ и сіе слово!

А я принесу слово въ даръ Богу священнѣйшій и чистѣйшій всякой безсловесной жертвы, принесу не по подражанію мерзкимъ рѣчамъ и оуесловию, а еще болѣе мерзкимъ жертвамъ богоотступника, которыхъ обиліе и богатство состояли въ силѣ нечестія и въ немудрой, скажу такъ, мудрости; такъ какъ и вся сила и ученость вѣка сего во тьмѣ ходитъ, и далека отъ свѣта истины. Но если такова сія мудрость, въ такихъ бываетъ людяхъ, такіе приносятъ плоды, — какъ трава, скоро засыхаетъ, какъ *зеліе злака* (Пс. 36, 3.), скоро опа-

даеть и преходить вмѣстѣ съ породившими ее, которые погибають съ шумомъ и привлекають вниманіе болѣе паденіемъ, нежели нечестіемъ своимъ; то мнѣ, приносящему нынѣ жертву хвалы и сожигающему безкровный даръ слова, кто составитъ такое зрѣлище, которое бы равнялось благодарности! Какой языкъ будетъ такъ громозвученъ, какъ я того желаю? Чей слухъ не уступитъ въ ревности слову?

Благодареніе же, воздаваемое посредствомъ слова, не только всего болѣе свойственно Слову, Которое изъ всѣхъ другихъ наименованій преимущественно благоугождается симъ наименованіемъ и нашею способностью именованъ его, но и тому (а) послужитъ приличнымъ возмездіемъ, когда за преступленіе противъ дара слова будетъ онъ наказанъ словомъ. Тогда какъ даръ слова есть общее достояніе всѣхъ словесныхъ тварей; Юліанъ, присвоивъ его себѣ, ненавидѣлъ въ Христіанахъ, и хотя почитался даровитѣйшимъ въ словѣ, однако-же о дарѣ слова судилъ крайне неразумно. Во-первыхъ неразумно тѣмъ, что злонамѣренно, по произволу, толковалъ наименованіе, будто-бы Еллинская словесность принадлежитъ язычеству, а не языку. Почему и запрещалъ намъ образоваться въ словѣ, какъ-будто такое наше образованіе было похищеніемъ чужаго добра. Но сіе значило тоже, какъ если бы не дозволять намъ и всѣхъ искусствъ, какія изобрѣтены у Грековъ, а присвоить ихъ себѣ по тому же сходству наимено-

(а) Юліану.

ванія. Потомъ неразумно онъ надѣлся, будто-бы скроется отъ насъ, что не насъ, которые очень презираемъ такую словесность, лишаетъ онъ одного изъ первыхъ благъ, но самъ страшится обличеній въ нечестіи, предполагая, можетъ быть, что сила обличеній зависитъ отъ красоты слога, а не отъ разумнѣя истины и не отъ доказательствъ, отъ которыхъ удержать насъ такъ же невозможно, какъ и сдѣлать, чтобы мы, пока имѣемъ языкъ, не исповѣдывали Бога. Ибо мы вмѣстѣ съ прочимъ и сіе, то есть, слово, посвящаемъ Богу, какъ посвящаемъ тѣла, когда нужно и тѣлесно подвизаться за истину. Посему, давъ такое повелѣніе, хотя запретилъ онъ говорить краснорѣчиво, однако же не воспрепятствовалъ говорить истину. А такимъ образомъ и безсиліе свое обличилъ, и не избѣгъ обличеній въ нечестіи, если не подвергся еще большимъ за свою ошибку. Ибо самое его запрещеніе, пользоваться намъ даромъ слова, показывало, что онъ не полагался и на правоту своей вѣры, и на самый даръ слова. Онъ походилъ на человѣка, который почитаетъ себя сильнѣйшимъ изъ борцовъ, и требуетъ, чтобы всѣ провозгласили его сильнѣйшимъ, а между тѣмъ отдалъ приказъ, чтобы ни одинъ сильный боецъ не смѣлъ бороться и не являлся на попріицѣ. Но это — доказательство робости, а не мужества! Вѣнды даются тѣмъ, которые подвизались, а не тѣмъ, которые сидѣли вверху; тѣмъ, которые напрыгали всѣ силы, а не тѣмъ, которые лишены употребленія большей части силъ. Если же дѣйствительно боялся ты сойтись и вступить въ битву; то симъ самымъ призналъ надъ собою побѣду, и безъ

борьбы уступилъ верхъ тому, съ кѣмъ изъ-за-того и препирался, чтобы не вступать въ борьбу. Такъ поступилъ нашъ мудрый царь и законодатель! И какъ-будто для того, чтобы все испытало его мучительство и провозглашало его неразуміе, въ самомъ началѣ своего царствованія онъ прежде всего употребилъ насиліе противъ дара слова. Но намъ прилично воздать благодареніе Богу и за то, что самый сей даръ получилъ свободу. Намъ особенно должно, какъ почитать Бога другими приношеніями, не щадя ничего—ни денегъ, ни имущества, которыя временны, и человѣколюбіемъ Божиимъ соблюдены отъ насилія, такъ преимущественно почитать словомъ—плодоношеніемъ праведнымъ и общимъ для всѣхъ, получившихъ милость. Но довольно сего слова о дарѣ слова; иначе, распространившись чрезъ мѣру, преступимъ предѣлы времени, и подадимъ мысль, что заботимся о чемъ-то иномъ, а не о томъ, для чего собрались.

И уже порывается и течетъ къ торжествованію мое слово; оно облекается въ веселіе, какъ и все видимое; оно всѣхъ призываетъ къ духовному ликованію,—всѣхъ, кто постоянно пребывалъ въ постѣ, въ сѣтованіи и въ молитвѣ, и днемъ и ночью просилъ избавленія отъ обстоящихъ скорбей, и надежное врачевство отъ золь находилъ въ *непосрамляющемъ упованіи* (Рим. 5, 5.),—всѣхъ, кто перенесъ великія боренія и подвиги, кто выдержалъ многіе и тяжкіе удары сего времени, кто, по выраженію Апостола, былъ въ *позоръ міру и Ангеломъ и человѣкомъ* (1 Кор. 4, 9.), кто, хотя изнемогалъ тѣломъ, однако-же остался непобѣдимымъ по духу, и все

возмогъ о укрѣпляющемъ его Христѣ (Фил. 4, 13.); всѣхъ, кто отложилъ все, что въ мірѣ служитъ ко грѣху, и мірскую власть; кто *разграбленіе имѣній съ радостію пріялъ* (Евр. 10, 34.); кто неправедно былъ изгнанъ изъ собственнаго, какъ говорится, владѣнія; кто на нѣсколько времени терпѣлъ разлуку или съ мужемъ, или съ женою, или съ родителями, или съ дѣтьми, или какія еще есть наименованія не столь близкаго свойства, привязывающія насъ къ людямъ, и кто въ даръ Христовой крови приносилъ страданія за Христа, такъ что нынѣ справедливо можетъ о себѣ сказать и воспѣть: *возвелъ еси челоуѣки на главы наша: проидохомъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 12.).

Призываю къ торжеству и другую часть людей, которые исповѣдуютъ Бога всяческихъ, и держатся въ томъ здравыхъ понятій, но не постигаютъ распоряженій Промысла, часто изъ горестныхъ событій устрояющаго лучшее и благодію призывающаго къ исправленію. Они, по нищетѣ души и по легкомыслию, возгораются и воспаляются помыслами, *всегда гордится нечестивому* (Пс. 9, 23.), не могутъ сносить *мира грѣшниковъ* (Пс. 72, 3.), какъ говоритъ Псаломъ, не ждутъ исполненія *совета* Божія (Пс. 105, 13.), и не соблюдаютъ равнодушія до конца; однако-же, будучи рабами одного настоящаго и видимаго, утверждаютъ въ истинѣ чудесами, подобными совершившимся нынѣ. Призываю и тѣхъ, кого приводитъ въ изумленіе лицедѣйство и великое позорище міра сего, призываю словами Исаи: *жены, грядущія съ позорища, прииди-*

те (Иса. 27, 11.); отвративъ душевное око отъ ви́шнихъ предметовъ, по которымъ оно блуждало, *упразднитеся и уразумѣйте, яко сей есть Богъ, возносяйся во языцѣхъ, возносяйся на земли* (Пс. 45, 11.), какъ всегда, во всѣхъ творимыхъ Имъ знаменіяхъ и чудесахъ, такъ еще очевиднѣе въ чудесахъ настоящихъ.

О если бы составилъ часть нашего лика и тотъ соборъ (б), который прежде съ нами вмѣстѣ воспѣвалъ Богу неподдѣльную и чистую пѣснь, даже удостоивался нѣкогда стоять на десной странѣ и, какъ надѣюсь, вскорѣ опять удостоится! Но не знаю, по какому побужденію, онъ вдругъ измѣняется, отдѣляется и (чему особенно дивлюся) не приступаетъ къ общему веселію, но составляетъ (какъ, можетъ быть, и сами позволяютъ мнѣ выразиться) какой-то свой нестройный и несогласный ликъ. Сказать, каковъ и чей это ликъ, хотя и побуждаетъ меня ревность, однако-же останавливаетъ вѣра. Удерживаемый надеждою, не произнесу ничего не-приятнаго; ибо доселѣ щажу ихъ, какъ собственные члены, и внимаю больше прежней любви, нежели настоящему отвращенію. Для того поступаю великодушнѣе, чтобы чувствительнѣе укорить въ послѣдствіи.

(б) По изъясненію Иаи Критскаго, Св. Богословъ разумѣетъ здѣсь Назіанзскихъ монаховъ, которые соблазнились тѣмъ, что родитель его, по простотѣ сердца, подписался къ Аріанскому исповѣданію, а въ слѣдствіе сего отдѣлились отъ общенія съ Назіанзскою Церковію, и поставили у себя пресвитеровъ, рукоположенныхъ постороннимъ Епископомъ.

Одну только часть, одинъ родъ людей отлучаю отъ торжества. Хотя самъ сокрушаюсь и скорблю, хотя проливаю слезы, когда, можетъ быть, они и не внимають мнѣ, хотя сѣтую о нечувствующихъ собственной погибели, что и дѣлаеть раны ихъ достойнѣйшими большаго сожалѣнія; однако-же отлучаю. Посѣянныя, не на твердомъ и непоколебимомъ, но на сухомъ и бесплодномъ камнѣ (таковы приступающіе къ слову легкомысленно и маловѣрные), *зане не имѣяху глубины земли* (Матѣ. 13, 5.), скоро прозябшіе, и готовые на все въ угожденіе ближнимъ, они въ послѣдствіи, при легкомъ прираженіи лукаваго, при маломъ искушеніи и дувовеніи знойнаго вѣтра, увяли и умерли. Но еще хуже сихъ послѣднихъ, еще болѣе достойны отлученія отъ торжества, всѣ тѣ, которые нимало не противились ни силѣ времени, ни увлекающимъ насъ въ пагубный плѣнъ отъ Возшедшаго на высоту и Плѣнившаго во спасеніе. Они оказались даже произвольно злыми и низкими, не сдѣлавъ и малѣйшаго противоборства, соблазнившись, когда не было имъ никакой скорби и никакого искушенія ради слова, и (подлинно жалкіе люди!) продали собственное свое спасеніе за временную пользу, за неважную услугу, или власть.

Поелику же сказано, кто можетъ, и кто не можетъ составлять нашъ ликъ; то очистимъ, по возможности, и тѣла и души, настроимъ всѣ одинъ голосъ, соединимся единымъ духомъ и воспоемъ ту побѣдную пѣснь, которую нѣкогда, ударя въ тимпанъ, предназначала Маріамъ, а за нею воспѣлъ Израиль, о потопленіи Египтянъ въ Черномъ морѣ:

Поимъ Господеви, славнѣ бо прославися; коня и всадника вверже (Исх. 15, 29.) — но не въ море; перемѣняю сіе въ пѣсни; а куда Ему было угодно, и какъ опредѣлилъ Самъ Онъ — *творяй вся и претворяй*, какъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ своего пророчества богодухновенно любомудрствующій Амосъ, и *обращаяй во утро сѣнь смертную, и день въ ночь помрачай* (Амос. 5, 8.), — Тотъ, Кто, какъ бы нѣкоторымъ кругомъ, располагаетъ и ведетъ весь міръ. И все, что до насъ касается, — и зыблющееся и незблемое, попеременно и поступающее впередъ и обращаемое назадъ, бывающее въ разные времена и такъ и иначе, — въ порядкѣ Промысла твердо и непоколебимо; хотя и идетъ противоположными путями, извѣстными Слову, и недовѣдомыми для насъ. Господь низлагаетъ *сильныя со престоль* (Лук. 1, 52.) и *нечаемаго* украшаетъ *внѣземъ* (Сирах. 11, 5.); заимствую и сіе изъ Божественнаго Писанія. Онъ немощныя колѣна облагаетъ мужествомъ, и сокрушаетъ *мышцы грѣшника и беззаконника* (Пс. 36, 17.); и сіе беру изъ другаго Писанія, какъ приходитъ мнѣ на память которе-либо изъ многихъ мѣстъ, восполняющихъ мою пѣснь и слагающихся въ одно благодареніе. Онъ даетъ намъ видѣть и возношеніе нечестиваго выше кедровъ, и обращеніе его въ ничтожество; если только возможны мы скорою и непреткновенною ногою пройти мимо его нечестія. Кто же изъ повѣдающихъ дѣла Божія воспоетъ, какъ должно, и повѣдаетъ сіе? *Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Пс. 105, 9.)? Какой голось, какой даръ слова будетъ соразмѣ-

ренъ сему чуду? Кто сокруши оружіе и мечъ и брань (Пс. 75, 11.)? Кто стеръ главы змиевъ въ водь? Кто далъ того брашно людямъ (Пс. 73, 13. 14.), которымъ и предалъ его? Кто премѣнилъ бурю въ прохладный вѣтръ? Кто сказалъ морю: *молчи, престани* (Марк. 4, 39.), *въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (Іов. 38, 11.); и потомъ умирилъ незадолго воздымавшіяся и кипѣвшія воды? Кто даровалъ власть *наступать на змію и на скорпію* (Лук. 10, 19.), которыя не тайно уже блюдутъ пяту, какъ изречено въ осужденіи, но явно возстаютъ и подъемлютъ главу, осужденную на попраніе? Кто сотворилъ *судъ и правду* (Ам. 5, 7.), сотворилъ такъ неожиданно? Кто не оставилъ навсегда *жезла грѣшныхъ* (могу-ли смѣло сказать: *на жребіи праведныхъ*, (Пс. 124, 3.)? — или выразиться скромнѣе?) на жребіи вѣдающихъ Его? Ибо мы были не какъ праведные преданы (не многимъ, и притомъ рѣдко, дается, чтобы они, какъ мужественные подвижники, посрамили искушителя), но какъ грѣшныя осуждены, и потомъ милосердо и отечески помилованы; осуждены, чтобы пораженные уцѣломудрились, и вразумленные къ Нему обратились. Онъ обличилъ насъ, но не *яростію*; наказалъ, но не *гнѣвомъ* (Пс. 6, 12.); тѣмъ и другимъ, и напаматованіемъ и снисхожденіемъ, явилъ Свое челоуѣколюбіе. Кто сотворилъ *отмищеніе во языцехъ, обличенія въ людехъ* (Пс. 149, 7.)? *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ во брани* (Пс. 23, 8.). Одно нахожу мѣсто, одинъ стихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи сообразный настоящему торжеству. Его прежде насъ возгласилъ Исаія, и онъ

весьма приличенъ нынѣшнему времени, соотвѣтствуетъ величію благодѣянія. *Да возрадуется небо свыше, и облацы да кропятъ правду* (Ис. 45, 8.): *да отпрыгнутъ горы веселіе и холми радость* (Иса. 49, 13.)! Ибо и вся тварь, и небесныя Силы раздѣляютъ наши чувствованія (присовокупляю это отъ себя) даже при событіяхъ, подобныхъ настоящему. Тварь, работающая тлѣнію, то есть, тѣмъ, которые долу раждаются и умираютъ, не только совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ, въ ожиданіи конца ихъ и откровенія, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно какъ нынѣ, силою Творца, невольно предана тлѣннымъ, но такъ же прославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божіи. И такъ *да веселится пустыня, и да цвѣтетъ, яко кринь* (Иса. 35, 1.) (не могу не употреблять Божественныхъ изреченій, возвѣщая Божію силу); да веселится Церковь, которая вчера и за день, по видимому, сиротствовала и вдовствовала! *Да веселится всякій, кто доселѣ былъ угнетаемъ нестерпимою и жестокою бурей нечестія! Яко помиловалъ Господь людей Своихъ и достоянія Своего не оставилъ* (Ис. 93, 14.); *сотворилъ чудная дѣла, совѣтъ древній истинный* (Ис. 25, 1.), — совѣтъ о томъ, чтобы благоволить къ боящимся Его и къ уповающимъ на милость Его (Ис. 146, 11.). *Яко сокруши врата мѣдная и веревы желѣзныя сломи* (Ис. 106, 16.). Мы за беззаконія наши смиренны были; но воззваны и избавлены изъ *спѣти, сокрушенной* (Ис. 123, 7.) благодатію, призвавшаго насъ и смиренныхъ сердцемъ утѣшающаго, Бога.

Видите, какъ слагаю пѣснь, въ которой и слова

и мысли божественны ! Самъ не знаю, почему горжусь и украшаюсь чужимъ, отъ удовольствія дѣлаюсь, какъ вдохновенный ; а презираю все низкое и человѣческое, когда одно съ другимъ сличаю и соглашаю, и, что одинаго Духа, то привожу въ единство.

И прежде являли намъ чудеса Божіи : Энохъ, прелагаемый Богомъ; Илія, вземлемый на небо; Ной, спасаемый и спасающій *малымъ древомъ* (Премудр. 10, 4.) міръ—сѣмена родовъ, избѣгшихъ отъ потопленія вселенной, чтобы земля снова украсилась обитателями болѣе благочестивыми; Авраамъ призываемый; когда уже не обѣщалъ возрастъ, награждаемый сыномъ, во увѣреніе о другомъ обѣтованномъ Сѣмени; приносящій единороднаго — добровольную жертву, и вмѣсто сына приѣмлющій неожиданную жертву. Тоже явили: чудная погибель нечестивыхъ, потопленныхъ огнемъ и сѣрою, и еще болѣе чудное исхожденіе благочестивыхъ; столпъ славный — памятникъ обращенія къ злу. Тоже явилъ Іосифъ продаваемый; вождельваемый, цѣломудрствующій, умудряемый Богомъ, освобождаемый, поставляемый властелиномъ и раздавателемъ хлѣба для высшаго домостроительства; Моисей, удостоенный богоявленія, приѣмлющій законы, законодательствующій, данный въ Бога Фараону, указавшій Израилю путь въ землю обѣтованія. Тоже явили: извѣстное число Египетскихъ казней и среди Египтянъ спасеніе обремененныхъ трудами: море, бѣгущее отъ жезла и сливающееся по слову, однимъ дающее путь, какъ по-суху, и потопляющее, согласно съ естествомъ, другихъ; а такъ-же все, чѣмъ

сіе сопровождалось : столпъ облачный , освѣняющій
 днемъ ; столпъ огненный , озаряющій ночью ; а оба
 путеводствующие ; хлѣбъ дождимый въ пустынѣ , снѣдь,
 посылаемая съ неба , — первый соразмѣрно нуждѣ , а
 вторая даже и сверхъ нужды ; вода изъ камня , то
 истекающая , то услаждаемая ; Амаликъ преодо-
 лѣваемый молитвою и еще неизъяснимымъ и таин-
 ственнымъ воздѣяніемъ рукъ ; солнце останавливаемое ,
 луна удерживаемая , Иорданъ раздѣляемый ,
 стѣны разрушаемыя обхожденіемъ священниковъ ,
 также звукомъ трубъ и самымъ числомъ силу
 имѣющимъ ; земля и руно попеременно орошаемыя
 и остающіяся невлажными ; сила , заключенная въ во-
 лосахъ и равняющаяся силамъ цѣлаго воинства ; нѣ-
 сколько избранныхъ , локавшихъ изъ горсти воду ,
 обладаемыхъ въ побѣдѣ и побѣждающихъ , по на-
 деждѣ , малымъ числомъ многія тысячи . Нужно ли
 мнѣ перечислять всѣ чудеса , какія совершены са-
 мимъ Христомъ , по спасительномъ Его пришествіи
 и воплощеніи , и какія по Немъ чрезъ Него же со-
 творены Святыми Его Апостолами и служителями
 слова ? Сколько книгъ и памятей , въ которыхъ на-
 печатлѣны онѣ ? Какія же чудеса явлены нынѣ ? —
Приидите , услышите , и повѣрѣте вамъ , вси боящи-
ся Бога (Пс . 65 , 16 .) , яко да познаетъ родъ инъ
(Пс . 77 , 6 .) , да познають преемства родовъ — чудеса
могущества Божія !

Но не возможно объяснить сего , не изобразивъ
 великости бѣдствія ; и сіе опять не возможно , пока
 не будетъ обличено злонаравіе его (в) , не будетъ

(в) Юліана.

показано, какія были начала, какія сѣмена, отъ которыхъ дошелъ онъ до такого неистовства, постепенно возвращая въ себѣ нечестіе, подобно тому, какъ самыя злыя изъ пресмыкающихся и звѣрей собираютъ свой ядъ. И хотя подробное описаніе злодѣяній его предоставляемъ книгамъ и исторіямъ (мы не имѣемъ и времени пересказывать все не имѣющее близкой связи съ настоящимъ предметомъ); однако-же, изъ многаго коснувшись немногаго, оставимъ потомству какъ-бы нѣкоторую надпись на памятникѣ, вмѣстивъ въ слово главнѣйшія и извѣстнѣйшія изъ его дѣяній.

Вотъ одно и первое изъ его дѣлъ! Спасенный великимъ Констанціемъ, недавно отъ отца наслѣдовавшимъ державу, — когда при Дворѣ стали править дѣлами новыя чиновники, и войско, опасаясь нововведеній, само сдѣлалось нововводителемъ, вооружилось противъ начальствующихъ, тогда, говорю, невѣроятнымъ и необычнымъ образомъ спасенный вмѣстѣ съ братомъ (г), не воздалъ онъ благодаренія, ни Богу за свое спасеніе, ни Царю, его спасшему, но оказался предъ ними злонравнымъ, готовъ въ себѣ Богу отступника, а Царю — мятежника. Но прежде сего нужно сказать, что человѣколюбивѣйшій Царь въ одномъ изъ царскихъ дворцовъ удостоилъ ихъ царскаго содержанія и царской прислуги, сохраняя ихъ, какъ послѣднихъ въ родѣ, для царскаго престола. Самъ Государь во-первыхъ думалъ оправдать себя въ томъ, что безпорядки открыв-

(г) Галломъ.

шіеся въ началѣ его царствованія, произведены не по его согласію, во-вторыхъ хотѣлъ показать свое великодушіе, приобщивъ ихъ къ царскому сану; а въ-третьихъ такимъ приращеніемъ надѣялся болѣе упредить власть. Но въ его разсужденіяхъ было больше доброты сердца, нежели благоразумія.

На нихъ же (д) не лежало тогда никакихъ должностей; царская власть была еще впереди и въ одномъ предположеніи, а возрастъ и надежда не вели къ чинамъ второстепеннымъ. Посему они имѣли при себѣ наставниковъ, и въ прочихъ наукахъ, (все первоначальное ученіе преподавалъ имъ самъ дядя и Царь), а еще больше въ нашемъ любомудріи, не только въ томъ, которое имѣетъ предметомъ догматы, но и въ томъ, которое назидаетъ благочестіе нравовъ. Для сего пользовались обращеніемъ съ людьми особенно испытанными, и были приучаемы къ дѣламъ самымъ похвальнымъ, показывающимъ опыты добродѣтели. Они, по своей охотѣ, вступили въ клиръ, читали народу божественныя книги, ни мало не почитая сего ущербомъ для своей славы, но еще признавая благочестіе лучшимъ изъ всѣхъ украшеній. Такъ же многоцѣнными памятниками въ честь Мучениковъ, щедрыми приношеніями и всѣмъ, что показываетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, свидѣтельствовали о своемъ любомудріи и усердіи ко Христу.

Одинъ изъ нихъ былъ дѣйствительно благочестивъ, и хотя по природѣ вспыльчивѣе, однако же

(д) Юліанъ и Галлъ.

въ благочестіи искренень. А другой выжидалъ только времени, и подѣ личиною скромности, таилъ злонавіе. И вотъ доказательство! — ибо не могу пройти молчаніемъ бывшаго чуда, которое весьма достопамятно, и можетъ послужить урокомъ для многихъ нечестивцевъ. Оба они, какъ сказалъ я, усердствовали для Мучениковъ, не уступали другъ другу въ щедрости, богатою рукою и, не щадя издержекъ, созидали храмъ (е). Но поелику труды ихъ происходили не отъ одинакаго произволенія; то и конецъ трудовъ былъ различень. Дѣло одного, разумью старшаго брата (ж), шло успѣшно и въ порядкѣ; потому что Богъ охотно принималъ даръ, какъ Авелеву жертву, *право и принесенную и раздѣленную* (Быт. 4, 7.), и самый даръ былъ какъ-бы нѣкоторымъ освященіемъ первороднаго, а даръ другаго (какое еще здѣсь на землѣ посрамленіе для нечестивыхъ, свидѣтельствующее о будущемъ, и малозначительными указаніями предвѣщающее о чемъ-то великомъ!), — даръ другаго отвергъ Богъ Мучениковъ, какъ жертву Каинову. Онъ предлагалъ труды; а земля изметала совершенное трудами. Онъ употреблялъ еще большія усилія; а земля отказывалась принимать въ себя основанія, полагаемая человѣкомъ, зыблющимся въ благочестіи. Земля какъ-бы вѣщала, какое будетъ произведено имъ потрясеніе, и вмѣстѣ воздавала честь Мученикамъ безчестіемъ нечестивѣйшаго. Такое событіе было нѣкоторымъ пророчествомъ объ открывшихся

(е) Во имя Св. мученика Маманта.

(ж) Галла.

со временемъ въ семъ человѣкѣ высокоуміи и высокоуміи, о непочтеніи его къ Мученикамъ, о поруганіи имъ святыхъ храмовъ — пророчествомъ, для другихъ невразумительнымъ, но заранѣе преслѣдовавшимъ гонителя и предзнаменовавшимъ, какое будетъ возмездіе нечестію. О человѣкѣ *мудрый, еже творити злая* (Іер. 4, 22.), но не избѣгающій собственнаго мученія! Благодареніе Богу, возвыщающему будущее, чтобы пресѣчь нечестіе и показать Свое предвѣдніе! Какое необычайное, но болѣе истинное, нежели необычайное, чудо! Какое братолюбіе въ Мученикахъ! Они не приняли чествованія отъ того, кто обезчеститъ многихъ Мучениковъ; отвергли дары человѣка, который многихъ изведетъ въ подвигъ страданія, даже позавидуетъ имъ и въ семъ подвигѣ. Или вѣрнѣе сказать, они не потерпѣли, чтобы имъ однимъ изъ Мучениковъ быть въ поруганіи, когда храмы другихъ устроятся и украшаются руками преподобными. Они не пустили, чтобы преухищренный во злѣ могъ похвалиться нанесенными имъ оскорбленіями, чтобы одна рука и созидала, и разрушала мученическіе храмы, чтобы одни изъ Мучениковъ были чествуемы, а другіе подвергались безчестію, чтобы притворнымъ чествованіемъ предначиналось дѣйствительное безчестіе. Они не хотѣли, чтобы оскорбитель, при великости оскорбленія, почиталъ еще себя мудрымъ и умѣвшимъ подъ видимою наружностію утаиться, какъ отъ людей, такъ и отъ Бога, Который всѣхъ прозорливѣе, всѣхъ премудрѣе, и *запинаеть премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. 3, 19.). Напротивъ того дали знать ругателю, что онъ понятъ,

чтобы уловленный не превозносился. Богъ Мучениковъ, по распоряженіямъ, Ему одному вѣдомымъ, по неизреченной Своей премудрости, по законамъ міроуправленія, по которымъ нѣкогда ожидалъ исполненія беззаконій Амморрейскихъ, — и теперь не пресѣкъ, не изсушилъ вдругъ, подобно нечистому потоку, замышляемой и скрываемой злобы. Но для другихъ было нужно содѣлать злонравіе ненавистнымъ, отвергнуть чествованіе и показать, что Богъ, въ разсужденіи всего Ему приносимаго, нелицепріятенъ и чистъ. Онъ сказалъ нечестовавшему Израилю: *еще принесете Ми семидаль, всеу : кадило, мерзость Ми есть* (Ис. 1, 13.). Онъ не потерпѣлъ *новомпсячій ихъ и субботъ и дне великаго*; ибо, какъ Самодовольный, не нуждается ни въ чемъ человѣческомъ и маловажномъ; тѣмъ менѣе увеселяется недостойными приношеніями; напротивъ того жертвою нечестиваго, хотя-бы это былъ телець, гнушается, какъ псомъ, и хотя-бы это былъ ливанъ, оскорбляется, какъ богохульствомъ (Ис. 66, 3.), и *мзду блудничу* (Второз. 23, 18.) изметаеъ изъ святилища и отвергаеъ; цѣнить-же ту одну жертву, которую Чистѣйшему приносятъ чистыя руки, высокій и очищенный умъ. И такъ что удивительнаго, если Онъ, Который видитъ, не какъ человѣкъ, смотритъ не на внѣшнее, но на потаеннаго человѣка, прозираеъ во внутренній источникъ пороковъ или добродѣтелей; что, говорю, удивительнаго, если Богъ и теперь не принялъ чествованія, воздаемаго лукаво и съ лукавою мыслию? Но такъ было дѣйствительно. Кто не вѣритъ, предъ тѣмъ свидѣтельствуемся самовидцами; еще многіе

живы изъ нихъ; они и намъ пересказывали о семъ чудѣ, и будутъ пересказывать потомкамъ нашимъ.

Х Когда же съ наступленіемъ мужскаго возраста они коснулись (лучше-бы никогда не касаться!) философскихъ ученій, и приобрѣли силу въ словѣ — для благонравныхъ щить добродѣтели, а для злонаправныхъ жало грѣха; тогда онъ (з) не могъ уже скрывать въ себѣ всего недуга, и коварный замыселъ нечестія обдумывать единственно съ самимъ собою. Огонь, кроющійся въ веществѣ, еще не обратился въ свѣтлый пламень, но обнаруживается вылетающими искрами и идущимъ изнутри дымомъ. А если угодно другое подобіе, источники съ силою текущіе въ подземныхъ пещерахъ, когда не находятъ себѣ простора и свободнаго выхода, во многихъ мѣстахъ земли устремляются къ поверхности и производятъ подъ нею шумъ; потому что сила стремленія гонитъ ихъ, а верхнія преграды удерживаютъ и пресѣкаютъ. Такъ и онъ, удерживаемый обстоятельствами и уроками Государя, пока не безопасно было оказать себя явнымъ нечестивцемъ, скрывалъ большую часть своего нечестія. Но бывали случаи, при которыхъ обнаруживалъ тайныя мысли, особливо предъ людьми, болѣе расположенными къ нечестію, нежели къ благоразумію; въ разговорахъ же съ братомъ, даже сверхъ приличія, защищалъ язычниковъ, конечно подъ предлогомъ упражненія въ словѣ посредствомъ споровъ; а дѣйствительно это было упражненіемъ въ противоборствѣ истинѣ. Вообще онъ радъ былъ всему, чѣмъ отличается не-

(з) Юліанъ.

честивое сердце. А когда челоѡколюбіе Самодержца провозглашаетъ брата его Цезаремъ, и дѣлаетъ обладателемъ надъ немалою частію вселенной; тогда и ему открылась возможность съ большею свободою и безопасноію предаться самымъ вреднымъ наукамъ и наставникамъ. Азія стала для него училищемъ нечестія — всѣхъ бредней о звѣздочетствѣ, о дняхъ рожденія, о разныхъ способахъ гаданія, а такъ-же и о соединенной съ ними неразрывно магіи.

Одного еще доставало, чтобы къ нечестію присовокупить и могущество. Черезъ нѣсколько времени и то даютъ ему надъ нами умножившіяся беззаконія многихъ, а иной можетъ быть скажетъ: благополучіе Христіанъ, достигшее высшей степени, и потому требовавшее перемѣны, — свобода, честь и довольство, отъ которыхъ мы возгордились. Ибо дѣйствительно труднѣе сберегать пріобрѣтенныя блага, нежели пріобрѣтать новыя, и удобнѣе тщаніемъ возвратить прошедшее благоденствіе, нежели сохранить настоящее. *Прежде сокрушенія предвѣряетъ досажденіе* (Притч. 16, 18.); прекрасно сказано въ Притчахъ; а славѣ предшествуетъ униженіе, или, скажу яснѣе, за гордостію слѣдуетъ низложеніе, а за низложеніемъ прославленіе. *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6.), и все соразмѣря праведно; воздастъ за противное противнымъ. Сіе зналъ и божественный Давидъ; потому быть смиряемымъ полагаетъ въ числѣ благъ, приносить благодареніе Смирившему, какъ пріобрѣтшій чрезъ сіе вѣдніе Божіихъ оправданій, и говоритъ: *Прежде даже не смиритимися, азъ прегрѣшихъ: сего ради слово*

Твое сохранилъ (Пс. 118, 67.). Такимъ образомъ ставитъ онъ смиреніе въ срединѣ между прегрѣшеніемъ и исправленіемъ, такъ какъ оно произведено прегрѣшеніемъ, и произвело исправленіе. Ибо грѣхъ раждаетъ смиреніе, а смиреніе раждаетъ обращеніе. Такъ и мы, когда были добронравны и скромны, тогда возвышены и постепенно возрастали, такъ что, подѣ руководствомъ Божиимъ, содѣлались и славны и многочисленны. А когда мы *умолстъли*, тогда стали своевольны; и когда *разширили* (Второз. 32, 16.), тогда доведены до тѣсноты. Ту славу и силу, какую приобрѣли во время гоненій и скорбей, утратили мы во время благоденствія, какъ покажетъ продолженіе слова.

Царствованію и жизни Цезаря полагается предѣлъ. Умолчу о предшествовавшемъ, щадя и дѣйствовавшего и страдавшего (и); но при всемъ уваженіи къ благочестію обоихъ, не хвалю дерзости. Если имъ, какъ людямъ, и свойственно было погрѣшать въ чемъ другомъ; то за сіе вѣроятно не похвалятъ ни того, ни другаго. Развѣ и здѣсь поставленное въ вину одному обратимъ въ оправданіе другому. Тогда Юліанъ дѣлается наслѣдникомъ царства, но не благочестія, наслѣдникомъ сперва послѣ брата, а чрезъ нѣсколько времени и послѣ воцарившаго его. И первое даетъ ему Констанцій добровольно, а послѣднее по неволѣ, принужден-

(и) Св. Богословъ имѣетъ въ виду умерщвленіе Цезаря Галла, по приказу Императора, за возмущеніе его противъ Императора.

ный общимъ для всѣхъ концемъ , пораженный ударомъ бѣдственнымъ и пагубнымъ для цѣлаго міра.

Что ты сдѣлалъ, боголюбивѣйшій и христіюбивѣйшій изъ царей! — къ тебѣ, какъ-бы къ предстоящему и внимающему намъ, обращаю укоризну; хотя знаю, что ты гораздо выше нашихъ укоризнъ, вчиненъ съ Богомъ , наследовалъ небесную славу, и для того оставилъ насъ, чтобы временное царство премѣнить на вѣчное. Для чего совѣщалъ такой совѣтъ ты, который благоразуміемъ и быстротою ума во многомъ превосходилъ не только современныхъ тебѣ, но и прежнихъ царей. Ты очистилъ предѣлы царства отъ варваровъ , и усмирилъ внутреннихъ мятежниковъ; на однихъ дѣйствовалъ убѣжденіями, на другихъ оружіемъ, а въ томъ и другомъ случаѣ распоряжался , какъ будто-бы никто тебѣ не противодѣйствовалъ. Важны твои побѣды , добытыя оружіемъ и бранями ; но еще важнѣе и знаменитѣе пріобрѣтенныя безъ крови. Къ тебѣ отъсюду являлись посольства и просьбы; одни покорялись, другіе готовы были къ покорности. А если гдѣ была надежда на покорность, — это равнялось самой покорности. Мышца Божія руководствовала тебя во всякомъ намѣреніи и дѣйствіи. Благоразуміе было въ тебѣ удивительнѣе могущества , и могущество удивительнѣе благоразумія; самой же славы за благоразуміе и могущество еще удивительнѣе благочестіе. Какъ же въ семъ одномъ оказался ты неопытнымъ и неосмотрительнымъ? Отъ чего такая опрометчивость въ твоёмъ безчеловѣчномъ человѣколюбіи? Какой демонъ внушилъ тебѣ такую мысль? Какъ великое наслѣдіе, — то, чѣмъ украшался роди-

тель твой, разумью именуемыхъ по Христвъ, народъ, просіявшій въ цѣлой вселенной, *царское священіе* (1 Петр. 2, 3.), возвращенныхъ многими усиліями и трудами, въ столь короткое время, въ одно мгновеніе, своими руками передалъ ты общему всѣхъ кровопійцѣ?

Можетъ быть, вамъ кажется, братія, что поступаю неблагочестно и неблагодарно, когда говорю сіе, и къ обличительной рѣчи не присоединяю тотчасъ вѣщаній истины; хотя достаточно уже оправдалъ я Констанція тѣмъ самымъ, въ чемъ обвинилъ его, если вы вникли въ мое обвиненіе. Здѣсь только обвиненіе заключаетъ въ себѣ и извиненіе; ибо упомянувъ о добротѣ, я представилъ и оправданіе. Кому изъ знавшихъ сколько-нибудь Констанція не извѣстно, что онъ для благочестія, изъ любви къ намъ, изъ желанія намъ всякаго блага, не только готовъ былъ презрѣть его (1), или честь всего рода, или приращеніе царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасеніе отдалъ бы даже самую державу, цѣлый міръ и свою душу, которая всякому всего дороже? Никто никогда и ни къ чему не пылалъ такою пламенною любовію, съ какою онъ заботился объ умноженіи Христіанъ и о томъ, чтобы возвести ихъ на высокую степень славы и силы. Ни покореніе народовъ, ни благоустройство общества, ни титуло и санъ царя царей, ни все прочее, по чему познается счастье человѣческое, — ничто не радовало его столько, какъ одно

(1) Юліана.

то, чтобы мы чрезъ него, и онъ чрезъ насъ, прославлялись предъ Богомъ и предъ людьми, и чтобы наше господство навсегда пребыло неразрушимымъ. Ибо кромѣ прочаго, рассуждая истинно царски и выше многихъ другихъ, онъ ясно усматривалъ, что съ успѣхами Христіанъ возрастало могущество Римлянъ, что съ пришествіемъ Христовымъ явилось у нихъ самодержавіе, никогда дотолѣ не достигавшее совершеннаго единоначалія. За сіе, думаю, и любилъ онъ особенно намъ благодѣтельствовать. Если же и оскорбилъ нѣсколько, то оскорбилъ не изъ презрѣнія, не съ намѣреніемъ обидѣть, не изъ предпочтенія намъ другихъ, но желая, чтобы всѣ были одно, хранили единомысліе, не разсѣкались и не раздѣлялись расколами. Но, какъ замѣтилъ я, простота неосторожна, человѣколюбіе не безъ слабостей; и кто далекъ отъ зла, тотъ всего менѣе подозрѣваетъ зло. Посему онъ не предузналъ будущаго, не проникъ притворства (нечестіе же вкрадывалось постепенно), и въ одномъ Государѣ могли совмѣщаться и благость къ благочестивому роду, и благость къ нечестивѣйшему и безбожнѣйшему изъ людей.

И сей нечестивецъ въ чемъ укорилъ Христіанъ, что нашель у насъ непохвальнаго, а такъ-же что въ языческихъ ученіяхъ призналъ чрезвычайнымъ и неопровержимымъ? Какому слѣду образцу составилъ онъ себѣ имя своимъ нечестіемъ, совершенно новымъ образомъ вступилъ въ состязаніе съ воцарившимъ его? Поелику не могъ превзойти его добродѣтелями и совершенствами: то постарался отличиться противнымъ—тѣмъ, что преступилъ вся-

кую мѣру въ нечестіи и ревновалъ о худшемъ. Таково наше оправданіе Констанція въ разсужденіи Христіанъ и для Христіанъ—вполнѣ справедливое для имѣющихъ умъ.

Но найдутся люди, которые, простивъ намъ одну вину, не отпустятъ другой. Они станутъ обвинять въ скудоуміи за то, что Констанціей вручилъ власть непріязненному и непримиримому противнику, и что сперва сдѣлалъ его врагомъ, а потомъ могущественнымъ, положивъ основаніе враждѣ умерщвленіемъ брата, и придавъ силу избраніемъ на царство. Посему нужно кратко сказать и о семъ; нужно показать, что челоуѣколюбіе было не вовсе неразумно, и не выступило изъ предѣловъ царскаго великодушія и царской предусмотрительности. Даже мнѣ было бы стыдно, если бы мы, удостоившіеся отъ Констанція такой чести, и столько увѣренные въ его отличномъ благочестіи, въ его защиту не сказали правды, что, какъ служители слова и истины, обязаны мы дѣлать для людей и ни мало насъ не облагодѣтельствовавшихъ. Особливо стыдно было бы не сказать правды о Констанціи, по преселеніи его изъ здѣшняго міра, когда нѣтъ и мѣста мысли, что мы льстимъ, когда слово наше свободно отъ всякаго худаго подозрѣнія. Кто не надѣялся, если не другаго чего, по крайней мѣрѣ того, что Констанціей почестями содѣлаетъ его (к) болѣе кроткимъ? Кто не полагалъ, что послѣ довѣренности, какая ему сдѣлана, даже вопреки справедливости, и онъ будетъ правдивѣе? Особливо, когда надѣ

(к) Юліана.

обоими произнесенъ правдивый и прямо царскій судъ,—одинъ удостоенъ чести, и другой низложенъ? Ибо почтившій втораго, какъ никто не ожидалъ, даже ни самъ получившій почеть, ясно тѣмъ показаль, что и перваго наказаль онъ не безъ праведнаго гнѣва. Казнь одного была слѣдствіемъ продерзости наказаннаго; а почести другаго были дѣломъ челоуѣколюбія въ возведшемъ его къ почестямъ. Но если нужно сказать еще нѣчто: то Констанцій могъ полагаться, не столько на его вѣрность, сколько на собственное могущество. По такой, думаю, надеждѣ и славный Александръ побѣжденному Пору, который мужественно стоялъ за свою державу, дароваль не только жизнь, но вскорѣ и царство Индовъ. Симъ, а не другимъ чѣмъ, хотѣль онъ доказать свое великодушіе; а не превзойти кого въ великодушіи, для него—Александра, было постыднѣе, нежели уступить въ силѣ оружія; притомъ Пору, если бы замыслиль зло, ему легко было покорить и въ другой разъ. Такъ и въ Констанціѣ челоуѣколюбіе произошло отъ избытка надежды на свою силу. Но для чего усиливаюсь тамъ, гдѣ и побѣжденному весьма удобно одержать верхъ? Если довѣрившій поступилъ худо; то сколько хуже поступилъ тотъ, кому сдѣлана довѣренность? Когда ставить въ вину, что не предусмотрѣнъ злыи нравъ; тогда во что должно поставить самое злонравіе?

Но порокъ дѣйствительно есть нѣчто не поддаваемое подѣ правила, и у челоуѣка нѣтъ средствъ дѣлать злыхъ добрыми. Такъ и онъ (1), отъ чего

(1) Юліанъ.

бы слѣдовало ему почувствовать въ себѣ благорасположеніе, и погасить, если и было какое, воспламенение злости, отъ того самаго воспылалъ большею ненавистію, и сталъ высматривать, чѣмъ отмстить благодѣтелю. Тому научили его Платоны, Хризиппы, почтенные Перипатетики, Стоики и краснословы. Къ тому привели его и геометрическое равенство, и уроки о справедливости, и правило: предпочитай лучше терпѣть, нежели наносить обиду. Сіе преподали ему благородные наставники, сподвижники царской власти и законодатели, которыхъ набралъ себѣ на перекресткахъ и въ пещерахъ (м), въ которыхъ не нравы одобрялъ, но дивился сладкорѣчію, а можетъ быть и не тому, но единственно нечестію, — достаточному совѣтнику и наставнику что дѣлать и чего не дѣлать. И подлинно, не достойны ли удивленія тѣ, которые на словахъ строить города, какихъ на дѣлѣ быть не можетъ? которые едва не кланяются, какъ Богу, величавымъ тиранамъ, и при своей надменности ставятъ оволь выше боговъ? Одни изъ нихъ учатъ, что вовсе нѣтъ Бога; другіе, что Богъ не промышляетъ о земномъ, но что все здѣсь влечется безъ цѣли и случайно; иные говорятъ, что всѣмъ управляютъ звѣзды и роковыя созвѣздія, не знаю кѣмъ и откуда управляемые; другіе же полагаютъ, что все стремится къ удовольствію, и что наслажденіе составляетъ конецъ челоуѣческой жизни. А добродѣтель для нихъ одно

(м) Подъ перекрестками и пещерами Св. Богословъ разумѣть мѣста, на которыхъ Юліанъ, съ своими наставниками, приносилъ бѣсамъ жертвы и совершалъ различныя гаданія

громкое имя ; по словамъ ихъ, ничего нѣтъ за настоящей жизнью, никакого послѣ истязанія за дѣла здѣшней жизни, въ пресѣченіе неправды. Иной изъ ихъ мудрецовъ вовсе не разумѣлъ сего, но былъ покрытъ глубокою, такъ сказать, тиною и непроницаемымъ мракомъ заблужденія и невѣдѣнія; его разумъ и столько не былъ очищенъ, чтобы могъ взирать на свѣтъ истины, но, пресмыкаясь въ дольномъ и чувственномъ, не способенъ былъ представить что-либо выше демоновъ, и разсуждать о Творцѣ достойнымъ Его образомъ. А если кто и прозиралъ нѣсколько ; то, имѣя руководителемъ разумъ, а не Бога, увлекался болѣе вѣроятнымъ, и тѣмъ, что какъ ближайшее скорѣе обращаетъ на себя вниманіе черни. Что же удивительнаго, если вышедшій изъ такого училища, управляемый такими кормчи-ми, когда ввѣрили ему власть и почтили его саномъ, оказался столько злымъ противъ ввѣрившаго и почтившаго ? А если можно защищать одного, обвиняя другаго ; то возставила его (н) противъ установленнаго порядка, и побудила искать свободы высокоумію, не столько, думаю, скорбь о братѣ, въ которомъ видѣлъ онъ противника себѣ по вѣрѣ, сколько то, что не терпѣлъ усиливающагося Христіанства и злобствовалъ на благочестіе. Надобно, какъ они учатъ, чтобы философія и царская власть сходились вмѣстѣ ; но не для прекращенія, а для умноженія общественныхъ золъ. И первымъ дѣломъ его (о) высокоумія и высокоумія было то, что

(н) Юліана.

(о) Юліана.

самъ на себя возложилъ вѣнецъ , самъ себя почтилъ высокимъ титуломъ , которое , не какъ случайную добычу , но какъ награду за добродѣтель , даетъ или время , или приговоръ царя , или , что бывало въ прежнія времена , опредѣленіе сената. Но онъ не признаетъ господина въ царствѣ господиномъ раздаваемыхъ почестей. А во-вторыхъ , увидѣвъ , что первая дерзость доводитъ до необходимости поддержать свое высокоуміе , что еще замышляетъ? До чего простирается въ нечестіи и наглости? Какое неистовство! Онъ вооружается противъ самого Констанція , и ведетъ съ Запада войско подъ предлогомъ оправдать себя въ принятіи царскаго вѣнца; потому что наружно скрывалъ еще свое высокоуміе. Но въ дѣйствительности замышляетъ захватить въ свои руки державу , и удивить свѣтъ неблагодарностію. И не обманулся въ надеждѣ.

Да не дивятся сему не постигающіе недомыслимой глубины Божіихъ распоряженій , по которымъ все совершается! Да не дивятся предоставляющіе міроуправленіе Художнику , Который конечно премудрѣ насъ , и твореніе Свое ведетъ , къ чему и какъ Ему угодно , безъ всякаго же сомнѣнія къ совершенству и уврачеванію , хотя врачующее и огорчаютъ! По такимъ распоряженіямъ и онъ (п) не возбужденъ на зло (Божество , по естеству благое , нимало не виновно во злѣ , и злыя дѣла принадлежать произвольно избирающему злое) , но не удержанъ въ стремленіи. Съ быстротою протекъ онъ

(п) Юліанъ.

свои владѣнія и часть варварскихъ предѣловъ, захватывая проходы, не съ намѣреніемъ овладѣть ими, но чтобы скрыть себя; уже приближается къ царскому дворцу, осмѣлившись на такой походъ, какъ говорили его единомышленники, по предвѣднію и по внушенію демоновъ, которые прорекали ему будущее, и предустраивали перемѣну обстоятельствъ. Но, по словамъ не скрывающихъ истины, онъ явился въ срокъ, назначенный для тайнаго и сокрытаго во мракъ злодѣянія; успѣвши къ дню смерти, которой самъ былъ виновникомъ, тайно поручивъ совершить злоумышленіе одному изъ домашнихъ. А потому здѣсь было не предвѣдніе, но обыкновенное знаніе, — простое злодѣйство, а не благодѣяніе бѣсовъ. Сколько же бѣсы проникательны въ такихъ дѣлахъ, ясно показала Персія. И пусть умолкнутъ тѣ, которые успѣшность его приписываютъ бѣсамъ; развѣ ихъ дѣломъ назовемъ и то, что онъ былъ злобень! Если бы кончина Царя не предшествовала нашествію мучителя, и тайная брань не производилась сильнѣе открытой; то злодѣй узналъ бы, можетъ быть, что успѣшалъ на собственную гибель и прежде, нежели вразумленъ пораженіемъ у Персовъ, понесъ бы наказаніе за свое высокоуміе въ Римскихъ предѣлахъ, въ которые злонамѣренно дерзнулъ вторгнуться. И вотъ доказательство! Когда еще онъ былъ въ пути, и думалъ, что намѣренія его неизвѣстны; воинство могущественнѣйшаго Царя окружаетъ его, и пресѣкаетъ ему даже возможность къ побѣгу. (Такъ показало послѣдствіе; ибо и по полученіи державы ему стоило не малаго труда одолѣть сіе войско.) И въ сіе самое

время, пылая гнѣвомъ на високоуміе и нечестіе, имѣя въ сѣтяхъ хитрѣйшаго изъ людей, на пути къ мѣсту дѣйствій, (подлинно велики грѣхи наши!) Государь, послѣ многихъ прошеній къ Богу и людямъ — извинить его челоуѣколюбіе, оставляетъ жизнь, своимъ походомъ доказавъ Христіанамъ ревность о благочестіи.

И здѣсь, приступая къ продолженію слова, проливаю слезы, смѣшанныя съ радостію. Подобно тому, какъ рѣка и море между собою борются и сливаются, и во мнѣ происходитъ борьба — и сліяніе, и волненіе чувствованій. Послѣднія событія исполняютъ меня удовольствіемъ; а предшествовавшія извлекаютъ у меня слезы, слезы не только о Христіанахъ и о напастяхъ, какія ихъ постигли, или навлеченныя лукавымъ, или поущенныя Богомъ, по причинамъ Ему вѣдомымъ, и, можетъ быть, за наше превозношеніе, требовавшее очищенія; но такъ же слезы и объ его (р) душѣ, и о всѣхъ увлекшихся съ нимъ въ ту же погибель. Иные оплакиваютъ однѣ послѣднія ихъ пораженія и здѣшнія страданія; потому что имѣютъ въ виду одну настоящую жизнь, и не простираются мыслию въ будущее, не думаютъ, что будетъ расчетъ и воздаяніе за дѣла земной жизни, но живутъ подобно безсловеснымъ, заботятся о текущемъ только днѣ, объ одномъ настоящемъ, однѣми здѣшними удобствами измѣряютъ благополучіе, и всякую встрѣчающуюся неприятность называютъ несчастіемъ. Но для меня досто-

(р) Юліана.

плачевнѣ будущія ихъ мученія , и казнь, ожидающая грѣшниковъ. Не говорю еще о величайшемъ наказаніи , то есть , о томъ , сколько для нихъ будетъ мучительно отверженіе ихъ Богомъ. Какъ не пролить мнѣ слезъ о семъ несчастномъ? Какъ не оплакивать бѣжавшихъ къ нему болѣе, нежели тѣхъ, которые были имъ гонимы? И не больше ли еще долженъ я плакать объ увлекшемъ въ беззаконіе, нежели о передавшихся на сторону зла? Даже гонимымъ—страдать за Христа было вовсе не зло, а самое блаженное дѣло, не только по причинѣ будущихъ воздаяній , но и по причинѣ настоящей славы и свободы, каковую они пріобрѣли себѣ своими бѣдствіями. А для тѣхъ, что претерпѣли они здѣсь, есть только начало уготованнаго и угрожающаго имъ въ будущемъ. Для нихъ гораздо было бы лучше, если бы долѣе страдали здѣсь, но не были соблаждаемы для тамошнихъ истязаній. Такъ говорю по закону, который повелѣваетъ не радоваться паденію врага, и отъ того , кто устоялъ , требуетъ состраданія.

Но мнѣ опять должно къ нему обратить слово. Что за ревность превзойти всѣхъ во злѣ? Что за страсть къ нечестію? Что за стремленіе къ погибели? Отъ чего сдѣлался такимъ христоненавистникомъ ученикъ Христовъ, который столько занимался словомъ истины , и самъ говорилъ о предметахъ душеспасительныхъ, и у другихъ поучался? Не успѣлъ онъ наследовать царства, и уже съ дерзостію обнаруживаетъ нечестіе, какъ-бы стыдясь и того, что былъ нѣкогда Христіаниномъ, или мстя Христіанамъ за то, что носилъ съ ними одно имя.

И таковъ первый изъ смѣлыхъ его подвиговъ, какъ называютъ гордящіеся его тайнами; (какія слова принужденъ я произнести!) онъ воду крещенія смываетъ скверною кровію, наше таинственное совершеніе замѣняя своимъ мерзкимъ, и уподобляясь по пословицѣ свиніѣ, валяющейся въ тинѣ; творитъ очищеніе надъ своими руками, чтобы очистить ихъ отъ безкровной Жертвы, чрезъ которую дѣлаемся мы участниками со Христомъ въ страданіяхъ и Божествѣ; руководимый злыми совѣтниками зловреднаго правленія, начинаетъ свое царствованіе разсматриваніемъ внутренностей и жертвоприношеніями.

Но упомянувъ о разсмотрѣніи внутренностей и о суетвѣріи, или, точнѣе сказать, зловѣріи его въ такихъ дѣлахъ, не знаю, описывать ли мнѣ чудо, разглашаемое молвою, или не вѣрить слухамъ? Колелюсь мыслию и недоумѣваю, на что преклониться; потому что достойное вѣроятія смѣшано здѣсь съ неимовѣрнымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при такомъ новомъ явленіи зла и нечестія было какое нибудь знаменіе; да и неоднократно случались знаменія при великихъ переворотахъ. Но чтобы такъ было, какъ рассказываютъ, это весьма удивительно для меня, а конечно и для всякаго, кто желаетъ, и считаетъ справедливымъ, чтобы чистое объяснялось чисто. Рассказываютъ же, что, принося жертву, во внутренностяхъ животнаго, увидѣлъ онъ Крестъ въ вѣнцѣ. Въ другихъ возбудило сіе ужасъ, смятеніе и сознаніе нашей силы,— а наставнику нечестія придадо только дерзости; онъ про толковалъ: Крестъ и кругъ значать, что Христіане

огвсюду окружны и заперты. Сіе-то для меня чудно, и ежели это неправда, пусть развѣется вѣтромъ; если же правда, то здѣсь опять Валаамъ пророчествуетъ, Самуиль, или призракъ его, вызывается волшебницею; опять бѣсы невольно исповѣдуютъ Иисуса, и истина обнаруживается чрезъ противное истинѣ, дабы тѣмъ болѣе ей повѣрили. А можетъ быть, это дѣлалось и для того, чтобы его удержать отъ нечестія: потому что Богъ, по Своему человеколюбію, можетъ открывать многіе и необыкновенные пути ко спасенію. Но вотъ о чемъ рассказываютъ весьма многіе, и что не чуждо вѣроятія: сходилъ онъ въ одну изъ недоступныхъ для народа и страшныхъ пещеръ (о если бы тѣмъ же путемъ сошелъ онъ и во адъ, прежде нежели успѣлъ столько въ злѣ!); его сопровождалъ человекъ, знающій такіа дѣла, или, лучше сказать, обманщикъ, достойный многихъ пропастей. Между прочими видами волхвованія употребляется у нихъ и тотъ, чтобы съ подземными демонами совѣщаться о будущемъ гдѣ-нибудь во мракѣ; потому ли, что демоны болѣе любятъ тьму, ибо сами суть тьма и виновники тьмы, то есть зла; или потому, что они бѣгаютъ благочестивыхъ на землѣ, ибо отъ встрѣчи съ ними приходятъ въ безсиліе. Но когда храбрець нашъ идетъ впередъ; его объемлетъ ужасъ, съ каждымъ шагомъ становится ему страшнѣе; рассказываютъ еще о необыкновенныхъ звукахъ, о зловоніи, объ огненныхъ явленіяхъ, и не знаю о какихъ-то призракахъ и мечтаніяхъ. Пораженный нечаянностію, какъ неопытный въ такомъ дѣлѣ, онъ прибѣгаетъ ко Кресту, сему древнему пособію, и знаме-

нуется имъ противъ ужасовъ, призываетъ на помощь Гонимаго. Послѣдовавшее за симъ было еще страшнѣе. Знаменіе подѣйствовало, демоны побѣждены, страхи разсѣялись. Что же потомъ? Зло оживаетъ, отступникъ снова становится дерзкимъ, по-рывается идти далѣе: и опять тѣ же ужасы. Онъ еще разъ крестится,—и демоны утихаютъ. Ученикъ въ недоумѣніи; но съ нимъ наставникъ, перетолковывающій истину. Онъ говоритъ: «не устрашились они насъ, но возгнушались нами.» И зло взяло верхъ. Едва сказалъ наставникъ, ученикъ вѣрять, а убѣдившій ведетъ его къ безднѣ гибели. И не удивительно: порочный человѣкъ скорѣе готовъ слѣдовать злу, нежели удерживаться добромъ. Что потомъ говорилъ, или дѣлалъ онъ, или какъ его обманывали, и съ чѣмъ отпустили, пусть знаютъ тѣ, которые посвящаютъ въ сіи таинства и сами посвящены. Только по выходѣ оттуда, и въ душевныхъ расположеніяхъ и въ дѣлахъ его видно было бѣснованіе, и неистовство взоровъ показывало, кому совершалъ онъ служеніе. Если не съ того самаго дня, въ который рѣшился онъ на такое нечестіе, то теперь, самымъ явнымъ образомъ, вселилось въ него множество демоновъ; иначе бы напрасно сходилъ онъ во мракъ и сообщался съ демонами, чтò называютъ они вдохновеніемъ, благовидно превращая смыслъ словъ. Таковы были первыя его дѣла!

Но когда болѣзнь усилилась и гоненіе готово было открыться, увидѣлъ онъ (или какъ человѣкъ мудрый на злое и преуспѣвшій въ нечестіи, или по совѣту поощрявшихъ его на сіе), что вести съ нами войну открыто и объявить себя предводителемъ

лемъ нечестія, не только слишкомъ дерзко и безрассудно, но и совершенно противно цѣли. Ибо принужденіе сдѣлало бы насъ болѣе непоколебимыми и готовыми противопоставить насилію ревность по благочестію: ибо души мужественныя, когда хотятъ принудить ихъ къ чему силою, обыкновенно бываютъ непреклонны, и подобны пламени, раздуваемому вѣтромъ; которое тѣмъ болѣе разгарается, чѣмъ болѣе его раздувають. Это не только находилъ онъ по своимъ умозаключеніямъ, но могъ знать и по предшествовавшимъ гоненіямъ, которыми Христіанство болѣе прославлено, нежели ослаблено: потому что гоненія укрѣпляютъ душу въ благочестіи, и въ опасностяхъ душа закаливается, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Если же дѣйствовать оружіемъ лукавства (разсуждалъ онъ) и принужденію дать видъ убѣжденія, прикрывъ насиліе ласкою, какъ уду приманкою; то въ такой борьбѣ будетъ и мудрость и сила. Сверхъ сего онъ завидовалъ чести мученической, какой удостоиваются подвижники. Потому умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая вида принужденія; а насъ заставить страдать и не имѣть той чести, что страждемъ за Христа. Какая глупость! Во-первыхъ онъ думалъ утаить, за что мы подвергаемся опасности, и прикрыть истину лжеумствованіями, но не рассудилъ, что чѣмъ болѣе умышляетъ онъ противъ почестей мученичества, тѣмъ онѣ сдѣлаются выше и славнѣе; во-вторыхъ полагалъ, что мы предаемся опасностямъ не по любви къ истинѣ, а по желанію славы. Но симъ пусть забавляются ихъ Емпедоклы, Аристей, Емпедотимы, Трофонія и множество по-

добныхъ жалкихъ людей. Первый изъ нихъ думалъ сдѣлаться богомъ и достигнуть блаженной участи, ринувшись въ жерло горы Сицилійской; но любимый башмакъ его, изверженный огнемъ, обнаружилъ, что не сдѣлался Емпедокль изъ человѣка богомъ, а оказался только по смерти человѣкомъ тщеславнымъ, не любозумнымъ, не имѣющимъ даже здраваго смысла. А прочіе по той же болѣзни и самолюбію скрылись въ мрачныхъ пещерахъ; но когда были открыты, не столько приобрѣли себѣ чести тѣмъ, что скрывались отъ людей, сколько обезчестили себя тѣмъ, что не остались въ безызвѣстности. Но для Христіанъ пріятнѣе страдать за благочестіе, оставаясь даже у всѣхъ въ неизвѣстности, нежели для другихъ прославляться и быть нечестивыми. Потому что мы мало заботимся объ угожденіи людямъ; а все наше желаніе — получить честь отъ Бога; истинно же любозумные и боголюбивые — выше и сего; они любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ. Ибо это уже вторая степень похвальной жизни — дѣлать что-либо изъ награды и воздаянія; и третія, — избѣгать зла по страху наказанія. Такъ мы разсуждаемъ; и для желающихъ не трудно привести на то многія доказательства. А нашъ противникъ, думая лишить Христіанъ чести, какъ чего-то великаго (ибо многіе судятъ о другихъ по собственнымъ страстямъ), прежде всего воздвигаетъ гоненіе противъ нашей славы. Онъ не такъ смѣло, какъ прочіе гонители, вводитъ нечестіе, и хочетъ поступить съ нами не только не какъ царь, но даже и не какъ мучитель, который бы могъ похва-

литься, что принудилъ вселенную принять его нечестивый законъ и подавилъ ученіе, одержавшее верхъ надъ всѣми ученіями. Но, какъ рабъ, робко составляетъ ковы противъ благочестія, и къ гоненію присоединяетъ хитрѣя двусмысленныя умствованія.

Всякая власть дѣйствуетъ убѣжденіемъ или принужденіемъ; и онъ послѣднее, какъ менѣе человѣколюбивое, то есть насиліе, предоставилъ народу и городамъ, которые въ дерзости особенно неустойчивы, по неразумности и неосмотрительному стремленію ко всему; впрочемъ и на это далъ не всенародное повелѣніе, но какъ бы неписанный законъ, обнаруживъ свою волю тѣмъ, что не останавливалъ народныхъ волненій. А первое, какъ болѣе кроткое и достойное царя, то есть убѣжденіе, предоставилъ онъ себѣ. Однако-же и сіе не совершенно соблюлъ. Какъ несвойственно оставить леопарду пестроту, Еѳіопу черноту, огню силу жечь, лукавому—сему человѣкоубійцѣ искони—человѣкоубиственныя дѣланія; такъ и онъ не могъ оставить злобы, съ какою устремился противъ насъ. Но, какъ говорятъ о хамелеонѣ, что онъ удобно перемѣняетъ свой видъ и принимаетъ на себя всѣ цвѣты, кромѣ бѣлаго (умалчиваю о Протѣѣ, баснословномъ хитрецѣ Египетскомъ); такъ и онъ для Христіанъ былъ и являлся всѣмъ, кромѣ кротости. И человѣколюбіе его было весьма безчеловѣчно; его убѣжденіе—насилъственно, благосклонность служила извиненіемъ жестокости, дабы видѣли, что онъ по праву употребляетъ насиліе, не успѣвъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Это видно изъ того, что убѣжденія его продолжались малое время; и по большей части

вскорѣ слѣдовало принужденіе, чтобы мы были пойманы, какъ на звѣриной ловлѣ, или сѣтями, или преслѣдованіемъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ непременно достались въ его руки.

Такимъ образомъ обдумавъ и распредѣливъ свои дѣйствія, употребляетъ онъ другую хитрость—единственно вѣрную, хотя слишкомъ нечестивую; начинаетъ злое свое дѣло съ приближенныхъ и съ окружающихъ его людей, какъ это въ обычаѣ у всѣхъ гонителей. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя на своей сторонѣ близкихъ, нельзя дѣйствовать на постороннихъ; подобно какъ нельзя вести на враговъ войска, которое возстаетъ противъ своего вождя. Онъ перемѣняетъ царедворцевъ, однихъ напередъ предавъ тайно смерти, другихъ удаливъ не столько за то, что они были расположены къ великому Царю (с), сколько за то, что еще преданнѣе были Царю царей, а для него бесполезны по тому и другому. Между тѣмъ самъ собою, или чрезъ начальниковъ, склоняетъ на свою сторону войско, которое почиталъ особенно удобопреклоннымъ; потому что военные люди, то обольщаются почестями, то увлекаются по простотѣ, и не знаютъ другаго закона, кромѣ царской воли; правильнѣе же сказать, онъ привлекъ только часть войска, часть не малую,—тѣхъ, кого нашелъ испорченными и больными, кто, и въ это время и прежде, раболѣпствовалъ обстоятельствамъ;—и изъ этой части однихъ поработилъ онъ себѣ дѣйствительно, другихъ только надѣялся поработить. Не всѣхъ же увлекъ; по-

(с) Констанцію.

тому что не далъ ему столько силы надъ нами Тотъ, Кто наказывалъ насъ чрезъ него, и еще осталось болѣе семи тысячъ мужей, которые не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ (3 Цар. 19, 18.), не поклонились златому образу (Дан. 3, 18.), не были уязвлены змїями; потому что взирали на повѣшеннаго змїя и низложеннаго страданїями Христовыми. Между начальниками и высшими, которыхъ особенно легко побѣдить угрозами или обѣщанїями, и между простыми воинами, извѣстными только по числу, нашлось много отразившихъ его нападенїе, какъ твердая стѣна отражаетъ неудачное дѣйствїе орудїя. Впрочемъ онъ не столько сокрушался о томъ, что избѣгало рукъ его, сколько приходилъ въ дерзость, подобно бѣшеному, отъ того, что уловлялъ. Онъ желалъ,—и ожидаемое представлялъ уже достигнутымъ. Потомъ возстаетъ онъ и противъ того великаго знамени съ изображенїемъ Креста, которое, бывъ поднято вверхъ, предводило воинствомъ, почиталось у Римлянъ, и дѣйствительно было облегченїемъ въ трудахъ, можно сказать, царствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ однѣ украшены изображенїями царей и распростертыми тканями съ различными цвѣтами и письменами; а другїя, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ страшныя пасти драконовъ, утвержденныя на верху копій, раздуваются по изгибамъ, изпещреннымъ тканю чешуею и представляютъ взорамъ прїятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище.

Когда же все, что было около него, онъ устроилъ по своимъ мыслямъ, и уже думалъ восторжествовать надъ близкою опасностїю; тогда покушаетъ

ся и на прочее. О несмысленный, нечестивый и ничего не свѣдущій въ дѣлахъ великихъ! Ты возстаешь противъ многочисленнаго достоянія, противъ всемірнаго плодоношенія, совершаемаго на всѣхъ концахъ вселенной низостію слова и буйствомъ, какъ вы бы сказали, проповѣди, — той проповѣди, которая побѣдила мудрыхъ, прогнала демоновъ, превозмогла время, которая есть нѣчто ветхое, вмѣстѣ и новое (подобно тому, какъ и вы представляете одного изъ боговъ своихъ), — ветхое для немногихъ, новое для многихъ, первое въ сѣннописаніи, послѣднее въ совершеніи тайны, сокровенной до своего времени! Ты противъ великаго наслѣдія Христова, забывъ, кто ты, какія у тебя силы и откуда ты, — противъ великаго и нескончаемаго наслѣдія, которое, если бы кто и съ бѣльшимъ, нежели ты, неистовствомъ возсталъ противъ него, только болѣе бы возрастало и возвышалось (ибо вѣрю пророчествамъ и видимому); противъ сего наслѣдія, которое самъ Онъ, какъ Богъ сотворилъ, и какъ человѣкъ наслѣдовалъ, которое законъ прообразовалъ, благодать исполнила, Христось обновилъ, которое Пророки водрузили, Апостолы связали, Евангелисты довершили! Ты противъ жертвы Христовой съ своими сквернами! Ты противъ крови, очистившей міръ, съ своими кровьями! Ты воздвигаешь брань противъ мира! Ты возносишь руку противъ руки за тебя и для тебя пригвожденной! Ты противъ желчи — съ своимъ приобщеніемъ жертвъ! противъ Креста — съ своимъ трофеемъ! противъ смерти — съ разрушеніемъ! противъ возстанія изъ гроба — съ своимъ мятежническимъ возстаніемъ! Ты

противъ Свидѣтеля, отвергшій даже свидѣтельство мучениковъ (т)! Послѣ Ирода—гонитель! Послѣ Иуды—предатель, только не обнаружившій, подобно ему, раскаянія удавленіемъ! Послѣ Пилата—христуубійца! Послѣ Иудеевъ—богоненавистникъ! Ты не устыдился жертвъ, закланыхъ за Христа! Не убоялся великихъ подвижниковъ—Иоанна, Петра, Павла, Іакова, Стефана, Луки, Андрея, Феклы и прочихъ, послѣ и прежде нихъ, пострадавшихъ за истину! Они охотно боролись съ огнемъ, желѣзомъ, съ звѣрями и мучителями, шли на бѣдствія настоящія и угрожающія, какъ-бы въ чужихъ тѣлахъ, или какъ безплотные. И для чего все это? Чтобы и словомъ не измѣнить благочестію. Они прославляются великими почестями и празднествами, они прогоняють демоновъ, врачуютъ болѣзни, являются, прорекають; самыя тѣла ихъ, когда къ нимъ прикасаются и чтутъ ихъ, столько же дѣйствуютъ, какъ святыя души ихъ; даже капли крови и все, что носитъ на себѣ слѣды ихъ страданій, такъ же дѣйствительны, какъ ихъ тѣла. Но ты не чтишь сего, а безчестишь;—дивишься же Геркулесу, который отъ несчастій и женскихъ оскорбленій бросается на костеръ; дивишься тому, какъ по страннолюбію, или въ угожденіе богамъ, предложень въ свѣдь Пелопсъ, отъ чего Пелопиды отличаются плечами изъ слоновой кости; дивишься искаженію

(т) *Κατὰ τῆς Μάρτυρος ἕδδὲ μάρτυρας*—слово *Μάρτυρ*, имевъ значеніе свидѣтеля и мученика. Св. Григорій употребляетъ сіе слово въ первомъ смыслѣ объ І. Христѣ, какъ и въ Откровеніи Иоанна 1, 5. 3, 14; въ послѣднемъ—ѡ свидѣтеляхъ истины Христовой—Апостолахъ и Мученикахъ.

Фригійцевъ, услаждаемыхъ свирѣлю и потомъ подвергаемыхъ поруганію, или заслуженнымъ истязаніямъ и испытаніямъ чрезъ огонь при посвященіи въ таинства Миеры; дивишься умерщвленію чужестранцевъ у Тавровъ, принесенію на жертву царской дочери въ Троѣ, крови Меникея, пролитой за Фивянъ, и наконецъ смерти дочерей Скедаза въ Левктрахъ; ты хвалишь Лакедемонскихъ юношей, сбѣгущихся бичами и окропляющихъ жертвенникъ кровію, пріятною богинѣ чистой и дѣвѣ; хвалишь чашу съ ядомъ Сократа, голень Епиктета, мѣхъ Анаксарха (у), у которыхъ любомудріе было болѣе вынужденно, нежели добровольно; хвалишь скачекъ Клеомврата Амвракійскаго, — плодъ любомудраго ученія о душѣ; хвалишь состязанія Пифагорейцевъ о бобахъ и презрѣніе смерти Феоною, или, не помню, кѣмъ-то другимъ изъ посвященныхъ въ тайны и ученія Пифагоровы.

Но подивись, если не прежнимъ, то настоящимъ подвигамъ Христіанъ, ты, любомудрѣйшій и мужественнѣйшій изъ смертныхъ, который въ терпѣніи хочешь подражать Епаминондамъ и Сципіонамъ, ходишь на ряду съ своимъ войскомъ, довольствуешься скудною пищею и хвалишь личное предводительство. Человѣкъ благородный и любомудрый не унижаетъ доблести и въ врагахъ; онъ выше цѣнить мужество непріятелей, нежели пороки и изнѣженность самыхъ близкихъ ему. Видишь ли сихъ

(у) Анаксархъ назвалъ мѣхомъ тѣло свое, когда толкну его въ ступь.

людей, которые не имѣютъ у себя ни пропитанія, ни пристанища, не имѣютъ почти ни плоти, ни крови, и тѣмъ приближаются къ Богу, у которыхъ и ноги не мыты и ложемъ земля, какъ говоритъ твой Гомеръ, думая такимъ вымысломъ почитать одного изъ демоновъ? Они живутъ долу, но выше всего дольнаго; среди людей, но выше всего человѣческаго; связаны, но свободны; стѣсняемы, но ничѣмъ неудержимы; ничего не имѣютъ въ мірѣ, но обладаютъ всѣмъ премірнымъ; живутъ сугубою жизнію, и одну презираютъ, о другой же заботятся; чрезъ умерщвленіе безсмертны, чрезъ отрѣшеніе отъ твари соединены съ Богомъ; не знаютъ любви страстной, но горятъ любовію божественною, безстрашною; ихъ наслѣдіе—Источникъ свѣта, и еще здѣсь—Его озаренія, Ангельскія псалмопѣнія, всенощное стояніе, преселеніе къ Богу ума предвосхищаемаго; чистота и непрестанное очищеніе, какъ незнающихъ мѣры въ восхожденіи и обоженіи; ихъ утесы и небеса, низложенія и престолы; нагота и риза нетлѣнія; пустыня и торжество на небесахъ; попаніе сластей и наслажденіе нескончаемое, неизреченное. Ихъ слезы потопляютъ грѣхъ, очищаютъ міръ; ихъ воздѣянiе рукъ угашаетъ пламень, укрощаетъ звѣрей, притупляетъ мечи, обращаетъ въ бѣгство полки; и (будь увѣренъ!) заградитъ уста и твоему нечестію, хотя превознесешь на время, и съ своими демонами будешь еще лицедѣйствовать въ позорищѣ нечестія. Какъ и это не страшно, не достойно уваженія для тебя, чрезъ мѣру дерзновенный и безразсуднѣ всякаго устремляющійся на смерть? А сіе конечно во многомъ уважительнѣе, нежели пенасыт-

ность мудреца и законодателя Солона, которую Крезъ обличилъ Лидійскимъ золотомъ,—нежели Сократова любовь къ красотѣ (стыжуся сказать, къ отрокамъ, хотя она прикрывается честнымъ наименованіемъ), — нежели Платоново лакомство въ Сициліи, за которое философъ проданъ и не выкупленъ ни однимъ изъ учениковъ, даже никѣмъ изъ Грековъ; Ксенократово прозорство, шутливость жившаго въ бочкѣ Діогена, съ какою онъ, предпочитая лакомый кусокъ простому хлѣбу, говаривалъ словами стихотворца : пришлецы, дайте мѣсто господамъ, — и философія Эпикурова, не признающая никакого блага выше удовольствія. Великъ у васъ Кратесъ; отказать свои земли на пастбище овецъ, конечно, любомудрое дѣло и похожее на дѣла нашихъ любомудровъ; но онъ провозглашаетъ свою свободу не столько какъ любитель мудрости, сколько какъ честолюбецъ. Великъ и тотъ, кто на кораблѣ, боровшемся съ волнами, когда все кидали въ море, благодарилъ судьбу, доводящую его до рублища (φ). Великъ Антисѣенъ, который, когда одинъ наглый оскорбитель ударилъ его въ лице, пишетъ у себя на лбу, какъ на статуѣ, имя ударившаго, можетъ быть для того, чтобы язвительнѣе укорить его. Ты хвалишь также одного изъ жившихъ не за долго до насъ за то, что цѣлый день молился, стоя на солнцѣ: но можетъ быть онъ воспользовался временемъ, когда солнце бываетъ ближе къ землѣ, дабы сократить молитву, окончивъ ее съ закатомъ

(φ) Зенонъ.

солнечнымъ; хвалишь и Потидейскаго труженика (х), который зимою цѣлую ночь стоялъ, погружаясь въ созерцаніе, и въ изступленіи не чувствовалъ холода; хвалишь любознательность Гомера, трудившагося надъ Аркадскимъ вопросомъ, любовѣдніе и неутомимость Аристотеля, допытывавшагося причины переменъ въ Еврипѣ, — надъ чѣмъ они и умерли; хвалишь и Клеантовъ колодезь, и Анаксагоровъ ременный поводъ (ц), и Гераклитовы слезы. Но сколько у васъ такихъ, и долго ли они подвизались? Какъ же не дивиться нашимъ подвижникамъ, которыхъ тысячи, десятки тысячъ, которые посвящаютъ себя на такое же, и еще болѣе чудное, любомудріе, любомудрствуютъ цѣлую жизнь и, можно сказать, въ цѣлой вселенной, какъ мужи, такъ равно и жены, спорящія съ мужами въ мужествѣ, и тогда только забывающія свою природу, когда нужно приближаться къ Богу чистотою и терпѣніемъ? И не только люди незнатнаго рода и всегдашнею скудостію приобученные къ трудамъ, но даже нѣкогда высокіе и знатные своимъ богатствомъ, родомъ и властію, рѣшаются на непривычныя для нихъ злостраданія въ подражаніе Христу. Хотя бы они не обладали даромъ слова, потому что не въ словѣ поставляютъ благочестіе, и не на долго годенъ плодъ мудрости, которая только на языкѣ, какъ признано и однимъ изъ вашихъ стихотворцевъ; однако же въ нихъ больше правды; они учатъ дѣлами.

(х) Сократа.

(ц) Такъ Анаксагоръ назвалъ свое сочиненіе, въ которомъ были собраны трудные вопросы.

Но онъ, пренебрегши все сіе, и одно имѣя въ виду, чтобы угодить демонамъ, которые неоднократно низлагали его, чего и заслуживалъ, прежде другихъ распоряженій по дѣламъ общественнымъ устремляется противъ Христіанъ. — Два только предмета его озабочивали: Галилеяне, какъ называлъ онъ насъ въ укоризну, и Персы, упорно продолжавшіе войну. Но наше дѣло было для него важнѣе, требовало большихъ заботъ, такъ что войну съ Персами почиталъ онъ дѣломъ пустымъ и дѣтскою игрою. Хотя онъ сего не обнародовалъ, однакоже и не скрывалъ; до того даже доходило его неистовство, что не переставалъ твердить о томъ всегда и всѣмъ. И такой благоразумнѣйшій и наилучшій правитель государства не сообразилъ, что, во время прежнихъ гоненій, смятенія и потрясенія были не значительны, потому что наше ученіе коснулось еще немногихъ; истина принята была небольшимъ числомъ людей, и не открылась еще всѣмъ. Но теперь, когда спасительное слово разлилось всюду, особенно у насъ (ч) одѣлалось господствующимъ, покуситься на то, чтобы измѣнить и поколебать Христіанство, значило тоже, что потрясти Римскую державу, подвергнуть опасности цѣлое государство, и чего хуже не пожелали бы намъ враги наши, то потерпѣть отъ самихъ себя, отъ сего новаго и чуднаго любомудрія и царствованія, подъ которымъ мы благоденствовали и возвратились къ древнему золотому вѣку и къ жизни, ничѣмъ невозмущаемой и спокойной. Или удобство сообщеній, уменьшеніе налоговъ, выборъ

(ч) Въ Римской державѣ.

начальниковъ, наказаніе за воровство, и другія постановленія, служащія къ временному благополучію и мгновенному блеску, могли доставить государству великую пользу, и стоили того, чтобы оглушать нашъ слухъ похвалами такимъ учрежденіямъ? А народныя смятенія и возмущенія въ городахъ, разрывъ семействъ, раздоры въ домахъ, расторженіе супружествъ (чему надлежало послѣдовать за тѣмъ зломъ, и что дѣйствительно послѣдовало), могли ли служить къ его славѣ, или къ безопасности государства? Кто же будетъ столько преклоненъ къ нечестію, или столько лишенъ общаго смысла, чтобы согласиться на сіе? Въ тѣлѣ, если нездоровы одинъ только или два члена, безъ труда прочіе переносятъ сіе, и здравіе сохраняется большинствомъ членовъ; даже отъ здоровыхъ и больнымъ членамъ можетъ сдѣлаться лучше. Но ежели разстроена и поражена болѣзнію большая часть членовъ; то не можетъ не страдать все тѣло, и опасность для него очевидна. Такъ въ подначальныхъ, недуги одного члена общества могутъ иногда прикрываться благосостояніемъ цѣлаго; но если повреждена большая часть членовъ, опасность угрожаетъ цѣлому обществу. Думаю, что другой, даже и злой ненавистникъ нашъ, могъ бы видѣть это въ нынѣшнее время при такомъ умноженіи Христіанъ. Но въ этомъ человѣкѣ злоба помрачила разсудокъ, и потому равно простираетъ онъ гоненіе и на малое, и на великое.

Особенно дѣтскою, неосновательною и недостойною не только царя, но и сколько нибудь разсудительнаго человѣка, была его мысль, будто бы за перемѣною имени послѣдуетъ перемѣна въ нашемъ

расположеніи, или, будто бы намъ отъ сей переменны будетъ стыдно, какъ обвиненнымъ въ чемъ-то гнусномъ. И онъ даетъ намъ новое наименованіе, самъ называетъ насъ, и узаконяетъ намъ именоваться, вмѣсто Христіанъ, Галилеянами. Подлинно имя, отъ Христа заимствованное, славно и досточестно; и онъ умыслилъ лишить насъ сего наименованія, или по сей причинѣ, или потому что страшился силы имени, подобно демонамъ, и замѣнилъ оное другимъ неупотребительнымъ и неизвѣстнымъ. Но мы не будемъ переменять у нихъ именъ; потому что и нѣтъ именъ смѣшныѣ, чтобы замѣнить ими прежнія, каковы ихъ Фаллы, Иѳифаллы, Мелампиги, Трагоподъ и почтенный Панъ, одинъ богъ, произшедшій отъ всѣхъ жениховъ и получившій по достоинству своему имя отъ посрамленія. Ибо имъ нужно, чтобы, или одинъ обезчестилъ многихъ, — и при томъ могущественнѣйшій, или одинъ происходилъ отъ многихъ, — и при томъ гнуснѣйшій. И такъ не позавидуемъ имъ ни въ дѣлахъ, ни въ именахъ. Пусть услаждаются своею простотою и хвалятся мерзостями. Если угодно, предоставимъ имъ Вуѳина; готовы сдѣлать и большій подарокъ, уступивъ и Тріеспера, столь величественно раждаемаго и раждающаго, совершившаго тринадцатый подвигъ въ одну ночь (разумѣю пятьдесятъ дочерей Ѳестія), чтобы получить за то наименованіе бога. Ежели бы Христіане захотѣли выдумывать подобныя вещи; то могли бы изъ собственныхъ дѣлъ Юліана найти для него многія, болѣе постыдныя и вмѣстѣ болѣе приличныя наименованія. Ибо что воспрепятствовало бы и намъ, воздавая равнымъ за равное, царя Рим-

скаго, или какъ онъ, обманутый демонами, мечталъ о себѣ, царя вселенной, — назвать Идолианомъ, Пизеемъ, Адонеемъ и Кавситавромъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ остролововъ уже прозвали его, такъ какъ это дѣло весьма легкое. Что препятствовало бы примѣнить къ нему и составить для него и другія названія, какія представляетъ дѣйствительная исторія? Но самъ Спаситель и Владыка всяческихъ, Создатель и Правитель міра, Сынъ и Слово великаго Отца, Примиритель, Архіерей и сопрестольный Отцу, для насъ, обезчестившихъ образъ Его, низведенныхъ въ персть и не уразумѣвшихъ великой тайны сочетанія (ш), не только низшедшій до рабскаго зрака, но и возшедшій на крестъ и сошедшій съ Собою мой грѣхъ, чтобы умертвить его, — когда называли Его Самаряниномъ, и (еще хуже) имѣющимъ въ Себѣ бѣса, не стыдился сего и не укорялъ оскорбителей. Тотъ, Кому легко было наказать нечестивыхъ чрезъ Ангельскія силы и единымъ словомъ, со всею кротостію и снисходительностію отсылаетъ отъ Себя оскорбителей, и проливаетъ слезы о распинавшихъ Его. Сколько же незлѣпо думать, что мы, именуемые Галилеянами, будемъ сокрушаться о семъ, или стыдиться сего, или перестанемъ отъ того ревновать о благѣ, и больше уважимъ сіи оскорбленія, нежели душу и тѣло, тогда какъ и ихъ умѣемъ презирать ради истины (Мат. 10, 28. Лук. 9, 24.)? Напротивъ того болѣе смѣшно, нежели прискорбно то, о чемъ я говорю; и мы предоставляемъ такую забаву зрѣлищамъ: ибо

(■) т. е. земнаго съ небеснымъ въ чловѣкѣ.

конечно никогда не превзойдемъ тѣхъ, которые на погибель свою забавляются тамъ, и другихъ забавляютъ, подобными вещами.

Но весьма уже лукаво и злонамѣренно то, что, не имѣя силъ убѣдить насъ открыто, и стыдясь принуждать мучительно, но подъ львиною кожею скрываая лисью, или, если угодно, подъ личиною Миноса тая величайшее несправосудіе (не знаю, какъ выразить это точнѣе), употребилъ онъ снисходительное насиліе. Впрочемъ, поспѣшая словомъ, иное представлю желающимъ писать исторію, и думаю, что многіе, почитая даже дѣломъ благочестія поражать словомъ столь пагубнаго человѣка, позаботятся составить трагедію (если такъ должно назвать), или комедію тогдашняго времени, дабы и потомству было передано такое важное дѣло, стоящее того, чтобы не скрывать. Самъ же вмѣсто всего расскажу для примѣра одно или два изъ его дѣяній, расскажу для удивляющихся ему чрезъ мѣру; пусть знаютъ, что они удостоиваютъ похвалы такого человѣка, для котораго не лзя найти даже и порицанія, какое онъ заслужилъ.

Не знаю, у всѣхъ ли народовъ, живущихъ подъ властію царей, по крайней мѣрѣ у Римлянъ строго соблюдается одно царское постановленіе: въ честь царствующихъ ставить всенародно ихъ изображенія. Къ утвержденію ихъ царской власти не довольно вѣнцевъ, діадимъ, багряницы, многочисленныхъ законовъ, податей и множества подданныхъ; чтобы внушить болѣе уваженія къ власти, они требуютъ еще поклоненія, и поклоненія не только своей особѣ, но и своимъ изваяннымъ и живописнымъ изо-

браженіямъ, чтобы воздаваемое имъ почтеніе было полнѣе и совершеннѣе. Къ таковымъ изображеніямъ каждый Императоръ обыкновенно присовокупляетъ что-нибудь свое. Одинъ изображаетъ, какъ знаменитѣйшіе города приносятъ ему дары; другій, — какъ побѣда вѣнчаетъ его главу; иной, — какъ преклоняются предъ нимъ сановники, украшенные отличіями власти; другіе представляютъ или звѣрей, пораженныхъ мѣткими ударами, или варваровъ, побѣжденныхъ и поверженныхъ къ ногамъ. Цари услаждаются не только самими дѣлами, въ которыхъ поставляютъ свою славу, но и ихъ изображеніями.

Что же онъ умышляетъ? какія строить ковчѣи для Христіанъ, наиболѣе твердыхъ? Подобно тѣмъ, которые подмѣшиваютъ въ пищу ядъ, къ обыкновеннымъ царскимъ почестямъ примѣшиваетъ онъ нечестіе, и съ Римскими установленіями соединяетъ поклоненіе идоламъ. Посему на изображеніяхъ своихъ, вмѣстѣ съ другими обыкновенными начертаніями, написавъ демоновъ, предлагаетъ такіа изображенія народу и городамъ и особенно начальникамъ областей, чтобы зло было вовсе неизбежно, чтобы, или воздающей честь Императору воздавалъ оную и идоламъ, или уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести Императора; потому что поклоненіе воздавалось совокупно. Такого обмана и сѣтей нечестія, столь хитро разставленныхъ, избѣгли немногіе, которые были богобоязненнѣе и проникательнѣе другихъ; но они и наказаны за свою проникательность, подъ предлогомъ, что оскорбили честь Императора; въ дѣйствительности же пострадали за истиннаго Царя и

за благочестіе. А люди простые и неразсудительные по большей части были уловлены, и имъ, можетъ быть, самое невѣдѣніе послужить извиненіемъ, какъ вовлеченнымъ въ нечестіе хитростію. Одного такого поступка достаточно, чтобы опозорить намѣреніе царя. Ибо думаю, что не одно и тоже прилично царю и простолюдину, такъ какъ достоинство ихъ не одинаково. Въ простолюдинѣ извинили бы мы какой-нибудь и хитрый поступокъ; ибо кому не возможно дѣйствовать явною силою, тому извинительно прибѣгать и къ хитрости: но царю очень стыдно уступить силѣ, а еще стыднѣе и неприличнѣе, какъ думаю, прикрывать свои предпріятія и намѣренія хитростію.

Другое дѣло его, по мысли и намѣренію одинаково съ первымъ, но по обширности дѣйствія гораздо хуже и нечестивѣе; потому что зло распростиралось на большее число людей. И я присовокуплю это къ сказанному: Наступилъ день раздачи царскихъ даровъ, или годичный, или тогда нарочито назначенный царемъ съ злымъ умысломъ. Надлежало собраться войску, чтобы каждый получилъ награду по достоинству и чину. Здѣсь открылось новое явленіе низости, новое зрѣлище нечестія! Безчеловѣчіе прикрашено какимъ-то челоуѣколюбіемъ, неразуміе и жадность, по большей части неразлучныя съ воинами, уловлены деньгами. Блистательно торжествуя надъ благочестіемъ и гордясь своими ухищреніями, во всемъ блескѣ предсѣдательствовала Царь; подобно какому-нибудь Мелампу или Протею, и былъ и казался всѣмъ, безъ труда преобразаясь въ новыя виды. Что же происходило вокругъ него; и какихъ достойно сіе ры-

даній для благомыслящихъ , не только тогда присутствовавшихъ , но и теперь слышащихъ о такомъ зрѣлищѣ ! Предложено было золото , предложень и ладанъ ; по близости былъ огонь , не далеко распорядители . И какой благовидный предлогъ ! Казалось , что таковъ уставъ царской раздачи даровъ , освященной древностію и высоко цѣнимой ! Что же за симъ ? Надлежало возложить на огонь еиміамъ и получить отъ Царя цѣну своей гибели , цѣну малую за дѣло великое — за цѣлую душу , за нечестіе противъ Бога . Гибельная купля ! горькое возмездіе ! Цѣлое воинство продавалось однимъ злоухищреніемъ ; покорители вселенной падали отъ малаго огня , отъ куска золота , отъ небольшого куренія , и большая часть не чувствовали своего пораженія , что было всего горестнѣе . Каждый приступалъ съ надеждою приобрѣтенія , но приобрѣтая терялъ самого себя ; поклонялся десницѣ Царя , и не думалъ , что покланяется своему убійцѣ . И выразумѣвшимъ дѣло было не легче ; потому что , однажды увлекшись зломъ , первый неразумительный поступокъ почитали они для себя ненарушимымъ закономъ . Какія тысячи Персовъ , стрѣлковъ и пращниковъ , какіе закованные въ желѣзо и ни откуда не уязвляемые воины , какія стѣнобитныя орудія успѣли бы въ томъ , что совершено одною рукою , въ одно время , гнуснымъ умысломъ ?

Присовокуплю одно сказаніе , возбуждающее болѣе жалости , нежели доселѣ описанное . Говорятъ , что нѣкоторые изъ обманутыхъ по невѣдѣнію , когда , подвергшись обольщенію , возвратились домой раздѣлить съ товарищами трапезу , и когда пришло

время по обычаю прохладиться питіемъ, какъ будто
 съ ними не случилось ничего худаго, принявъ про-
 хладительную чашу, стали возводить очи горѣ и
 съ крестнымъ знаменіемъ призывать имя Христова;
 тогда одинъ изъ товарищей удивился и сказалъ:
 «Чтоже это? послѣ отреченія вы призываете Хри-
 ста!» Они полумертвые спрашивали: «Когда же мы
 отрекались? что это за новость?» Товарищъ объ-
 яснилъ: «вы возлагали еиміамъ на огонь, а это
 значить тоже, что отреченіе.» Немедленно оставивъ
 пиршество, какъ изступленные и помѣшавшіеся въ
 умъ, пылая ревностію и гнѣвомъ, бѣгутъ они по
 торжищу и кричатъ: «Мы Христіане, мы Христіане
 въ душѣ! Да слышитъ это всякій челоувѣкъ, а пре-
 же всѣхъ да вмешетъ Богъ, для Котораго мы жи-
 вемъ и готовы умереть. Мы не солгали Тебѣ, Спа-
 сителю Христе! не отрекались отъ блаженнаго
 исповѣданія. Если и погрѣшила въ чемъ рука; то
 сердце не участвовало. Мы обмануты Царемъ, но
 не узвлены золотомъ. Совекаяся нечестія, готовы
 омыться кровію». Потомъ прибѣгаютъ они къ Царю,
 повергаютъ предъ нимъ золото и со всѣмъ муже-
 ствомъ вопіютъ: «Не дары получили мы отъ тебя,
 Царь, но осуждены на смерть. Не для почестей
 были призваны, но приговорены къ безчестію. Ока-
 жи милость своимъ войнамъ; предай насъ на за-
 кланіе для Христа. Его одного признаемъ мы
 Царемъ. Воздай огнемъ за огонь, и за пелель насъ
 обрати въ пепель; отсѣки руки, которыя простира-
 ли мы на зло, ноги, которыми текли къ злу. Отдай
 золото другимъ, которые не будутъ раскаиваться
 въ томъ, что взяли: для насъ довольно одного Хри-

знаменіе

253.115.

127

ста; Онъ замѣняетъ намъ все». Такъ говорили они, и въ то же время увѣщавали другихъ познать обманъ, истрезвиться отъ упоенія, и оправдать себя предъ Христомъ кровію. Царь вознегодовалъ на нихъ, но удержался умертвить явно, чтобы не сдѣлать мучениками тѣхъ, которые были уже мучениками, сколько состояло то въ ихъ власти; Царь осудилъ ихъ на изгнаніе, и такимъ мщеніемъ оказалъ величайшее благодѣяніе; потому что удалилъ отъ своихъ сквернъ и козней.

Хотя таковы были его желанія, и во многихъ случаяхъ употреблялъ онъ коварство: однако же, поелику не имѣлъ въ сердцѣ твердости и слѣдовалъ болѣе внушенію злаго духа, нежели собственному разсудку, то не выдержалъ своего намѣренія до конца и не сохранилъ злобы въ тайнѣ. Сказываютъ объ огнѣ Этны, что, накопляясь внизу и удерживаемый силою, до времени кроется онъ на днѣ горы, и сперва издаетъ страшные звуки (вздохи ли то мучимаго исполина, или что другое), такъ же изъ вершины горы извергаетъ дымъ — предвѣстіе бѣдствія; но когда накопится и сдѣлается неудержимымъ, тогда выбрасываемый изъ нѣдръ горы несется вверхъ, лется черезъ края жерлъ, и страшнымъ до неимовѣрности потокомъ опустошаетъ ниже лежащую землю. То же видѣть можно и въ немъ. До времени владѣлъ онъ собою, держался своего злоухищреннаго правила, и вредилъ намъ обольщеніемъ; когда же неудержимый гнѣвъ переступилъ мѣру, тогда не въ состояніи онъ былъ скрывать своей злонамѣренности и всталъ открытымъ гоненіемъ на божественный и благочестивый нашъ сонмъ.

Умолчу объ указахъ его противъ святыхъ храмовъ, которые и всенародно были объявляемы и тайно исполняемы, о разграбленіи церковныхъ вкладовъ и денегъ, столько же по жадности къ корысти, сколько и по нечестію, о расхищеніи священныхъ сосудовъ и ихъ поруганіи скверными руками; о священноначальникахъ и ихъ подчиненныхъ, которые за нихъ были влачима и истязуемы, о покрытыхъ кровію столпахъ, которые обвивали и опоясывали они руками во время своего бичеванія; о стрѣлкахъ, которые, превосходя свирѣпостію и ревностію даваго имъ повелѣніе, бѣгали по селеніямъ и городамъ, чтобы покорить насъ, какъ будто Персовъ, Скивовъ и другихъ варваровъ. Не буду говорить обо всемъ этомъ: но кто не знаетъ о безчеловѣчїи Александрійцевъ? Они и прежде много издѣвались надъ нами, и теперь, безъ мѣры воспользовавшись временемъ, какъ народъ по природѣ мятежный и изступленный, къ нечестивымъ дѣламъ своимъ, какъ сказываютъ, присовокупили еще то, что святой храмъ нашъ наполнили сугубою кровію, кровію жертвенною и кровію человѣческою, и это сдѣлали подъ предводительствомъ одного изъ царскихъ философовъ (щ), который чрезъ сіе только составилъ себѣ имя. Кому неизвѣстно буйство жителей Иліополя? и сумазбродство жителей Газы, которымъ онъ удивлялся и отдавалъ честь за то, что хорошо понимали, въ чемъ поставляетъ онъ свое величіе? и неистовство жителей Аревузы, ко-

(щ) Онъ назывался Пнеіодоромъ.

торые доселѣ были неизвѣстны, а съ сего времени стали очень извѣстными? Ибо людямъ доставляютъ громкое имя не одни благодѣтельныя, но и злыя дѣла, когда они не находятъ себѣ одобренія даже у порочныхъ.

О жителяхъ Газы (изъ многихъ ихъ злодѣяній должно рассказать хотя одно, которое бы могло привести въ ужасъ и безбожниковъ) говорятъ, что они непорочныхъ дѣвъ, проводившихъ премірную жизнь, и которыхъ едва-ли когда касался мужескій взоръ, изведя на среду и обнаживъ, чтобы прежде поругать ихъ такимъ позоромъ, потомъ разсѣкли и раздробили на части и (какъ мнѣ постигнуть долготерпѣніе Твое, Христе, въ то время!) одни злобно терзали собственными зубами, какъ достойные читатели бѣсовъ — пожирали сырыя печени, и послѣ такой снѣди принимались за общую и обыкновенную пищу; другіе, трепещущія еще внутренности дѣвъ, посыпавъ свиннымъ кормомъ и припустивъ самыхъ свирѣпыхъ свиней, какъ-бы для того открыли такое зрѣлище, чтобы видѣть, какъ будетъ пожираема и терзаема плоть съ ячменемъ — эта смѣшанная снѣдь, дотолѣ невиданная и неслыханная. И виновникъ сихъ дѣлъ стоялъ того, чтобы такую снѣдію кормить только своихъ демоновъ; какъ и хорошо напиталъ ихъ своею кровію изъ раны, полученной близъ сердца; хотя не понимаютъ этого люди жалкіе, по крайнему нечестію неспособные даже разсуждать.

Кто же такъ удаленъ отъ обитаемыхъ нами странъ, чтобы не зналъ и не предупредилъ рассказомъ воспоминающаго о чудномъ Маркѣ и жителяхъ

My witness of the evil being

142

Ареузы ? При славномъ Констанціѣ , по данной тогда Христіанамъ власти , онъ разрушилъ одно демонское жилище , и многихъ отъ язического заблужденія обратилъ на путь спасенія , не менѣе своею свѣтоносною жизнію , какъ и силою слова. За сіе жители Ареузы , особенно тѣ изъ нихъ , которые были привержены къ почитанію демоновъ , давно уже негодовали на него. А какъ скоро дѣла Христіанъ поколебались , язичество же начало воздыматься , Маркъ не избѣжалъ господствующей силы времени. Народъ хотя на время и удерживаетъ свое негодованіе , однакоже , какъ огонь , кроющійся въ горячемъ веществѣ , или какъ потокъ , удерживаемый силою , если только представится случай , обыкновенно воспламеняется и расторгаетъ преграды. Маркъ , видя противъ себя движеніе народа , который не знаетъ мѣры ни въ замыслахъ , ни въ угрозахъ , — сначала рѣшается бѣжать , не столько по малодушію , сколько послѣдуя заповѣди , которая повелѣваетъ бѣгать изъ города въ городъ (Мат. 10, 23.) и уклоняться отъ гонителей; потому что Христіане , при всемъ своемъ мужествѣ и готовности къ терпѣнію , должны не только имѣть въ виду свою пользу , но и щадить гонителей , дабы , сколько возможно , не увеличить чѣмъ либо опасности , въ какой находятся враги ихъ. Когда же Маркъ узналъ , что многихъ за него влекутъ и гонятъ , а многіе по лютости гонителей подвергаются опасности жизни , не захотѣлъ для своей безопасности равнодушно смотрѣть на бѣдствія другихъ. Посему принимаетъ другое намѣреніе , самое лучшее и лубомудрое : возвращается изъ бѣгства , добровольно

выдаетъ себя народу — дѣлать съ нимъ что хотять, и съ твердостію выступаетъ противъ трудныхъ обстоятельствъ. Какихъ здѣсь не было ужасовъ? Какихъ не придумано жестокостей? Каждый прибавлялъ что-нибудь свое къ довершенію зла; не постыдились (не говоря о чемъ другомъ) любомудрія мужа; оно еще болѣе раздражало ихъ; потому что возвращеніе Марка почитали болѣе презрѣніемъ къ себѣ, нежели его мужествомъ въ перенесеніи опасностей. Ведень былъ посреди города старецъ — священникъ, произвольный страдалецъ, и по лѣтамъ, а еще болѣе по жизни, почтенный для всѣхъ, кромѣ гонителей и мучителей. Ведень былъ людьми всякаго возраста и состоянія; тутъ были всѣ безъ исключенія, мужи и жены, юноши и старцы, люди отправлявшіе градскія должности и украшенные почестями; всѣ усиливались превзойти другъ друга наглостію противъ старца; всѣ считали дѣломъ благочестія, нанести ему какъ можно болѣе зла и побѣдить престарѣлаго подвижника, боровшагося съ цѣлымъ городомъ. Влекли его по улицамъ, сталкивали въ нечистыя ямы, владчили за власы; не осталось ни одной части тѣла, надъ которою бы не наругались, которой бы не терзали нечестивцы, достойно терпящіе терзанія въ таинствахъ Миеры (ъ);

(ъ) Миерь поклонялись Персы, Халден и въ послѣдствіи времени Греки и Римляне; при таинствахъ, совершавшихся въ пещеръ Миеры, поклонники его подвергались двенадцати жестокимъ испытаніямъ: томилась голодомъ, терпѣли бичеванія, проходили черезъ огонь, и проч. Въ числѣ поклонниковъ Миеры былъ и Юліанъ.

дѣти поднимали въ верхъ тѣло доблестнаго страдальца, на желѣзныхъ остріяхъ, и передавали его одни другимъ, обращая въ забаву сіе плачевное зрѣлище; голени старца тискали сгнетами до костей, уши рѣзали тонкими и крѣпкими нитками, поднявъ самага на воздухъ въ коробѣ. Облитаго медомъ и отваромъ, среди дня жалили его осы и пчелы, между тѣмъ солнце жгучимъ зноемъ палило и пекло плоть его, готова изъ сего блаженнаго (не могу сказать, несчастнаго) тѣла для нихъ самую горячую снѣдь. При семъ, сказываютъ (и это стоитъ, чтобы записать), старецъ, юный для подвиговъ (такъ какъ и среди лютыхъ страданій не престаивалъ онъ являть свѣтлое лице, и услаждался самими муками), произнесъ достопамятное и достославное изреченіе: «это прекрасное предзнаменованіе, что я вижу себя на высотѣ, а ихъ внизу, на землѣ». Такъ онъ много возвышался духомъ надъ тѣми, которые его держали! Такъ далеко былъ отъ скорби, что какъ будто присутствовалъ при страданіяхъ другаго, и не бѣдствіемъ, а торжествомъ считалъ происходившее съ нимъ. И кто бы не тронулся всѣмъ симъ, имѣя хотя нѣсколько милосердія и челоуколюбія? Но сему препятствовали обстоятельства и неистовство Царя, который требовалъ безчеловѣчія и отъ черни, и отъ городовъ, и отъ начальниковъ, хотя для многихъ, не знавшихъ глубины его злобной хитрости, и представлялось сіе въ иномъ видѣ.— Вотъ какія мученія вытерпѣлъ мужественный старецъ! И за что? За то, что не хотѣлъ одной золотой монеты бросить истязателямъ, чѣмъ и доказалъ, что подвизался за благочестіе. Ибо, доколѣ Ареоу-

зійцы, положивъ за разрушенный имъ храмъ слишкомъ высокую цѣну, требовали, чтобы онъ или заплатилъ всѣ деньги сполна, или вновь выстроилъ храмъ, дотолѣ можно было еще думать, что онъ противится имъ болѣе по невозможности исполнить требуемое, чѣмъ по искреннему благочестію. Но когда мало по малу побѣждая ихъ своею твердостью, и каждый разъ убавляя что-нибудь изъ цѣны, наконецъ довелъ онъ ихъ до того, что просили съ него самое малое количество, которое весьма легко было уплатить, и послѣ сего, съ равною неуступчивостію, одни домогались взять хоть что нибудь и тѣмъ доказать свою побѣду, а другой не хотѣлъ ничего дать, чтобы только не остаться побѣжденнымъ, хотя многіе, не только по побужденію благочестія, но и по уваженію къ непобѣдимой твердости старца, усердно вызывались заплатить болѣе, чѣмъ требовалось: тогда уже ясно можно было видѣть, что онъ не денегъ жалѣетъ, а подвизается за благочестіе. Что означали такіе поступки съ Маркомъ, снисходительность ли и кротость, или наглость и безчеловѣчіе, пусть скажутъ намъ удивляющіеся Царю — философу; я думаю, что никто не затруднится дать на сіе справедливый и истинный отвѣтъ. Надобно еще прибавить, что Маркъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые тайно увели и тѣмъ спасли сего нечестивца, тогда какъ весь родъ его подвергался опасности погибнуть: можетъ быть потерпѣлъ онъ достойно всѣ сіи муки, да еще и большихъ страданій былъ достоинъ за то одно, что, самъ того не зная, сохранилъ такое зло для всей

вселенной. Говорятъ, что бывшій тогда Ипархъ (м) (по религіи язычникъ, а по нравамъ возвышавшійся надъ язычниками и уподоблявшійся лучшимъ мужамъ, славнымъ въ древности и нынѣ), не могли равнодушно смотрѣть на различныя муки и терпѣніе сего мужа, смѣло сказалъ Царю: не стыдно ли намъ, Царь, что всѣ Христіане побѣждаютъ насъ, такъ что и одного старика, претерпѣвшаго всѣ мученія, мы не могли одолѣть? И одолѣть его — дѣло не великое, но быть отъ него побѣжденнымъ — не крайнее ли бѣдствіе? — Такъ, чего низшіе начальники, по долгу, стыдились, тѣмъ гордился Царь! Можетъ ли быть что-нибудь бѣдственнѣе сего, не столько для страдавшихъ, сколько для дѣйствовавшихъ? Таковы дѣла Ареузійцевъ! Безчеловѣчіе Эхета и Фаларида (ь) маловажно въ сравненіи съ ихъ жестокостію, или лучше съ жестокостію того, по чьему побужденію и распоряженію это дѣлалось; такъ какъ отъ сѣмени происходятъ отпрыски и отъ вѣтра кораблекрушеніе.

Каковы же и какъ нестерпимы и другія дѣла его? Кто мнѣ дастъ досужливость и языкъ Геродота и Фукидида, чтобы я могъ передать будущимъ временамаъ изображеніе всей злости сего человѣка, и какъ-бы на столпѣ начертать для потомства исторію сего времени? Я умолчу объ Оронтѣ и о мёртвецахъ, которыхъ въ ночное время, скрывая зло-

(м) Намѣстникъ Претора. Созоменъ называетъ его Саллюстіемъ.

(ь) Имена двухъ мучителей, изъ коихъ одинъ былъ въ Египтѣ, другой въ Агригентѣ.

дѣйства Царя, рѣка сія, спертая трупами, тайно губила. Это слова поэта (ѳ), которыя приличнѣе можно отнести къ Оронту. Не буду говорить и о тѣхъ тайныхъ отдаленныхъ частяхъ дворца его, и о тѣхъ прудахъ, колодцахъ и рвахъ, которые наполнены были недобрыми сокровищами, то есть, не только трупами отроковъ и дѣвъ, разсѣченными при таинствахъ для вызыванія душъ, для гаданій и беззаконныхъ жертвоприношеній, но и тѣлами пострадавшихъ за благочестіе. Не станемъ, если угодно, обвинять его въ этомъ, такъ какъ и самъ онъ стыдился сего и тѣмъ показывалъ хотя нѣкоторую умѣренность. Это видно изъ того, что онъ старался скрыть сія беззаконія, какъ мерзость, которой не должно обнаруживать. А что нашихъ Кесарійцевъ, сихъ великодушныхъ и пламенныхъ ревнителей благочестія, онъ такъ гналъ и позорилъ, за это можетъ быть нѣтъ нужды и порицать его: ибо онъ доведенъ былъ до сего мщенія справедливымъ, какъ ему казалось, негодованіемъ на нихъ за храмъ богини счастья, потерпѣвшей несчастіе, во время счастливого (э). Надобно же сколько-нибудь уступить и неправдѣ, когда она уже взяла надъ нимъ такую

(ѳ) Св. Григорій приводитъ здѣсь слова Гомера о Симаандрѣ, стѣсненномъ трупами убитыхъ Ахилломъ. Иліад. XXI. ст. 220. Юліанъ въ Антиохіи, тайно, по ночамъ умерщвлялъ многихъ Христіанъ, и водны Оронта скрывали свидѣтелей истины и обличителей нечестія.

(э) Въ царствованіе Юліана кто-то изъ Христіанъ, жившихъ въ Кесаріи, сжегъ храмъ, посвященный Фортунѣ: за что Царь многихъ жителей Кесаріи сослалъ въ заточеніе.

силу! Но кто не знает слѣдующаго событія? Когда въ одной области чернь неистовствовала противъ Христіанъ, и, умертвивши многихъ изъ нихъ, грозила сдѣлать еще болѣе; областной начальникъ, желая держаться средины между требованіями законовъ и духомъ времени (такъ какъ и духу времени служить считалъ себя обязаннымъ, и имѣлъ нѣкоторое уваженіе къ законамъ), многихъ изъ Христіанъ сослалъ въ ссылку, и вмѣстѣ немногихъ изъ язычниковъ подвергнулъ наказанію. Чтѣ-жъ вышло? На него донесли; вдругъ, съ великимъ безчестіемъ, схватили его и представили Царю, и онъ преданъ былъ суду за то, что наказалъ язычниковъ, хотя ссылался на законы, по коимъ судить было ему поручено, едва не приговоренъ былъ къ смерти; наконецъ Царь явилъ ему свое человеколюбіе, то есть, осудилъ его на изгнаніе. И при этомъ какое услышали удивительное и человеколюбивое изреченіе! «Что за важное дѣло», сказалъ правосудный, не преслѣдующій Христіанъ судія (ю), «если одна рука языческая умертвила десять Галилеянъ?» Не явная ли это жестокость? Не указъ ли это о гоненіи, болѣе ясный и ужасный, чѣмъ тѣ, которые изданы всенародно? Въ самомъ дѣлѣ, какое различіе въ томъ: объявить ли указомъ гоненіе Христіанамъ, или изъяслять свое удовольствіе гонителямъ ихъ, и нѣкоторую справедливость относительно Христіанъ вмѣнять въ тяжкое преступленіе. Воля царя есть неписанный законъ, огражденный силою власти и

(ю) Юліанъ.

болѣ сильный, чѣмъ писанные указы, не подкрѣпленные властію.

Нѣтъ, говорятъ почитатели дѣла его, вымышляющіе намъ новаго бога, кроткаго и человѣколюбиваго, онъ не предписывалъ всенародно указами гнать Христіанъ, и заставляетъ ихъ терпѣть все, что гонителямъ будетъ угодно, и тѣмъ думаютъ доказать, что онъ не былъ гонителемъ. Но никто еще не называлъ гидры кроткою за то, что она вмѣсто одной головы, если вѣрить баснѣ, имѣетъ девять, или Патарской химеры — за то, что у ней три головы, не похожія одна на другую, отъ чего она кажется еще страшнѣе; или адскаго цербера — кроткимъ за то, что у него три же головы, похожія одна на другую; или морскаго чудовища Сциллы за то, что вокругъ нея, шесть отвратительныхъ головъ, и хотя, какъ говорятъ, верхняя половина ея показывала нѣчто благообразное, кроткое, и не непріятное для глазъ (ибо Сцилла была дѣвица, имѣвшая нѣчто сродное съ нами); но ниже были головы собачьи, звѣринныя, не имѣвшія ничего благовиднаго, губившія множество кораблей, и столько же опасныя, какъ и головы противулежащей Харибды. И ужели ты будешь винить стрѣлы стрѣлка и камни пращника, а не самаго стрѣлка и пращника, или винить собакъ охотничьихъ, яды составителей ядовъ, рога бодающихся быковъ, когти хищныхъ звѣрей, а дѣйствующихъ ими будешь оставлять въ сторонѣ и считать невинными въ томъ, на что они отваживаются? Подлинно это было бы крайнее безуміе, дѣло, достойное настоящаго софиста, защищающаго свои пороки, и силою слова закрывающаго истину. Впрочемъ

ему не скрыть себя, хотя бы вертѣлся онъ на всѣ стороны, хотя бы по своей хитрости принималъ всѣ возможные виды и надѣвъ, какъ говорятъ, шлемъ Аида (я), или владѣя перстнемъ Гигеса и оборачивая къ себѣ печать его, могъ дѣлаться невидимымъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе покушается онъ убѣжать и скрыться, тѣмъ болѣе уловляется предъ судомъ истины и предъ свѣдущими судіями таковыхъ дѣлъ, какъ виновный въ такихъ поступкахъ и предпріятіяхъ, которыхъ и самъ не захочетъ защищать и называть справедливыми. Такъ легко уловляется лукавство! Такъ оно само себя поражаетъ со всѣхъ сторонъ!

Но не подумайте, чтобы только уже сдѣланное имъ было столько низко и несообразно съ благородствомъ и достоинствомъ царскимъ, а что замышлялъ сдѣлать, то было болѣе человѣколюбиво, болѣе достойно царя. Нѣтъ! Хорошо бы еще было, если бы преднамѣреваемыя имъ дѣла не были гораздо безчеловѣчнѣе тѣхъ, о которыхъ сказано. Какъ при движеніи дракона, одни сгибы чешуи его уже поднялись, другіе поднимаются, иные готовы къ тому же, а нѣкоторые, хотя до времени еще покойны, но не могутъ не придти въ движеніе; или, если угодно другое сравненіе, какъ при ударѣ молніи однѣ части уже горятъ, а другія напередъ чер-

(я) Покрытый шлемомъ Аида (или Плутона), какъ говоритъ Гомеръ (Иліад. V, 845.), былъ невидимъ другими, находясь предъ глазами ихъ. Другіе (именно Платонъ во II-й книгѣ Республики) тоже рассказываютъ о перстнѣ Гигеса, царя Лидійскаго.

нѣютъ, пока огонь усилившись и ихъ не охватитъ: такъ и у него однѣ злодѣяства уже совершались, а другія были предназначиваемы въ его надеждахъ и въ угрозахъ противъ насъ, и сіи предназначенія были такъ нелѣпы и необыкновенны, что только ему могло придти на умъ — составить такіа намѣренія и захотѣть привести ихъ въ дѣйствіе, хотя и прежде его много было гонителей и враговъ Христіанъ. Ибо о чемъ не помышляли ни Діоклитіанъ, первый изъ лютейшихъ гонителей Христіанства, ни преемникъ его Максиміанъ, превзошедшій его въ жестокости, ни послѣдовавшій за ними и злѣйшій ихъ гонитель Максиминъ, потерпѣвшій за сіе ужасную казнь, гнусную язву тѣлесную (е), которой знаки изображены, какъ на позорныхъ столбахъ, на его статуяхъ, стоящихъ и донинѣ въ публичныхъ мѣстахъ; то замышлялъ онъ, какъ пересказываютъ сообщники и свидѣтели тайныхъ его дѣлъ; но удержанъ былъ Божиимъ челоувѣколюбіемъ и слезами Христіанъ, которыя обильно были проливаемы многими какъ единственное врачевство противъ гонителя. Замыслы же его состояли въ томъ, чтобы лишить Христіанъ всѣхъ правъ, и запереть для нихъ всѣ собранія, всѣ площади, всѣ общественныя празднества и даже самыя судилища: ибо, по его мнѣнію, не должно пользоваться всѣмъ симъ тому, кто не захочетъ возжигать еиміама на стоящихъ тамъ жертвенникахъ и не заплатитъ такъ дорого

Ф
Максиминъ
судилища

(е) Максиминъ умеръ отъ зловонныхъ ранъ, копни поражена была нижняя часть чрева его.

за права столь общія. О законы, законодатели и цари! Какъ Творецъ, съ одинаковымъ челоѡколюбіемъ, для всѣхъ общимъ и неоскуднымъ, даетъ всѣмъ наслаждаться и красотой неба, и свѣтомъ солнечнымъ, и разліяніемъ воздуха: такъ и вы всѣмъ свободнымъ людямъ одинаковое и равное предоставляете право пользоваться покровительствомъ законовъ. А онъ замышлялъ отнять у Христіанъ сіе право, такъ чтобы они, претерпѣвая и насильственные притѣсненія и отнятіе имущества, и всякую другую, важную или неважную, обиду, возбраненную законами, не могли получать законнаго удовлетворенія въ судѣ. Пусть гонять ихъ съ отечественной земли, пусть умерщвляютъ, пусть, если возможно, не дають имъ и свободнодохнуть! Страдавшихъ все сіе конечно утверждало болѣе въ ревности и дерзновеніи предъ Богомъ, а дѣйствовавшихъ еще болѣе приводило къ беззаконіямъ и безчестію. И какое же, по видимому, премудрое основаніе для сего приводилъ этотъ убійца и отступникъ, нарушитель законовъ и законодатель, или, скажу точнѣе — словами нашихъ книгъ Священныхъ, сей врагъ и местникъ (Псал 8, 3.)? — То, что въ нашемъ законѣ предписано: не мститъ, не судиться (Римл. 12, 19. 1 Кор. 6, 1.), не имѣть вовсе стяжаній, не считатьъ ничего собственностію (Мате 10, 9. Дѣян. 4, 32.), но жить въ другомъ мірѣ и настоящеѣ презирать, какъ ничтожное (Фидип. 3, 20. 2 Кор. 4, 18.), не воздавать зломъ за зло (Римл. 12, 17.), когда кто ударитъ насъ въ ланиту, не жалѣть ея, а подставить ударившему и другую, отдавать съ себя не только верхнюю одежду,

но и рубашку. Можетъ быть къ сему присоединить онъ и то , что намъ предписано молиться за обижających и желать всякаго блага гонящимъ насъ (Матѣ. 5, 39. 40. 44.). Какъ не знать сего въ точности тому, кто нѣкогда былъ чтецомъ слова Божія, удостоенъ былъ чести служенія великому олтарю, и начиналъ строить храмы въ честь Мучениковъ?

Но вотъ чему во-первыхъ я удивляюсь въ немъ: какъ онъ столь тщательно занимался Св. Писаніемъ, а не прочелъ или намѣренно не замѣтилъ того изреченія, что злый злѣ погибнетъ (Матѣ. 21, 41.), злый, то есть всякій, кто отвергся Бога, и, что еще хуже , кто гонитъ твердо хранящихъ исповѣданіе вѣры и отягчаетъ ихъ такими бѣдствіями , какихъ самъ достоинъ. Если онъ можетъ доказать, что какъ намъ должно быть совершенными (что онъ предписываетъ закономъ), и неуклонно держаться данныхъ намъ правилъ , такъ ему назначено , или, по волѣ боговъ его, за лучшее — признаю быть самымъ злымъ человекомъ , и что изъ двухъ противоположныхъ навыковъ, кои суть добродѣтель и порокъ , намъ присуждена лучшая часть, а ему и подобнымъ ему брошенъ худшій жребій; то пусть онъ сознается въ этомъ , и тогда за нами останется побѣда , что засвидѣтельствуютъ и сами враги и гонители наши. Если же и они присвоятъ себѣ нѣсколько честности и кротости, по крайней мѣрѣ на словахъ, хотя не на дѣлѣ; если и они, при всемъ томъ, что слишкомъ худы и довольны злыми богами своими, не дошли еще до того безстыдства, чтобы признавать порокъ за жребій имъ собственно принадлежащій: то пусть скажутъ, какъ это можетъ быть справедливо и гдѣ

это предписано, чтобы намъ среди воѣхъ страданій только терпѣть, а имъ не щадить насъ, хотя мы и щадили ихъ? Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на прошедшее. Были времена и нашего могущества и вашего, и оно переходило попеременно то въ тѣ, то въ другія руки: какія же напасти терпѣли вы отъ Христіанъ, подобныя тѣмъ, кои такъ часто терпятъ отъ васъ Христіане? Лишали ли мы васъ какихъ-либо правъ? Возбуждали ли противъ кого неистовую чернь? Вооружали ли противъ кого начальниковъ, которые бы поступали строже, нежели какъ имъ предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести, принадлежащія мужамъ отличнѣмъ? Словомъ, нанесли ли кому такія обиды, на которыя вы такъ часто отваживались, или которыми угрожали намъ? Безъ сомнѣнія сами вы того не скажете, вы, которые ставите намъ въ вину нашу кротость и челоуѣколюбіе.

Сверхъ сего, ты, мудрѣйшій и разумнѣйшій изъ всѣхъ, ты, который принуждаешь Христіанъ держаться на самой высотѣ добродѣтели, какъ не рассудишь того, что въ нашемъ законѣ иное предписывается, какъ необходимое, такъ что не соблюдающіе того подвергаются опасности, другое же требуется не необходимо, а предоставлено свободному произволенію, такъ что соблюдающіе оное получаютъ честь и награду, а не соблюдающіе не навлекаютъ на себя никакой опасности? Конечно, если бы всѣ могли быть наилучшими людьми и достигнуть высочайшей степени добродѣтели, это было бы всего превосходнѣе и совершеннѣе. Но поелику Божест-

венное должно отличать отъ человѣческаго, и для одного нѣтъ добра, котораго бы оно не было причастно, а для другаго велико и то, если оно достигаетъ среднихъ степеней: то почему же ты хочешь предписывать закономъ то, что не всѣмъ свойственно, и считаешь достойными осужденія не соблюдающихъ сего? Какъ не всякой, не заслуживающей наказанія, достоинъ уже и похвалы; такъ не всякой, не достойной похвалы, посему уже заслуживаетъ и наказаніе. Надобно требовать должнаго совершенства, но не выступая изъ предѣловъ свойственнаго намъ любуудрія и силъ человѣческихъ.

Но я долженъ опять обратить мое слово къ словеснымъ наукамъ; я не могу не возвращаться часто къ нимъ; надобно постараться защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти; но ежели въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлять со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать. Ибо все прочее оставилъ я другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ—все, что кружится на землѣ, и улаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою, — искусство слова; и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы я и всякій мой другъ могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ я, и люблю послѣ первѣйшаго, то есть, Божественнаго и тѣхъ надеждъ, которыя

выше всего видимаго. Если же всякаго гнететь своя ноша, какъ сказалъ Пиндаръ, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливѣе, какъ словомъ воздать благодарность за искусство слова словеснымъ наукамъ. И такъ скажи, намъ легкомысленнѣйшій и ненасытнѣйшій изъ всѣхъ, откуда пришло тебѣ на мысль запретить Христианамъ учиться словесности? Это было не простая угроза, но уже законъ. Откуда же вышло сіе и по какой причинѣ? Какой краснорѣчивый Гермесъ (какъ ты могъ бы выразиться) вложилъ тебѣ сіе въ мысли? Какіе злохитрые Телхины (v) и завистливые демоны? Если угодно, скажемъ и этого причину; именно: послѣ столь многихъ противузаконныхъ и злыхъ дѣлъ, надлежало тебѣ наконецъ дойти и до сего, и тѣмъ явно напасть на самаго себя, такъ что, гдѣ ты особенно думалъ дѣйствовать умно, тамъ-то наипаче, самъ того не замѣчая, опозорилъ себя и доказалъ свое безуміе. Если же не такъ, то объясни, что значить это твое опредѣленіе, и какая причина побудила тебя ввести сіе новое постановленіе касательно словесныхъ наукъ? И ежели ты скажешь что нибудь справедливое, мы не будемъ обвинять тебя, а будемъ только жалѣть о себѣ. Ибо мы научились какъ побѣждать убѣжденіями разума, такъ и уступать надъ собою законную побѣду.

Словесныя науки и Греческая образованность (*το ἑλληνίζειν*), говоритъ онъ, наши, такъ какъ намъ же

(v) Телхины — древніе жрецы, чародѣи и ваятели кумировъ на островѣ Родосъ.

принадлежитъ и чествованіе боговъ; а вашъ удѣлъ — необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: *въруй*. Но и у васъ, я думаю, не посмѣются надъ этимъ Пифагорейскіе философы, для которыхъ : *самъ сказалъ*, есть первый и высшій догматъ, болѣе уважаемый, чѣмъ самыя золотыя, или вѣрнѣе, свинцовыя стихи (а). Ибо у послѣдователей Пифагора, послѣ первой, такъ много прославляемой посвященными въ таинства ученія его, философіи молчанія, направленной къ тому, чтобы ученики посредствомъ молчанія пріучились размѣрять всѣ слова свои, принято было за правило, о какихъ бы предметахъ ученія ни спрашивали, дать отвѣтъ, и потомъ, когда будутъ требовать доказательства, не отвѣчать ничего, кромѣ слѣдующаго: такъ думалъ Пифагоръ; и это слово: такъ полагалъ онъ, служило доказательствомъ, не подлежащимъ никакой повѣркѣ и изслѣдованію. Но это реченіе: *самъ сказалъ*, не тоже ли выражаетъ, хотя и въ другихъ буквахъ и словахъ, что и наше: *въруй*, надъ которымъ вы не перестаете издѣваться и ругаться? Ибо наше изреченіе означаетъ, что не позволительно не вѣрить словамъ мужей богоносныхъ, и то самое, что они достойны вѣроятія, служить такимъ доказательствомъ сказаннаго ими, которое крѣпче всякаго логическаго довода и опроверженія. Но допустимъ на время, что сей отвѣтъ не неопровержимъ. Какъ же ты докажешь, что словесныя науки тебѣ принадлежатъ? А если онѣ и

(а) Золотыми стихами называются правила жизни, приписываемыя Пифагору.

твом, то почему мы не можемъ въ нихъ участвовать, какъ того требуютъ твои законы и твое безсмысліе? Какая это Греческая образованность, къ которой относятся словесныя науки, и какъ можно употреблять и разумѣть сіе слово? Я готовъ вмѣстѣ съ тобою, любитель выражений обоюдныхъ, разобрать его силу и значенія, зная, что не рѣдко однимъ и тѣмъ же словомъ означаются разныя понятія, а иногда разными словами одно и то же, и наконецъ различными наименованіями различныя и предметы. Ты можешь сказать, что Греческая образованность относится или къ языческому вѣрованію, или къ народу и къ первымъ изобрѣтателямъ силы языка Греческаго. Если это относится къ языческому вѣрованію, то укажи, гдѣ и у какихъ жрецовъ предписана Греческая образованность, подобно какъ предписано, что и какимъ демонамъ приносить въ жертву? Ибо не всѣмъ вѣлно приносить одно и то же и не все одному, равно и не одинакимъ образомъ: какъ это угодно было опредѣлить вашимъ гіерофантамъ и учредителямъ жертвоприношеній. Вотъ напримѣръ у Линдіанъ благочестивымъ дѣломъ почитается проклинать Вуѣина (б) и злословя его, тѣмъ воздавать честь божеству; у жителей Тавриды — убивать чужестранцевъ, у Лакедемонянъ — бичеваться предъ жертвенникомъ: у Фригіянъ — оскотлять себя при усладительныхъ звукахъ свирѣлей и послѣ утомительной пляски; у иныхъ — мужеложство-

(б) Жреца, который собравшимся на праздникъ Церери предлагаетъ въ пишу воловье мясо. Другіе подъ именемъ Вуѣина разумѣютъ Геркулеса.

вать; у другихъ — блудодѣйствовать; и мало ли еще есть другихъ непотребствъ, совершаемыхъ при вашихъ тайнствахъ, о чемъ я не считаю нужнымъ говорить порознь! Но кому же изъ боговъ или демоновъ посвящена образованность Греческая? Да если бы это было и такъ: все однако невидно изъ сего, что она должна принадлежать только язычникамъ, или что общее достояніе есть исключительная собственность какого-нибудь изъ вашихъ боговъ или демоновъ; подобно какъ и другія многія вещи не перестаютъ быть общими отъ того, что у васъ установлено приносить ихъ въ жертву богамъ. Если же ты сего не скажешь, а назовешь вашею собственностію Греческій языкъ, и потому будешь насъ устранять отъ него, какъ отъ отеческаго наследства, нимало намъ не принадлежащаго; то во-первыхъ не вижу, какое можетъ быть тому основаніе, или какъ можешь ты связывать это съ почитаніемъ демоновъ. Ибо изъ того, что у однихъ и тѣхъ же людей и языкъ и вѣрованіе Греческіе, еще не слѣдуетъ, чтобы языкъ принадлежалъ къ вѣрованію, и чтобы по сему справедливо было лишать насъ употребленія сего языка. Такое умозаключеніе найдутъ неправильнымъ и ваши учителя Логикки. Ибо если два сказуемыхъ приличествуютъ одному и тому же подлежащему: то изъ сего еще не слѣдуетъ, что онѣ и сами одно и то же. Иначе, если предположимъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ и живописецъ, то надобно будетъ искусство живописи почести за одно съ искусствомъ золотаря, и на оборотъ искусство золотаря признать за одно съ искусствомъ живописца, что совер-

шенно нелѣпо. Потомъ я спрошу тебя, любитель Греческой образованности и словесности, вовсе ли запретишь ты намъ говорить по-гречески, даже обыкновенными, простонародными, общеупотребительными словами, или не дозволишь только употреблять слова отборныя и высокопарныя, которыя доступны для однихъ отлично образованныхъ? Если сїи послѣднія; то какой это странный раздѣлъ! Будто слова: *σμερδαλίον, κοναβίζειν, μῶν, δῆλυθεν, ἄττα, ἀμωσυέπως*, (в) принадлежать къ одному нарѣчію, а прочія надобно бросить въ киносаргъ, какъ прежде бросали туда незаконнорожденныхъ (г)? Если же и простыя, неизящныя выраженія равно принадлежать къ Греческому языку: почему не лишаете насъ и ихъ, и вообще всякаго Греческаго слова, каково бы оно ни было? Это было бы, какъ нельзя болѣе, человѣколюбиво и вполне достойно вашего невѣжества.

Но я хочу открыть тебѣ касательно сего предмета высшее и болѣе совершенное умозрѣніе. Не мое дѣло разсуждать, есть ли особенныя какія-то слова боговъ (не говорю о словахъ *μῶλυ, ξάνθον, χαλκίς* (д); надъ ними я смѣюсь), слова, которыя

(в) Слова сїи взяты изъ Гомера, и первое изъ нихъ значитъ: ужасно; второе, звенѣть, звучать; *μῶν*, ли, или; *δῆλυθεν*, и такъ, ἄττα, нѣкоторая, *ἀμωσυέπως*, отчасти, нѣсколько.

(г) Киносаргъ—капище въ Афинахъ, построенное на томъ мѣстѣ, куда прежде подкидывали незаконнорожденныхъ младенцевъ.

(д) Гомеръ говорилъ, что у боговъ есть свой языкъ, и что рѣка, извѣстная у людей подъ именемъ Скамандра, на языкѣ

превосходи́те и знаменательнѣе нашихъ, и однакожь образуются посредствомъ органовъ голоса, и черезъ воздухъ доходятъ до слуха, — между тѣмъ какъ богамъ сроднѣе было бы бесѣдовать между собою только посредствомъ мыслей и образовъ. А наше разсужденіе таково: и языкъ, и всякое искусство, или полезное учрежденіе, какое бы ты себѣ ни представилъ, принадлежать не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ, ими пользующимся; и какъ въ искусной музыкальной гармоніи одна струна издаетъ тотъ звукъ, другая другой, высокій или низкій, но все устроится однимъ искуснымъ начальникомъ хора и составляетъ одну прекрасную гармонію: такъ и здѣсь высочайшій Художникъ и Зиждитель — Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей различныхъ полезныхъ учреждений и искусствъ, но все предлѣжилъ всѣмъ, кто хочетъ, дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія и челоуѣколюбія и украсить жизнь нашу кротостію. Какъ же ты говоришь, что Греческая образованность — твоя? Не Финикіянамъ ли принадлежать письмена, или, какъ думаютъ другіе, не Египтянамъ ли, или еще не Евреямъ ли, которые и ихъ превосходятъ мудростію, и которые вѣрують, что самимъ Богомъ начертанъ законъ на богописанныхъ скрижаляхъ? Тебѣ ли принадлежитъ Аттическое краснорѣчіе? А игра въ шашки, наука числъ, искусство считать по паль-

боговъ называется *Ксанѳомъ*, птица *Киминда Халкидою*, целебное растеніе съ чернымъ корнемъ и бѣлыми цвѣтами *моли*. Илиад. п. XX, 74. п. XIV. 291. Одисс. XIV, 305.

цамъ, мѣры, вѣсы, искусство устроить полки и воевать — чье это? Не Евбеянь ли? Потому что въ Евбеѣ родился Паламидъ, который изобрѣлъ многое, и тѣмъ возбудивъ зависть, потерпѣлъ наказаніе за свою мудрость, то есть, приговоренъ былъ къ смерти воевавшими противъ Иліона. И такъ что же? Если Египтяне и Финикіяне, если Евреи, у которыхъ и мы заимствуемъ многое для своего наученія, если наконецъ жители острова Евбеи будутъ по твоему присвоивать себѣ все это, какъ собственность; что намъ тогда дѣлать? Чѣмъ будемъ защищаться противъ нихъ, бывъ уловлены собственными законами (е)? Не приведется ли намъ лишиться всего того, и, подобно галкѣ въ чужихъ перьяхъ, видѣть, что у насъ оборвутъ ихъ, и мы останемся голыми и безобразными? Или твоя собственность — стихи? Но что, если право на нихъ оспорить та старуха, которая, когда толкнулъ ее въ плечо скоро бѣжавшій на встрѣчу ей юноша, стала бранить его, и въ жару гнѣва, какъ рассказываютъ, выразила брань свою стихомъ, который очень понравился тому юношѣ и, бывъ приведенъ имъ въ правильную мѣру, послужилъ началомъ стихотворства, столько тобою уважаемаго? Что сказать о прочемъ? Если ты гордишься оружіемъ, то отъ кого, храбрѣйшій воинъ, у тебя оружіе? Не отъ Циклоповъ ли, отъ коихъ ведетъ свое начало искусство ковать? Если представляется тебѣ важною, и даже важнѣе всего, багряница, которая сдѣлала тебя и мудрецомъ и ус-

(е) Здѣсь разумѣется законъ Юліана, которымъ воспрещалось Христіанамъ учиться словеснымъ наукамъ.

тановителемъ такихъ законовъ; то не долженъ ли ты отдать ее Тирянамъ, у которыхъ пастушья собака, съѣвши улитку и вымаравши свои губы багрянымъ ея сокомъ, показала пастуху пурпуровую краску и передала вамъ царямъ черезъ Тирянь это пышное рубище, плачевное для злыхъ? Что еще сказать о земледѣліи и кораблестроеніи, которыхъ могутъ лишитъ насъ Аѳиняне, рассказывающіе о Димитрахъ (ж), Триптолемахъ, драконахъ, Келеяхъ и Икаріяхъ, и передающіе вамъ объ этомъ множество басенъ, на которыхъ основываются ваши срамныя таинства, по-истиннѣ достойныя ночной тьмы? Угодно ли тебѣ, чтобъ я, оставивъ прочее, обратился къ главному предмету твоего безумія, или лучше, злочестія? То самое, чтобъ посвящаться и посвящать въ таинства и служить богамъ, откуда перешло къ тебѣ? Не отъ Фракіянъ ли? Въ этомъ самое слово *θεραπεύω* (служить богамъ) можетъ тебя удостовѣрить. А жертвоприношенія — не отъ Халдеевъ ли, или отъ Кипрянъ? Астрономія не Вавилонянамъ ли принадлежитъ? Геометрія не Египтянамъ ли? Магія не Персамъ ли? Гаданіе по снамъ — отъ кого, какъ не отъ Телмисянъ (з)? Птицегаданіе — отъ кого, какъ не отъ Фригіянъ, которые прежде другихъ стали замѣчать полетъ и движенія птицъ? Но чтобъ не многословить, откуда у тебя всѣ частныя принадлежности богопочтенія? Не каждая ли отъ одного како-

(ж) По рассказамъ мифологін, Димитра (Церера) научила земледѣлію Триптолема и Келся, и подарила имъ колесницу, которую возили по полямъ крылатые драконы.

(з) Телмисъ — древній городъ въ Ликіи.

го-либо частнаго народа? А изъ соединенія всѣхъ ихъ вмѣстѣ составилось одно таинство суевѣрія! И такъ что же? Послѣ того, какъ все отойдетъ къ первымъ изобрѣтателямъ, не должно ли будетъ допустить, что у тебя не останется ничего своего, кромѣ злобы и твоего богоотступничества, по-истиннѣ новаго? Въ самомъ дѣлѣ, ты первый изъ Христіанъ вздумалъ востать противъ Господа, какъ нѣкогда у Скиѳовъ рабы противъ господъ. Правда, что для тебя было бы весьма важно, если бы, по твоимъ опредѣленіямъ и законамъ, разрушилось это злое скопище (и), чтобы можно было освободиться отъ безпокойствъ и опять увидѣть Римскую державу въ древнемъ благосостояніи, свободною отъ всякаго внутренняго междоусобія, которое гораздо нестерпимѣе и страшнѣе войны со внѣшними врагами, подобно какъ ужаснѣе терзать свою собственную плоть, нежели чужую.

Но ежели въ сихъ его дѣйствіяхъ вы видите хитрое злодѣйство, прикрытое личиною кротости, и нимало не сообразное съ величіемъ царскимъ: то вотъ я представлю вамъ опыты еще большаго коварства. Онъ видѣлъ, что наше ученіе величественно и по своимъ догматамъ, и по свидѣтельствамъ даннымъ свыше; что оно есть и древнее и новое,— древнее по прореченіямъ и по просвѣчивающимся въ немъ мыслямъ Божества, новое—по послѣднему Божоявленію и по чудесамъ, какія въ слѣдствіе его и при немъ были; видѣлъ, что сіе ученіе еще болѣе величественно и славно по преданнымъ и доселѣ

(и) Такъ Юліанъ выражался о Христіанахъ.

сохраняемымъ правиламъ церковнаго благоустройства. И такъ, чтобы и сіе не избѣгло его злоухищреній, что замышляетъ онъ, что дѣлаетъ? Подражаетъ Рапсаку Ассиріянину, военачальнику Ассирійскаго царя Сеннахирима. Рапсакъ, внесши войну въ предѣлы Іудеи, съ великою силою и многочисленнымъ войскомъ осадилъ Іерусалимъ, и близъ самаго города расположилъ свой станъ: но когда не могъ ни силою взять города, ни дожидаться переметчиковъ, которые бы сообщили ему что-нибудь о происшедшемъ въ городѣ, то вздумалъ преклонить жителей къ покорности кроткими убѣжденіями, предлагая оныя на ихъ языкѣ. Однако же осажденные, какъ это извѣстно изъ исторіи, замѣтивъ его умысль, и опасаясь, чтобы пріятностію рѣчей его не быть уловленными въ сѣти рабства, прежде всего потребовали, чтобы онъ говорилъ съ ними не по-Еврейски, а по-Сирски. Подобное замыслилъ и онъ. Ибо приготовлялся во всѣхъ городахъ завести училища, каѳедры, высшія и низшія мѣста для сидящихъ, чтенія и толкованія языческихъ ученій, относящихся и къ образованію нравовъ и къ тайнствамъ, такъ же образцы молитвъ, попеременно произносимыхъ то тѣми, то другими, епитиміи согрѣшающимъ, сообразныя преступленію, чинъ приготовленій къ посвященію и самаго посвященія, и словомъ, все, что очевидно принадлежитъ къ нашему благочинію; сверхъ сего думалъ устроить гостинницы и страннопріимныя дома, убѣжища для любителей цѣломудрія, для дѣвъ, и обители посвятившихъ себя размышленію; хотѣлъ подражать и нашему челоуѣколюбію къ нуждающимся, чтобы оказывать имъ всякое пособіе и

напутствовать ихъ одобрительными письмами, съ коими мы препровожаемъ бѣдныхъ отъ одного народа къ другому, чему онъ особенно удивлялся въ нашихъ установленіяхъ. Вотъ что замышлялъ сей новой догматовводитель и софистъ. А что предпріятіе его не совершилось и не приведено въ дѣйствіе, не знаю, считать ли это выгодною для насъ, которые скоро освободились отъ него и отъ его замысловъ, или болѣе выгодною для него самаго, потому что онъ долженъ былъ остановиться на однихъ сонныхъ мечтаніяхъ. Въ противномъ случаѣ открылось бы, какъ далеки отъ движеній человѣческихъ подражанія обезьянъ. Разсказываютъ, что и обезьяны подражаютъ такимъ движеніямъ, которыя предъ глазами ихъ дѣлаеть человѣкъ, чтобъ обмануть ихъ; но этимъ самымъ ихъ и ловятъ, такъ какъ подражаніе ихъ не можетъ дойти до нашей смысленности. По свидѣтельству оракула, конь Тессалійскій, жена Лакедемонская, и мужи, пьющіе воду Ареузы, то есть Сициліане, превосходнѣе всѣхъ однородныхъ съ ними: но гораздо справедливѣе сего то, что Христіанскіе обычаи и законы однимъ только Христіанамъ и свойственны, такъ что никому другому, кто только захотѣлъ бы подражать намъ, не возможно перенять ихъ, и это отъ того, что они утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Божіею и долговременнымъ постоянствомъ.

Темерь всего приличнѣе разсмотрѣть, какъ-бы на позорищѣ, это дивное, или лучше, нелѣпное построеніе, и узнать, какой бы могъ быть у нихъ образъ ученія и какая цѣль собраній, дабы, какъ говоритъ Платонъ о своемъ городѣ, строемомъ на словахъ,

увидѣть мысль ихъ въ движеніи. Все любомудріе раздѣляется на двѣ части — на умозрительную и дѣятельную, изъ коихъ первая выше, но труднѣе къ уразумѣнію, а другая ниже, но полезнѣе. У насъ обѣ онѣ одна другой способствуютъ. Умозрѣніе служитъ намъ сопутникомъ къ горнему, а дѣятельность — восхожденіемъ къ умозрѣнію: ибо не возможно достигнуть мудрости, не живя мудро. А у нихъ, которые не почерпаютъ въ Божественномъ вдохновеніи силы связующей, обѣ сіи части подобны корнямъ, не утвержденнымъ въ почвѣ и носящимся по водѣ; и я не знаю, которая изъ нихъ смѣшнѣе и слабѣе. Посмотримъ же на ихъ блаженство, и позволимъ себѣ, какъ это бываетъ во многихъ зрѣлищныхъ представленіяхъ, немного позабавиться съ забавляющимися расказами басней и къ сказанному: «радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими (Римл. 12, 15.)», присовокупить и сіе: «поговорить о пустомъ съ пустословами». При слезахъ бываетъ и смѣхъ, какъ это замѣтили стихотворцы (i). И такъ представимъ себѣ великолѣпное позорище, или не знаю, какъ иначе велятъ они назвать домъ свой. Пусть глашатаи сзываютъ слушателей, пусть сходится народъ, пусть первыя мѣста займутъ или тѣ, которые отличаются сѣдиною старости и отиѣннымъ образомъ жизни, или люди знаменитые по роду, по славѣ и по хитросплетенной мудрости земной, въ которой болѣе прелести, чѣмъ истиннаго благочестія. Мы отдадимъ имъ это

(i) Намѣкъ на Гомерово выраженіе объ Андромакѣ: *δακρύων γελῶσσι* (Илиад. VI, 484).

преимущество; что же будутъ они дѣлать послѣ сего? Пусть сами запишутъ своихъ предсѣдателей. Пусть украшаютъ ихъ пурпуровая одежда, ленты и разноцвѣтные, прекрасные вѣнки. Такъ какъ я часто замѣчалъ, что они заботливо пекутся о величавой наружности, о томъ, какъ-бы стать выше простолоудиновъ; какъ-будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрѣнія, а что показываетъ надменность и не можетъ принадлежать многимъ, то и должно внушать довѣріе. Или и въ этомъ низойдутъ они до насъ и будутъ, подобно намъ, думать, что приличнѣ имъ быть выше другихъ нравами, а не наружнымъ видомъ? Такъ какъ мы мало заботимся о видимости и о живописной наружности, а болѣе печемся о внутреннемъ чловѣкѣ и о томъ, чтобы обращать вниманіе зрителя на созерцаемое умомъ, чѣмъ и научаемъ больше народъ. И такъ пусть это будетъ, какъ сказано.

Что-жъ далѣе? Конечно ты представишь имъ толковниковъ провѣщаній, кои вы называете божественными, разгнешь книги богословскія и нравственныя. Какія же и чьи, скажи пожалуй! Хорошо имъ пропѣть Гезіодову ѳеогонію и разглагольствовать объ описанныхъ тамъ браняхъ и крамолахъ, о Титанахъ и Гигантахъ, столько страшныхъ по имени и по дѣламъ. Коттъ, Вріарей, Гигъ, Энкеладъ, представляемые у васъ съ драконовыми ногами; молніеносные боги, и наброшенные на Гигантовъ острова, стрѣлы и вмѣстѣ гробы мятежникамъ; отвратительныя исчадія и преждевременныя порожденія Гигантовъ, Гидры, Химеры, Церберы, Горго-

ны, словомъ, множество всякаго зла — вотъ красоты, которыя можно предложить слушателямъ изъ Гезіода! Теперь пусть предстанетъ съ своею цитрою и все увлекающею пѣснью Орфей; пусть прозвучитъ въ честь Зевеса тѣ великія и чудныя слова и мысли, въ коихъ выражается его богословіе.

«О Зевесъ, славнѣйшій, величайшій изъ боговъ, скрывающійся подъ пометомъ овецъ, коней и лошаковъ!»! Вѣрно хотѣлъ онъ симъ изобразить животворную и живоносную силу сего бога; и можно ли было иначе это выразить? Но онъ не скупъ и на другія столь же высокія рѣчи. Напримѣръ: «сказавши сіе, богиня *δοις ἀντιόρατο μινὲς*». дабы ввести своихъ любимцевъ въ непотребныя свои тайны: что еще и нынѣ изображается наружными тѣлодвиженіями. Пусть присоединятся ко всему этому еще Фанесъ, Ерикапей, и тотъ, который пожралъ всѣхъ прочихъ боговъ, а потомъ ихъ извергнулъ изъ себя, и такимъ образомъ сталъ отцемъ людей и боговъ. Пусть все это предложить чуднымъ слушателямъ богословія; потомъ пусть придумаютъ на это аллегоріи и чудовищныя толкованія, — и поученіе, удалясь отъ своего предмета, понесется въ пучины, или на стремнины умозрѣнія, не имѣющаго никакой опоры. Но гдѣ помѣстишь ты Гомера, этого великаго комико-трагическаго пѣвца боговъ? Въ удивительныхъ его поэмахъ найдешь и то и другое, то есть, и горе и смѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли безъ большой заботы смотрѣть и ожидать, помирится ли, при посредствѣ Геры, нарядившейся подобно блудницѣ, Океанъ съ Теѣисою? Иначе бѣда всей вселенной, если они еще нѣсколько времени

проведуть цѣломудренно! Не знаю, будешь ли ты объяснять сіе такъ, что сухость и влажность должны быть примирены, дабы избыткомъ которой нибудь изъ нихъ не приведено было все въ безпорядокъ; или придумаешь что-нибудь еще болѣе нелѣпое. Потомъ, какое чудное совокупленіе тучесобирателя и почтенной Геры, когда сія убѣждаетъ его безстыдствовать среди дня! А стихотворцы въ своихъ мѣрныхъ рѣчахъ льстятъ ему, подстилаютъ росистый и возвращая изъ земли шафранъ и гіацинтъ. Это на чемъ основано, и какъ можетъ быть объяснено? Какъ сообразить и то, что одна и таже ваша Гера, сестра и супруга великаго Зевеса, бѣлораменная и розоперстная, то представляется повѣшенной въ эфирѣ и въ облакахъ, съ желѣзными наковальнями, влекущими ее внизъ, и съ золотыми (конечно изъ уваженія къ ней) оковами на рукахъ, такъ что и для боговъ, хотѣвшихъ заступиться за нее, не безбѣдно было ихъ состраданіе; то надѣваетъ на себя поясъ любви, и, пышно нарядившись, такъ плѣняетъ Зевеса, что всѣ прежнія вождедѣнія его, какъ онъ самъ признается, были гораздо слабѣе любви, тогда въ немъ возбуждѣвшейся?—Или, какъ страшно, что за Лакедемонскую любовницу приходятъ въ движеніе боги, гремитъ небо, и отъ того расторгнутся основанія земли, сдвинется съ мѣста своего море, откроется царство ада и явится то, что такъ долго оставалось сокрытымъ? Или, какъ грозно это мановеніе черныхъ бровей и колебаніе бессмертныхъ власовъ, отъ котораго весь Олимпъ потрясся? Потомъ, не чудно ли видѣть, какъ раненъ Арей, или какъ этотъ урод-

ливый любовникъ золотой Афродиты, неосмотрительный прелюбодѣй, заключенъ въ мѣдную тюрьму, и связанный хромымъ на обѣ ноги Гефестомъ, собираетъ вокругъ себя на зрѣлище боговъ, смотрящихъ на его непотребство, а потомъ отпускается за небольшія деньги?

Всѣ сіи и многія другія басни, такъ умно и такъ разнообразно сложенныя и выходящія изъ всякаго порядка, можетъ ли кто нибудь, сколько бы онъ ни былъ у васъ возвышенъ и великъ, и даже равенъ самому Зевесу по мудрости, — ввести въ предѣлы благоприличія, какія бы ни придумывалъ онъ умозрѣнія, самыя заоблачныя и превышающія мѣру нашего разумѣнія? И если все сіе истинно, то пусть же не краснѣя смотрятъ на то, пусть величаются тѣмъ; или пусть докажутъ, что все это не постыдно. Для чего имъ прибѣгать къ баснямъ, къ этому прикровенію стыда? Басня—защита отступающихъ, а не тѣхъ, которые смѣло наступаютъ. Если же это ложь; то во-первыхъ пусть укажутъ не прикрывающихся богослововъ, и мы поговоримъ съ ними; потомъ пусть скажутъ, не глупо ли, какъ чѣмъ-то твердымъ, величаться тѣмъ, чего сами стыдятся, какъ баснословнаго? Не странно ли выставять на показъ всѣмъ въ изображеніяхъ и разныхъ видахъ то, что могло бы оставаться неизвѣстнымъ для народа (потому что не всѣ учатся); а что того хуже, выставять съ такою тратою денегъ, иждиваемыхъ на храмы, жертвенники, кумиры, приношенія, дорогія жертвы, и вмѣсто того, чтобы безъ всякой траты творить дѣла благочестія, съ такими убытка-

ми служить нечестію? А если скажутъ, что это пустые вымыслы поэтовъ, которые двумя этими способами, мѣрною рѣчью и баснями, хотѣли сдѣлать свои творенія приятными и услаждать тѣмъ слухъ, и что впрочемъ здѣсь есть сокровенный, глубокой смыслъ, постижимый только для немногихъ изъ мудрыхъ: то смотрите, какъ просто, и вмѣстѣ какъ справедливо я разсужу о семъ. Во-первыхъ, за что они хвалятъ сихъ оскорбителей ими чтимыхъ боговъ, и едва не удостоиваютъ божескихъ почестей? Для такихъ людей великимъ приобрѣтеніемъ было бы не потерпѣть наказанія за свое нечестіе. Ибо если законами опредѣлена смертная казнь и тѣмъ людямъ, которые даже не всенародно, даже не много похулили бы одного изъ ихъ боговъ: то какую казнь надлежало бы потерпѣть тѣмъ, которые опозорили въ своихъ стихотвореніяхъ всѣхъ боговъ, всенародно приписавъ имъ дѣла самыя срамныя, и на долгое время предали ихъ осмѣянію? Потомъ достойно разсмотрѣнія и слѣдующее: Есть и у насъ нѣкоторыя слова прикровенныя; отъ этого не откажусь я; но какова ихъ двузнаменательность, и какая сила? Въ нихъ и видимое не оскорбляетъ приличія, и сокровенное достойно удивленія и весьма ясно для вводимыхъ въ глубину, и, подобно прекрасному и неприкосновенному тѣлу, не худою облекается одеждою. И подлинно надобно, какъ мнѣ кажется, чтобы и внѣшніе знаки Божественнаго, и выраженія объ ономъ не были не приличны и недостойны означаемаго, и таковы, что и люди огорчились бы, слыша о себѣ что нибудь подобное; напротивъ они должны быть или въ высочайшей сте-

пени прекрасны, или по крайней мѣрѣ не гнусны, дабы могли и доставлять удовольствіе мудрымъ, и не причинить вреда народу. А у васъ и то, что нѣжно доразумѣвать умомъ, не вѣроятно, и то, что предлагается взорамъ, пагубно. Что это за благо-разуміе—вести по грязи въ городъ, или по скаламъ и подводнымъ камнямъ въ пристань? Что изъ того выдетъ? Какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и иносказаніями прикрывать свои бѣдствія, или другіе вымыслы: но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что видятъ. И такъ ты слушателю не принесешь пользы, а зрителя, останавливающагося на видимомъ, введешь въ погибель. Такова умозрительная часть ихъ любомудрія! Такъ далека она отъ предполагаемыхъ ими цѣлей, что скорѣе все прочее можно связать между собою, скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ сочетать и привести въ согласіе ихъ вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и того же учителя.

Что же сказать о нравственной части ихъ любомудрія? Откуда и съ чего начать имъ, и какія употребить побужденія, чтобы научить слушателей добродѣтели и посредствомъ своихъ увѣщаній сдѣлать ихъ лучшими? — Прекрасное дѣло единомысліе, чтобы и города, и народы, и семейства, и всѣ частные люди жили во взаимномъ согласіи, слѣдуя закону и порядку природы, которая все раздѣлила и совокупила, и сію совокупность разнообразныхъ вещей содѣлала единымъ міромъ. Но какими при-

мѣрами научать они единомыслію? Ужели тѣмъ, что стануть повѣствовать о браняхъ боговъ, объ ихъ междоусобіяхъ, мятежахъ и множествѣ бѣдъ, которыя они и сами терпятъ, и другъ другу причиняють, и каждый порознь, и всѣ вмѣстѣ, и которыми наполнена почти вся ихъ исторія и вся поэзія? Но указывая на такіе примѣры, скорѣе сдѣлаешь людей изъ мирныхъ браннолюбивыми, изъ мудрыхъ изступленными, чѣмъ изъ дерзкихъ и глупыхъ умѣренными и здравомыслящими. Ежели и тогда, какъ нѣтъ приманки къ злу, трудно бываетъ отвращать людей отъ порока, и изъ худаго состоянія переводить въ доброе: то кто убѣдитъ ихъ быть кроткими и воздержными, когда у нихъ боги путеводители и покровители страстей, и быть порочнымъ есть дѣло даже похвальное, награждаемое жертвенниками и жертвами и пользующееся законною свободою (такъ какъ всякій порокъ состоитъ подъ покровительствомъ какого-нибудь бога, которому онъ приписывается)? Подлинно это величайшая нелѣпость, когда то самое, за что въ законахъ положено наказаніе, люди чтятъ, какъ нѣчто божественное. Такое у васъ изобиліе неправды! — Во вторыхъ, пусть учителя язычниковъ предложатъ имъ благоговѣйно уважать родителей и чтить въ нихъ первую вину бытія своего послѣ Первоначальной Вины. Пусть приведутъ на сіе доказательства и представятъ убѣжденія изъ богословія. Какъ не убѣдитъ къ тому Кронъ, который исказилъ Урана, чтобы онъ не могъ раждать боговъ, и далъ бы волнамъ случай довершить рожденіе богини изъ пѣны? Какъ не убѣдитъ Зевесъ, —этотъ сладкій ка-

мень (κ) и горькій убійца тирана, который, подражая отцу своему Крону, всталъ противъ него? Не указываю на другія подобныя побужденія къ почитанію родителей, содержащіяся въ ихъ книгахъ. — Въ-третьихъ, пусть наставники язычниковъ попытаются научить ихъ презирать деньги, не стараться изъ всего извлекать прибыль, и не домогаться неправедныхъ стяжаній—сего залога бѣдствій. Но какъ же тогда выставятъ предъ ними Кердоа (λ)? Какъ показывать мѣшокъ его? Какъ чтить проворство сего бога въ воровствѣ? Куда годятся тогда и сіи изреченія: «Фебъ безъ мѣди не прорицаетъ» или: «ничего нѣтъ почтеннѣе овола»? А все это у нихъ въ великомъ уваженіи. Что еще? Не захотятъ ли они учить цѣломудрію, убѣждать къ воздержанію? Убѣдительные образцы не далеко:—вотъ самъ Зевесъ, принимавшій всѣ виды для обольщенія женщинъ, превращавшійся въ орла по неистовой любви къ Фригійскимъ отрокамъ, чтобы какъ можно веселѣе пировали боги, смотря, какъ подносятъ имъ вино безчестные любимцы Зевесовы; вотъ еще Тріесперъ Иракль, въ продолженіе одной ночи,

(κ) Насмѣшка надъ нечпнымъ вымысломъ миеологовъ, рассказывающихъ, что Сатурнъ хотѣлъ съѣсть Зевеса, но вмѣсто его проглотилъ камень.

(λ) Кердоомъ, т. е. умѣющимъ наживаться, язычники называли Меркурія. Чтобы означить его ловкость, они изображали его съ мѣшкомъ у пояса и называли Сакелліономъ—носящимъ мѣшокъ. Ему-же приписывали они искусство воровать. Изреченіе: Фебъ не прорицаетъ безъ мѣди (или безъ мѣдныхъ денегъ), принадлежитъ Дельфійскому оракулу.

въ домѣ Фестіа совершившій тринадцатый свой подвигъ, который, не знаю почему, не включенъ въ число прочихъ его подвиговъ. Нужны ли еще образцы обузданія страстей? Пусть гнѣвъ укрощаетъ Арей, пьянство Діонись, ненависть къ чужестранцамъ Артемида, страсть къ обманамъ лукавый ихъ прорицатель (м), не умѣренный смѣхъ—тотъ богъ прихрамывающій въ собраніи жалѣющихъ о немъ боговъ, который едва держится на тонкихъ голеньяхъ, обжорство—Зевесъ, бѣгущій съ прочими демонами на тучный пиръ къ непорочнымъ Еѳіоплянамъ, и еще Вуеинъ, такъ названный отъ того, что обидѣлъ земледѣльца и съѣлъ у него вола, влекущаго плугъ, такъ же какъ и прочіе боги, которые всѣ такъ спѣшно бѣгутъ на запахъ тука и возліаній!

Близко ли это къ нашему ученію, по которому каждый долженъ измѣрять любовь къ другимъ любовью къ себѣ и желать ближнимъ того же, чего самому себѣ; по которому поставляется въ вину не только дѣлать зло, но и замыслять, и наказывается пожеланіе, какъ и самое дѣло; по которому должно столько заботиться о цѣломудріи, чтобы воздерживать и око, и не только руки не допускать до убійства, но и самый гнѣвъ уцѣломудривать; по которому нарушить клятву, или ложно клясться такъ страшно и нестерпимо, что и самая клятва намъ однимъ воспрещена? А денегъ-то у многихъ изъ насъ вовсе и не было; а другіе хотя и имѣли ихъ много, но только для того, чтобы многое пре-

(м) Аполлонъ.

зрѣть, возлюбивъ нестяжательность всякаго богатства. Служить чреву—этому несносному и отвращенія достойному господину и источнику всѣхъ золъ, предоставляютъ у насъ черни; не много будетъ, если скажу, что подвижники Христіанскіе стараются быть какъ-бы безплотными, изнуряя смертное безсмертнымъ; для нихъ одинъ законъ добродѣтели—не быть побѣжденными даже и малымъ, даже тѣмъ, что всё оставляютъ безъ вниманія. Между тѣмъ, какъ другіе наказываютъ по законамъ своимъ за совершеніе дѣла, мы пресѣкаемъ самыя начала грѣха, заблаговременно останавливая его, какъ нѣкій злой и неудержимый потокъ. Что-жъ можетъ быть сего превосходнѣе? Или, скажи мнѣ, гдѣ и у какихъ людей найдешь ты, чтобы они, когда злословятъ ихъ, благословляли, когда хулятъ, утѣшались (ибо не обвиненіе причиняетъ вредъ, а истина), когда гонять, уступали (1 Кор. 4, 12. 13.), когда отнимаютъ у нихъ одну одежду, отдавали и другую, когда клянуть, молились за клянущихъ (Матѣ. 5, 40. 44.); однимъ словомъ, чтобы побѣждали благосердіемъ наглость и, терпѣливо перенося обиды, самихъ обижающихъ дѣлали лучшими? Пусть и они обуздываютъ пороки увѣщаніями, по наружности благовидными; уступимъ имъ это: но гдѣ же имъ достигнуть въ мѣру нашей добродѣтели и нашего ученія, когда у насъ и то считается уже зломъ, если не преуспѣваемъ въ добрѣ, не дѣлаемся безпрестанно изъ ветхихъ новыми, а остаемся въ одномъ положеніи, подобно кубарямъ, которые только кружатся, а не катятся впередъ, и хоть двигаются отъ ударовъ бича, но

всё на одномъ мѣстѣ? Намъ такъ много предле-
жить добрыхъ подвиговъ, что одинъ должны мы
довершать, къ другому приступать, третьяго пла-
менно желать, пока не достигнемъ конца и обожанія,
для котораго мы и получили бытіе, и къ которому
неудоснительно стремимся, если только восходимъ
умомъ горѣ и надѣмся благъ, достойныхъ вели-
чія Божія.

С Л О В О 3,

ВТОРОЕ ОВЛАЧИТЕЛЬНОЕ

НА ЦАРЯ ЮЛИАНА.

Итакъ словомъ моимъ совершенъ и оконченъ первый подвигъ. Ибо довольно показалъ я злонаравіе чловѣка (а), изобразивъ, что онъ намъ сдѣлалъ, и что могъ еще сдѣлать, непрестанно выдумывая что нибудь болѣе тягостное, нежели настоящее. Теперь предназначу уже другую цѣль слову, которую едва ли и предназначалъ кто себѣ, цѣль священнѣйшую предъ Богомъ, пріятнѣйшую для насъ, полезнѣйшую для потомковъ, — присовокупить къ сказанному и то, какъ правдивы вѣсы Божіи, и какія воздаянія находятъ для себя нечестіе, то немедленно, то въ скоромъ послѣдствіи времени, какъ это угодно бываетъ (полагаю я) Художнику — Слову и Распорядителю дѣлъ нашихъ, Который знаетъ, когда загладить бѣдствія милостію, а когда вразумить дерзость посрамленіемъ и казнями, употребивъ

(а) Юліана.

извѣстныя Ему мѣры исправленія. Но кто вполне изобразить болѣзни, по суду Божію постигающія нечестивыхъ, терзанія, не остающіяся втайнѣ, другія различныя пораженія и казни, соразмѣрныя преступленіямъ, необыкновенные случаи смерти, сознание вины среди самыхъ страданій, бесполезное раскаяніе, вразумленія въ сонныхъ мечтаніяхъ и свыше посылаемая видѣнія? Или тѣ ясныя и очевидныя доказательства гнѣва Божія, которыя видѣли на себѣ дерзновенные, осквернившіе Божіи храмы, или поругавшіеся надъ священными трапезами, или оказавшіе свое неистовство на таинственныхъ сосудахъ, ненаказанно пожиравшіе нашу плоть и отважившіеся на все прочее? Но я съ намѣреніемъ умолчу о семъ, не потому, чтобы не вѣрилъ видѣнному и рассказываемому, или приписывалъ событія одному стеченію обстоятельствъ или случаю, какъ представляютъ себѣ нѣкоторые безразсудно, но дабы не подумали, что останавливаюсь на маловажномъ, опустивъ болѣе важное и особенно замѣчательное. Начну же рѣчь съ извѣстнаго всѣмъ чуда, которому вѣрятъ самые безбожники.

Какъ волны воздвигая на волны, съ каждымъ днемъ больше неистовствовалъ противъ насъ вознеистовствовавшій сперва на самаго себя (б), поправшій святыню и *Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 29.), сей (приличнѣе сказать) Иеровамъ, или Ахаавъ Израильянинъ (беззаконнѣйшіе изъ людей), или Фараонъ Египтянинъ, или Наву-

(б) Разумѣется Юліанъ.

ходоносоръ Ассиріанинъ, или, всѣ сіи имена соединивъ вмѣстѣ, назовемъ его одного. Ибо кажется, что онъ совмѣстилъ въ себѣ пороки всѣхъ: отступничество Іеровамово, непотребное убійство Ахавово, ожесточеніе Фараоново, святотатство Навуходоносорова и нечестіе всѣхъ вообще. Испытавъ надъ нами все прочее и презрѣвъ другіе роды мучительства, какъ нѣчто малое и незначительное (ибо не было существа способнѣе его изобрѣтать и выдумывать зло), онъ наконецъ возбудилъ на насъ Іудейскій народъ, употребивъ въ орудіе своего коварства давнее легкомысліе его и, издавна въ немъ таящуюся, ненависть къ намъ. Скрывая свои замыслы подъ видомъ благоволенія къ Іудеямъ, онъ доказывалъ изъ ихъ книгъ и таинствъ, что теперь настало предопредѣленное время вступить имъ въ свою землю, возсоздать храмъ и возстановить силу отеческихъ обычаевъ. Когда же выдумалъ сіе, и ихъ убѣдилъ въ этомъ (ибо все пріятное легко увлекаетъ въ обманъ); Іудеи, какъ бы воспрянувъ, замыслили о храмѣ, дѣятельно и ревностно стали трудиться надъ дѣломъ. Нѣкоторые съ удивленіемъ рассказываютъ, что и жены ихъ не только, снявши съ себя всѣ украшения, охотно жертвовали ими въ пользу дѣла и трудящихся, но и сами на рукахъ своихъ носили землю, не щадя ни дорогой одежды, ни нѣжныхъ членовъ, признавали труды свои дѣломъ благочестія, а все прочее ставили ниже своего предпріятія. Когда же, устрешенные внезапно сильнымъ вихремъ и землетрясеніемъ, устремились къ одному изъ ближнихъ храмовъ, одни для молитвы, другіе, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ

случаяхъ , ища спасенія , гдѣ пришлось , иные же увлечены были общимъ смятеніемъ , вмѣшавшись въ толпу бѣгущихъ : тогда , по словамъ нѣкоторыхъ , храмъ ихъ не принялъ . Идя къ отвореннымъ вратамъ , нашли , что онѣ затворены какою-то невидимою силою , которая чудодѣйствуетъ подобнымъ образомъ , чтобы привести нечестивыхъ въ ужасъ , а благочестивыхъ въ безопасность . Но всѣ уже говорить и удостовѣрены , что когда усиливались войти , изъ храма вышелъ огонь , и однихъ пожегъ и потребилъ (такъ что съ ними случилось нѣчто подобное постигнутому Содомлянъ , или чуду , совершившемуся съ Надавомъ и Авудомъ , которые воскурили чуждый огонь , и погибли необычайно) , а другихъ , изувѣчивъ , оставилъ живымъ памятникомъ Божія гнѣва и мщенія на грѣшниковъ . Такъ сіе было , и всякій долженъ вѣрить сему , равно какъ и другимъ Божиимъ чудесамъ . Еще же удивительнѣе и очевиднѣе для всѣхъ былъ свѣтъ на небѣ , изображавшій Крестъ . Сіе начертаніе и имя , которое прежде презираемо было на землѣ безбожными , дѣлается нынѣ для всѣхъ равно видимымъ на небѣ , и служитъ знаменіемъ Божіей побѣды надъ нечестивыми , предпочтительно предъ всякимъ другимъ побѣднымъ знаменіемъ .

Что скажутъ на сіе мудрецы вѣка сего , которые у насъ хвалятъ свое , носятъ длинныя бороды и влачатъ по землѣ нарядныя плащи свои ? Рассказывай вмѣсто сего свое и ты , пишущій длинныя рѣчи , составляющій невѣроятныя исторіи , устремляющій взоръ къ горнему , перетолковывающій небесныя знаменія и по движенію звѣздъ заключающій о

183.
 Мѣсто въ Каренно
 Соединеніи и вѣра въ

рожденіяхъ и другихъ происшествіяхъ ! Говори мнѣ о своихъ звѣздахъ , о вѣнцѣ Ариадниномъ , о власахъ Вероникиныхъ , о похотливомъ лебедѣ , о нагломъ тельцѣ и , если хочешь , о твоємъ змиедержцѣ (в), о козерогѣ , о львѣ и о всѣхъ другихъ , которыхъ ты , зная по злодѣяніямъ , сдѣлалъ или богами , или звѣздами. Гдѣ найдешь такой кругъ въ своей математикѣ? Гдѣ найдешь звѣзду , которая бы шла впереди съ востока къ Виелему путеводительницею и покровительницею твоихъ волхвовъ? Я могу сказать нѣчто о небесныхъ знаменіяхъ: та звѣзда открыла пришествіе Христово , а сія (г) была вѣнцемъ Христовой побѣды.

182

Вотъ что скажу о небесномъ и горнемъ , которое , по великому согласію и сродству всего , участвуетъ въ нашихъ дѣлахъ; прочее же восполнить у меня Псаломъ: *и грады разрушилъ еси* (Псал. 9, 7.). Подобно онымъ древнимъ городамъ , разореннымъ за подобное нечестіе , они , въ самое время беззаконныхъ дѣйствій съ нами , или поглощены моремъ , или разрушены землетрясеніемъ; такъ что могу почти досказать и остальное: *погибе память ихъ съ шумомъ*, погибла громко. Таково было ихъ паденіе и разрушеніе , что много потребно времени на возстановленіе ихъ , если бы кто и отважился на сіе изъ сосѣдей , даже наиболѣе утѣшающихся благочестіемъ. Таковы были явленія на землѣ и на небѣ ! Но и въ самомъ воздухѣ не положено ли

(в) Созвездіе.

182. (г) То есть явившійся на небѣ свѣтъ , изображающій знаменіе Креста , о чемъ выше сказано.

было въ то время знаменій, и онъ не освятился ли тогда знаменіями страданія (Христова)? Зрители и таинники онаго чуда да покажутъ и нынѣ одежды, запечатлѣнныя тогда знаменіями Креста. Какъ скоро кто изъ нашихъ или изъ постороннихъ рассказывалъ о семъ, или слушалъ рассказывающихъ, тотчасъ видѣлъ чудо или на себѣ, или на ближнемъ: самъ былъ въ звѣздахъ, или видѣлъ звѣзды на одеждахъ другаго, испещренныхъ лучше всякой мастерской ткани, или искусной живописи. Чтó-жъ произошло изъ сего? Зрителей такъ это поразило, что всѣ почти, какъ бы по одному мановенію и въ одинъ голосъ, начали призывать Христіанскаго Бога и умилоствлять Его славословіями и молитвами. Многие, нимало не отлагая, въ тоже время, какъ случилось сіе, притекли къ нашимъ священникамъ, и по усиленной просьбѣ сдѣлались членами Церкви, наставлены въ таинствахъ Вѣры, очищены Божественнымъ Крещеніемъ, и такимъ образомъ чрезъ страхъ избавились отъ страха. Но о семъ довольно.

Юліанъ, болѣе и болѣе подстрекаемый и движимый бѣшенствомъ, наконецъ восходитъ на самый верхъ своихъ бѣдствій. Поелику онъ думалъ, что дѣла Христіанъ идутъ по его желанію; поелику сдѣланное имъ уже обнадеживало его, что все покорится ему, если онъ только захочетъ; ктому-же восхитилъ онъ побѣду надъ западными варварами: то и предпринимаетъ сіе единое намѣреніе, весьма благоразумное и человѣколюбивое. Взявъ отсюда два войска — и воиновъ, и демоновъ, имъ управлявшихъ (на которыхъ болѣе и надѣялся), выступаетъ онъ въ походъ противъ Персовъ, полагаясь болѣе на

свою безразсудную дерзость, нежели на крѣпость силъ. И сей мудрецъ не могъ понять и того, что смѣлость, (*θάρσος*) и дерзость (*θράσος*) хотя близки по имени, однако же всего болѣе различны между собою по дѣйствіямъ; я разумѣю мужество и трусость. Быть смѣлымъ въ дѣлахъ, требующихъ отважности, есть знакъ мужества; тогда какъ ослабѣвать есть знакъ боязливости. Но идти и бросаться туда, гдѣ больше опасности, а не удерживаться, есть знакъ дерзости; тогда какъ уклоняться есть знакъ осторожности. Не лзя полагать, чтобы одно и тоже значило сохранять, что имѣешь, и пріобрѣтать, чего не было. Первое особенно и преимущественно достойно уваженія людей благоразумныхъ; за послѣднее, если оно удобно, надобно приниматься, въ противномъ же случаѣ оно достойно презрѣнія. Кто въ надеждѣ пріобрѣсть что-нибудь подвергаетъ себя опасности лишиться всего, что имѣетъ, тотъ весьма неблагоразуменъ. Такой человѣкъ кажется мнѣ подобнымъ худому бойцу, который начинаетъ бороться прежде, нежели станеть въ твердое положеніе, или тому кормчему, который топитъ и старается потопить непріятельскій корабль, когда свой корабль разснащенъ и неспособенъ къ плаванію.

Юліанъ, кажется, не думалъ о семъ нимало; онъ безъ осмотрительности приступаетъ къ исполненію своего предпріятія; думаетъ о пріобрѣтеніи чужой области, когда дѣла Римлянъ были имъ разстроены, и находились въ худомъ положеніи, особенно въ слѣдствіе гошенія. Будучи Салмонеемъ, который производилъ громъ кожею, онъ простираля взоры

къ тѣмъ Траянамъ и Адрианамъ, въ которыхъ осторожность была удивительна не менѣ мужества, и не помыслилъ ни о Карѣ, ни о Валеріанѣ, которые за безразсудную стремительность (говорю не въ укоризну злой судьбѣ, какъ выражается (д) трагикъ) понесли наказаніе, въ предѣлахъ Персіи претерпѣвъ пораженіе, когда находились на вершинѣ счастья. Но онъ рѣшился на сіе и предался своей стремительности, собравъ во едино все, что выходило изъ мѣры въ прорицаніяхъ и волшебствахъ, слыханныхъ и неслыханныхъ жертвахъ, дабы все вдругъ рушилось. И какой великій, чрезвычайный обѣтъ изрекъ онъ, о Христе мой и Слове! И страданія Безстрастнаго, и тайнство цѣлаго міра, — весь родъ Христіанскій предать демонамъ, если успѣетъ въ предпріятомъ.

Начало же сего похода, столь отважнаго и выхваляемаго многими изъ его единомышленниковъ, было таково: Захвативъ и опустошивъ ту часть Ассиріи, которую разсѣкаетъ Евфратъ, и въ которой протекаетъ мимо Персіи до соединенія своего съ Тигромъ, Юліанъ разорилъ нѣкоторыя крѣпости, въ чемъ почти никто ему не препятствовалъ, потому ли что онъ обманулъ Персовъ быстротою нападенія, или потому что самъ былъ обманываемъ Персами и увлекаемъ по немногу впередъ (говорятъ то и другое). Такъ шелъ онъ далѣе, между тѣмъ какъ подвигалось войско, а рѣкою на корабляхъ везли хлѣбъ и снаряды; и въ скоромъ времени

(д) Еврипидъ.

останавливается станомъ у Ктезифона, приближеніе къ которому, по желанію овладѣть симъ городомъ, казалось уже ему частію побѣды. Съ сего времени дѣла его пошли назадъ, какъ будто песокъ подсыпали подъ ноги, или буря встрѣтила корабль. Ктезифонъ — твердая крѣпость, которую трудно взять; она ограждена кирпичною стѣною, глубокимъ ровомъ и болотистою рѣкою. Еще болѣе твердою дѣлаетъ ее другая крѣпость, называемая Кохе и огражденная природою и искусствомъ. Обѣ крѣпости такъ соединены, что представляются однимъ городомъ, и раздѣлены только рѣкою. Поелику не лзя было ни взять ихъ приступомъ, ни покорить осадю, ни пройти между ними, особенно на корабляхъ (была опасность, что сверху съ обѣихъ сторонъ забросаютъ стрѣлами и преграждать путь); то Юліанъ обходитъ крѣпости, и поступаетъ такимъ образомъ: Отведя немалую часть Евфрата, величайшей изъ рѣкъ, и въ одинъ ровъ, котораго древній слѣдъ, какъ говорятъ, былъ видѣнъ; пустивъ столько воды, сколько нужно было для плаванія кораблей, выше Ктезифона соединяетъ его съ Тигромъ; а чрезъ сіе спасаетъ корабли, безопасно переведенные изъ одной рѣки въ другую, и избѣгаетъ опасности, угрожавшей изъ крѣпости.

Между тѣмъ какъ Юліанъ идетъ впередъ, появляется Персидское войско и непрестанно возрастаетъ въ числѣ, но не считаетъ нужнымъ стать лицомъ къ лицу и подвергаться опасности безъ крайней необходимости, имѣя возможность одолѣть съ малымъ усиленіемъ: напротивъ того съ высокихъ мѣстъ и изъ тѣснинъ, гдѣ представится случай, по-

ражаетъ копьями и стрѣлами, занимаетъ напередъ удобные проходы, и тѣмъ преграждаетъ путь Юліану. Тогда приходитъ уже онъ въ большое затрудненіе, и не зная куда обратиться, находитъ худой конецъ своего замысла. Одинъ Персъ не низкаго происхожденія, подражая Зопиру, бывшему у Кира при осадѣ Вавилона, подъ видомъ, что важнымъ проступкомъ навлекъ на себя великій гнѣвъ Персидскаго Царя, и чрезъ сіе сдѣлался весьма нерасположеннымъ къ нему, питаетъ же расположеніе къ Римлянамъ, притворствомъ своимъ пріобрѣтаетъ довѣріе Юліана, и говоритъ ему: «Что это значитъ, государь? Почему такіа легкія мѣры въ такомъ дѣлѣ? Для чего у тебя этотъ хлѣбъ на корабляхъ,—это излишнее бремя, внушающее только малодушіе? Ничто такъ не побуждаетъ противиться начальству и упорствовать, какъ сытое чрево и мысль, что подъ руками спасеніе. Но ежели послушаешь меня; то бросишь сіи корабли, и тѣмъ освободишь отъ малодушія свое храброе войско. Самъ же ты другимъ удобнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ, по которому я твой проводникъ (и могу сказать, что едва-ли кто другой лучше меня знаетъ Персію), вторгнешься въ непріятельскую землю, и возвратишься съ желаемымъ успѣхомъ. Тогда окажешь благодареніе и мнѣ, когда извѣдаешь на дѣлѣ мое благорасположеніе и мой совѣтъ». Какъ скоро онъ сказалъ сіе, и Юліанъ повѣрилъ словамъ его (ибо легкомысліе легковѣрно, особенно при Божіемъ попущеніи); вдругъ настали всѣ бѣдствія. Корабли взялъ огонь; хлѣба не стало; послѣдовалъ смѣхъ; ибо это было почти вольное самоубійство;

всѣ надежды исчезли; путеводитель скрылся съ своими обѣщаніями. Кругомъ враги; война разгоралась; удобнаго прохода не было; пища добывалась съ трудомъ; войско пришло въ уныніе и не годовало на царя; нисколько не оставалось благой надежды. Одно представлялось средство къ спасенію въ настоящихъ обстоятельствахъ, — избавиться отъ худаго царствованія и военачальства.

Такъ все происходило доселѣ, а что послѣдовало за симъ, рассказываютъ неодинаково; бывшіе, равно какъ и не бывшіе на войнѣ, соглашаются, одинъ на то, другой на другое. Одни говорятъ, что Юліана застрѣлили Персы, когда онъ, въ одно изъ беспорядочныхъ нападений, внѣ себя бросался туда и сюда, и что съ нимъ случилось нѣчто подобное участи Кира, сына Парисатова, который съ десятью тысячами войска напалъ на брата своего Артарксеркса, и сражаясь отважно, утратилъ побѣду по своей запальчивости. Другіе рассказываютъ о немъ слѣдующее: Юліанъ взошелъ на одинъ высокій холмъ, чтобы съ него, какъ съ башни, обозрѣть все войско и узнать, сколько осталось въ сраженіи. Когда же войско, сверхъ чаянія, показалось ему весьма многочисленнымъ; какъ человекъ, завидующій спасенію своихъ воиновъ, сказалъ онъ: «какъ будетъ досадно, если всѣхъ ихъ поведемъ въ Римскую землю!» Одинъ изъ воиновъ, раздраженный такими словами, не удержалъ досады, и поразилъ его въ чрево, не заботясь о сохраненіи своей жизни. А нѣкоторые говорятъ, что на сіе отважился одинъ изъ тѣхъ иноземныхъ шутовъ, которые слѣдуютъ за войскомъ для разогнанія скуки и для

потѣхи на пирахъ. Иные же отдають сію честь од-
 ному Срацину. Какъ бы то ни было, Юліанъ по-
 лучаетъ дѣйствительно благовременный ударъ и
 спасительный для цѣлаго міра; однимъ сѣченіемъ
 меча наказывается онъ за сѣченіе многихъ утробъ,
 которымъ нечестиво вѣровалъ. И дивлюсь, какъ
 этотъ суетный человѣкъ, думавшій, что можетъ все
 знать посредствомъ разсѣкаемыхъ утробъ, не пред-
 узналъ сего одного, то есть, удара въ собственную
 свою утробу. Неприлично умалчивать и о семъ по-
 ступкѣ его, который, кромѣ многого другаго, не
 оспоримо доказываетъ его неистовство. Юліанъ ле-
 жалъ на берегу рѣки, и страдалъ отъ раны. Поели-
 ку же зналъ, что многіе изъ прославившихся пре-
 де него, чтобы почли ихъ чѣмъ-то выше человѣка,
 посредствомъ нѣкоторыхъ хитростей исчезали изъ
 среды людей, и за то признаны богами: то и онъ,
 плѣненный желаніемъ подобной славы, притомъ
 стыдясь самаго рода смерти, безславно постигаю-
 щей его за собственное безразсудство,—что замы-
 шляетъ? что дѣлаетъ?—Его нечестіе не прекращает-
 ся и съ жизнію! Онъ покушается броситься въ рѣ-
 ку, и для сего употребляетъ помощниками людей
 вѣрныхъ ему и участниковъ въ его тайнахъ. И
 если бы одинъ изъ царскихъ евнуховъ, догадав-
 шійся въ чемъ дѣло, и объяснившій другимъ, изъ
 отвращенія къ злодѣянію, не воспрепятствовалъ на-
 мѣренію; то, можетъ быть, изъ бѣдствующаго Юлі-
 ана явился бы еще новый богъ для людей неразум-
 ныхъ. Но онъ такъ царствовалъ, такъ предводилъ
 войскомъ, такъ оканчиваетъ и жизнь!

Вскорѣ послѣ него принявшій царскій санъ и

провозглашенный царемъ среди воинскаго стана, въ самомъ пылу опасностей, требовавшихъ предводителя, былъ мужъ знаменитый и по другимъ достоинствамъ, и по благочестію, и по наружности истинно достойной властителя. И хотя не имѣлъ онъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ ревности; однако же не могъ ни сразиться съ Персами, ни идти впередъ; потому что войско ослабѣло въ силахъ и надеждахъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ не царства, а пораженія, онъ заботится о возвращеніи въ отечество, и ищетъ средствъ, какъ совершить сіе безопасно. Если бы Персы, по своей умѣренности въ побѣдѣ (ибо у нихъ былъ законъ — въ счастіи соблюдать умѣренность), или по опасенію какихъ-либо слуховъ, не обратились къ мирнымъ предложеніямъ, сколько неожиданнымъ, столько же и человѣколюбивымъ; то не было бы средствъ, какъ говорятъ, и огненосцу остаться въ войскѣ (е). Такъ Римлянъ стѣснили Персы, сражавшіеся въ своей землѣ и воодушевленные предшествовавшими событіями; ибо довольно пріобрѣсть скольконибудь успѣха, чтобы имѣть надежду на будущее.

Но преемникъ Юліановъ, какъ сказалъ я, теперъ заботился объ одномъ, — спасти войско, сохранить силу Римлянъ. Ибо сіи воины дѣйствительно со-

(е) Огненосцемъ назывался носившій въ войскѣ языческомъ священный огонь для воскуренія жертвъ, и побѣдителя щадилъ жизнь его, чтобы тѣмъ не оскорбить боговъ. Но пораженіе Римскаго войска могло быть такъ велико, что не льзя было бы спастись и сему человѣку.

ставляя силу Римлянъ, и если дѣйствовали неудачно, то болѣе по безразсудству военачальника, нежели по недостатку собственнаго мужества. Съ Персами заключенъ былъ договоръ (скажу кратко) постыдный и недостойный воинства Римскаго. Но если бы кто, оставивъ въ сторонѣ Юліана, сталъ порицать за сіе преемника; то, по моему мнѣнію, онъ былъ бы худымъ судіею тогдашнихъ происшествій. Ибо колосъ принадлежитъ не жнецу, а сѣятелю; въ пожарѣ виновенъ не тотъ, кто не могъ погасить, но кто зажегъ. Здѣсь кстати привести сказанное Геродотомъ о Самосскихъ тираннахъ: эту обувь сшилъ Истіей, а носилъ Аристагоръ, продолжавшій начатое предшественникомъ.

Послѣ сего, что оставалось дѣлать, какъ не возвратить Римлянамъ тѣло нечестивца, хотя такъ онъ кончилъ жизнь? Но какъ и у насъ есть усопшій, прежде него оставшій жизнь (ж); то посмотримъ, какое и здѣсь различіе между сими обоими царями (если и сіе сколько нибудь служить къ счастью или злосчастью отшедшихъ). Одинъ сопровождается всенародными благословеніями, торжествами, шествіями и нашими священными обрядами, всеночными пѣснопѣніями, возженіемъ свѣтильниковъ, чѣмъ мы Христіане чтимъ благочестивое преставленіе; и выносъ тѣла его становится радостнымъ торжествомъ, растворяемымъ печалію. Если вѣрить молвѣ, которая достигла слуха многихъ; то, когда тѣло Констанція несли чрезъ Тавръ въ отечественный его городъ, ему соименный

(ж) Констанцій.

и знаменитый, на вершинѣ горъ нѣкоторыми слышанъ былъ голосъ какъ бы поющихъ и сопровождающихъ, и думаю, что это былъ голосъ Силь Ангельскихъ, — награда ему за благочестіе и надгробное воздаяніе. Если онъ, по видимому, и поколебаль правое ученіе; то въ семь виновны невѣжество и зловѣріе его вельможъ, которые, уловивъ душу простую, не утвердившюся въ благочестіи и не предвидѣвшюю бездны, влекли-ее, куда хотѣли и, подъ видомъ попечительности, возбуждали ревность къ злу. Но мы, помышляя о томъ, что болѣе касается всѣхъ, то есть, объ отцѣ его, который положилъ основаніе царской власти въ Христіанствѣ и Вѣры, и о наслѣдїи ученія, перешедшемъ отъ отца къ нему, почтили должнымъ образомъ земную храмину того, кто жилъ достойно царя, окончилъ жизнь смертію праведника и оставилъ намъ могущество. Нужно ли же говорить о сопровожденіи цѣлаго воинства, когда тѣло приблизилось къ великому царствующему граду, и о рядахъ вооруженнаго войска предстоявшихъ Царю, какъ живому? или о томъ, какъ весь городъ потекъ на встрѣчу, которая блистательнѣе всѣхъ, когда-либо бывшихъ и будущихъ? Да и сей дерзкій и отважный, облеченный въ новую порфиру, и потому, какъ вѣроятно, высоко о себѣ думающій, самъ составляетъ часть торжественнаго шествія, воздаетъ и пріемлетъ почестъ; — одно, какъ говорятъ, нѣсколько принужденно, другое охотно. Ибо все войско, хотя покорилось настоящей власти, однако оказывало болѣе уваженія умершему; и (какъ обыкновенно бываемъ благорасположеннѣе, когда потеря еще въ свѣжей

памяти) скорби и сожалѣя о любимомъ Царѣ, воины не потеряли, чтобы онъ былъ лишенъ царскихъ почестей, но убѣждаютъ и сего отступника принять въ нихъ участіе, даже принуждаютъ встрѣтить умершаго въ приличномъ видѣ, то есть, снявъ съ главы діадиму и воздавъ Царю должное поклоненіе, идти вмѣстѣ съ несущими въ гробницу — въ знаменитый храмъ Апостоловъ, которые приняли къ себѣ и сохраняютъ сей священный родъ, •удостоившійся почти равной чести. Такъ погребенъ нашъ Императоръ!

Напротивъ того, и походъ Юліановъ былъ безславенъ (народы и города его преслѣдовали кликами черни и шутовъ, о чемъ и нынѣ еще многіе помнятъ); а возвращеніе его было еще безславнѣе. Какое же это безславіе? — Его несли скоморохи, шествіе сопровождалось неприличными играми; пѣли, плясали, поносили его за отступничество, за поражение и смерть. И какого оскорбленія не понесъ онъ? Чего не выслушалъ отъ людей дерзкихъ, которые въ оскорбленіи другихъ ставятъ свое искусство? Наконецъ принимаетъ его городъ Тарсъ, не знаю, какъ и за что осужденный на такое посрамленіе. Здѣсь и мѣсто погребенія назначено ему безчестное, и гробъ нечистый, презрѣнный, отвратительный для благочестиваго взора.

Я описалъ только самыя главныя и важныя вины Юліана; но знаю и то, что двумъ или тремъ придворнымъ ласкателямъ, равнымъ ему въ нечестіи (о другихъ охотно умалчиваю), дана была за нечестіе такая награда, что они въ короткое время безпрепятственно опустошили бы всѣ владѣнія Рим-

лянтъ на сушѣ и на морѣ, если бы симъ дѣламъ вскорѣ не былъ положенъ благопріятный конецъ. Столько превосходили они грабительствомъ и жадностію древнихъ сторукихъ гигантовъ! Управление областями поручаемо было людямъ не самымъ правдивымъ, но самымъ безчеловѣчнымъ. Одно было право на получение начальства — отступничество; и тѣ только получали дары отъ Юліана, которые замыслили наибольшее зло противъ себя и другихъ. Что сказать о перемѣнахъ и переименованіяхъ въ судебныхъ опредѣленіяхъ, которыя въ одну ночь мѣнялись и вращались туда и сюда, подобно приливу и отливу въ морѣ? Ибо сей неутомимый мужъ хотѣлъ самъ производить судъ, все приевоая себѣ изъ честолюбія. Можетъ быть подумаютъ, что я слишкомъ виню за малыя преступленія, и малыми уменьшаю большія. Впрочемъ всякій согласится, что такіа дѣла не Елисейскихъ достойны полей и не славы, какую имѣетъ тамъ Радомантъ (з), и какой удостоиваютъ Юліана люди одного съ нимъ собратства и разряда. Одному удивляюсь въ Юліанѣ: Многихъ своихъ сверстниковъ и знакомыхъ, особенно по Азійскимъ училищамъ, настоятельно приглашалъ онъ къ себѣ, какъ бы намѣреваясь произвести дѣла дивныя, и окрылялъ надеждами, припоминая свои обѣщанія. Когда же они являлись, оказывалось, что это одна хитрая уловка и оболь-

(з) По языческому суевѣрію на поляхъ Елисейскихъ добродѣтельные получаютъ награды, которыя распределяетъ Радомантъ.

щеніе глазъ. Однихъ проводилъ онъ тѣмъ, другихъ иными. Нѣкоторыхъ дружески даже приглашалъ къ столу; вмѣсто всякой другой приманки, величалъ товарищами, подавалъ имъ чашу, шутилъ съ ними, но отпускалъ отъ себя ни съ чѣмъ; такъ что они не знали, кого болѣе винить, его ли въ обманѣ, или самихъ себя въ легковѣрїи. Не сочту нужнымъ упоминать о томъ, сколько недостойно похвалы въ правилахъ сего философа, что, имѣя предъ собою примѣры государей твердыхъ и непоколебимыхъ, которме, что бы ни случилось, не измѣнились въ лицѣ и не показывали въ себѣ никакихъ слѣдовъ смущенія, онъ столько былъ негнѣвливъ и умѣлъ владѣть страстями, что, производя судъ, шумомъ и криками наполнялъ весь дворецъ, какъ будто самъ терпѣлъ насиліе и ущербъ, а не другихъ защищалъ отъ сего. Но кому не извѣстно, что многихъ изъ поселянъ, всенародно приходившихъ къ нему за тѣмъ, о чемъ обыкновенно просятъ царей, онъ при всѣхъ бивалъ кулаками и топталъ ногами, и обходился такъ жестоко, что они радовались, если не подвергались чему-либо тягчайшему? Въ какой же части слова упомянуть о тѣхъ дуновеніяхъ и отдуваніяхъ, котормя сей дивный мужъ, въ осмѣяніе нашихъ обрядовъ (и), производилъ на показъ старухамъ, зажигаая огонь на жертвенникѣ? Какъ хорошо было видѣть Римскаго царя съ обезображенными щеками, возбуждающими большой

(и) Указаніе на обряды, совершаемые при таинствѣ Крещенія.

смѣхъ не только въ постороннихъ, но и въ тѣхъ, которымъ онъ думалъ доставить симъ удовольствіе! Вѣрно онъ не слыжалъ, что богиня его, Аейна, прокляла свирѣли, когда, посмотрѣвшись вмѣсто зеркала въ воду, увидѣла, что свирѣль обезобразила у ней лице. Ужели не заслуживаютъ удивленія тѣ круговыя чаши, которыя Юліанъ всенародно подавалъ непотребнымъ женщинамъ, и самъ отъ нихъ принималъ, прикрывая свое распутство видомъ тайнства? Другіе узнали сіе собственнымъ опытомъ, когда власть доставила Юліану полную свободу; но я нѣкоторымъ образомъ провидѣлъ сіе издавна, съ тѣхъ поръ, какъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Аейнахъ, куда онъ прибылъ вскорѣ по возвращеніи брата своего, испросивъ на то позволеніе у Императора. Двѣ были причины сего путешествія: одна благовиднѣйшая — обозрѣть Грецію и ея училища, другая отдаленнѣйшая и не многимъ извѣстная — посоветоваться съ тамошними жрецами; потому что нечестіе не имѣло еще явной дерзости. И тогда я нехудо разгадалъ сего человѣка; хотя и не принадлежу къ числу искусныхъ въ семъ дѣлѣ. Меня сдѣлали прорицателемъ непостоянство его нрава и неумѣренная восторженность; если только наилучшій прорицатель тотъ, кто умѣетъ хорошо угадать. По мнѣ не предвѣщали ничего добраго: шея нетвердая, плеча движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглыя, наглыя и свирѣпыя, ноги не стоящія твердо, но сгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываніе назадъ головы безъ всякой при-

чины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты ничѣмъ не лучшіе, смѣшиваемые одинъ съ другимъ, не твердые, не подчиненные правиламъ.

Но для чего описывать подробно? Такимъ же видѣлъ я его прежде дѣлъ, какимъ узналъ и по дѣламъ. Если бы здѣсь находились нѣкоторые изъ бывшихъ со мною тогда и слышавшихъ мои слова; они безъ труда засвидѣтельствовали бы сіе. Ибо тогда же, какъ увидѣлъ это, сказалъ я имъ: «какое зло воспитываетъ Римская Имперія!» и предрекли, желалъ быть ложнымъ прорицателемъ. Ибо лучше бы мнѣ быть лжепророкомъ, нежели испытать вселенной столько золъ, и явиться на свѣтъ такому чудовищу, какого не бывало прежде; хотя и повѣствуютъ о многихъ наводненіяхъ, о многихъ воспламененіяхъ, изверженіяхъ и провалахъ земли, о людяхъ безчеловѣчныхъ, о звѣряхъ чудовищныхъ и многосложныхъ, не въ обыкновенномъ порядкѣ производимыхъ природою. И потому имѣлъ онъ конецъ достойный своего безумія. Здѣсь только Богъ не явилъ Своего обычнаго долготерпѣнія; потому что Его челоуѣколюбіе было бы бѣдственно для многихъ. Въ людяхъ добродѣтельныхъ оно произвело бы уныніе, а въ грѣшныхъ презорство и мысль, что никто не назираетъ надъ нашими дѣлами, нѣтъ ни управленія, ни воздаянія, но все движется и управляется случайно, — мысль, показывающая лукавый умъ, весьма пагубно разсуждающій о самыхъ важныхъ предметахъ!

Вотъ что вѣщаемъ мы — Галилеяне, люди презрѣнные, поклоняющіеся Распятому, ученики рыбаей

и, какъ сами говорятъ, невѣждъ; мы, которые за-
сѣдаемъ и поемъ псалмы вмѣстѣ съ старухами; мы,
которые изнурены продолжительными постами и
полуертвые, напрасно бодрствуемъ и пустосло-
вимъ во время всенощныхъ бдѣній, и—однако же
низлагаемъ васъ! *Гдѣ суть книгоции? Гдѣ суть
совѣщающіи* (Исаи 33, 18.)? Я заимствую сію
побѣдную пѣснь у одного изъ нашихъ немудрыхъ,
какъ вамъ представляется. Гдѣ жертвы, обряды и
тайнства? Гдѣ закланія явныя и тайныя? Гдѣ искус-
ство гадать по разсѣченнымъ внутренностямъ? Гдѣ
чудеса предвѣднія и знаменія чревоѣщателей? Гдѣ
славный Вавилонъ, о которомъ столько было тол-
ковъ, и вся вселенная, которую мечталъ ты поко-
рять себѣ; проливъ немного нечистой крови? Гдѣ
Персы и Мидяне, которыхъ считалъ у себя въ ру-
кахъ? Гдѣ боги, тобою сопровождаемые, тебя руко-
водствующіе и сопровождающіе, твои защитники,
соратники? Гдѣ прорицанія и угрозы на Христи-
анъ, или совершенное истребленіе насъ и имени
нашего въ опредѣленный срокъ?—Все исчезло, об-
мануло, разсѣялось; всѣ велерѣчивыя похвалы нече-
стивыхъ оказались сонною мечтою.

Когда одинъ иноплеменный царь съ многочис-
леннымъ войскомъ напалъ на Езекию, Царя Іудей-
скаго, обложилъ Іерусалимъ и злобно изрыгалъ не-
честивыя и богохульныя слова на Царя и самаго
Бога, какъ будто уже не оставалось средствъ спа-
сти городъ отъ его владычества: тогда Езекиа при-
ходитъ въ храмъ, раздираетъ одежды, проливаетъ
потoki слезъ, воздѣвъ руки къ небу, призываетъ
Бога во свидѣтели богохульства Сennaхиримова, и

молить Его быть отмстителемъ за высокоумныя угрозы. «Видишь, Господи, — говоритъ онъ, — какъ сей иноплеменникъ поносить Тебя— Бога Израилева; *видѣлъ еси, Господи, да не премолчиши* (Пс. 34, 22.)». И молитва Царя не осталась тщетною: ибо возстающій противъ Бога позналъ самымъ дѣломъ свое безуміе, и ушелъ, не исполнивъ угрозъ своихъ: поражаемый вдругъ нѣкою невидимою силою, онъ потерялъ большую часть войска, и былъ прогнанъ неприятнымъ извѣстіемъ, сверхъ чаянія положившимъ конецъ осадѣ и его надеждамъ. Такъ поступилъ Езекія, окруженный многочисленнымъ войскомъ, Царь великаго Іерусалима, который, можетъ быть, и самъ собою отразилъ бы враждебныя полчища. А мы, для которыхъ оставалось одно оружіе, одна стѣна, одна защита — надежда на Бога (потому что совершенно лишены были отсюда всякой человѣческой помощи), мы отъ кого инаго могли ожидать, что услышитъ наши молитвы и отразитъ угрозы, какъ не отъ Бога, Который съ клятвою отвергъ высокоуміе Іаковлево (і)? О какія невѣроятныя повѣствованія! Какія дерзкія надежды! Мы демонамъ обѣщаны были въ жертву; мы — великое наслѣдіе Божіе, *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9.), предназначались въ награду за исполненіе одной надежды, за побѣду въ одной брани. Таковъ даръ отъ тебя Христіанамъ за то, что къ общему вреду спасейъ ими (к)! Такъ воз-

(і) То есть потомковъ Патріарха Іакова (Амос. 6, 8.).

(к) Во время возмущенія, бывшаго по смерти Константина

далъ ты Господу Богу своему! Доселъ Богъ удерживалъ еще и отлагалъ Свой гнѣвъ за насъ, не возжегъ еще всей Своей ревности, а только высоко занесъ десницу на нечестивыхъ, и хотя натянулъ и уготовалъ лукъ, однако же удерживалъ его силою, и ожидалъ, пока выйдетъ наружу вся злоба Юліанова, подобно какому нибудь злокачественному и гнойному вереду;—ибо таковъ законъ Божіа суда: или спасти покаяніемъ, или наказать по справедливости. И тогда, съ трудомъ перенося настоящее и сокрушаясь о будущемъ (потому что самая благость Божіа къ Своимъ, отъ насъ сокрываемая, была для насъ нестерпима), возносили мы гласъ свой къ Богу; то призывая Его, какъ Владыку, то умоляя, какъ благаго Отца, то какъ бы жалуясь и вступая съ Нимъ въ судъ, что свойственно людямъ сѣтующимъ, взывали: *Вскую, Боже, отринуть еси до конца, разгнѣвая ярость Твоя на овцы пажити Твоя? Помяни сонмъ Твой, егоже стяжалъ еси исперва (Пс. 73, 1. 2.), который приобрѣлъ Ты страданіями Единороднаго Слова Своего, удостоилъ великаго Твоего завѣта, привлекъ на небо новымъ таинствомъ и залогомъ Духа. Воздвигни руку Твою на гордыни ихъ въ конецъ! Ты терпѣлъ, елика лукавствовала враги на святыхъ Твоихъ, и восхвалишася на праздники Твои (Пс. 73, 3.). Мы призывали мечъ и Египетскія казни, просили Бога судити прю свою; умоляли возстать*

В., Констанцій спасъ Юліана и брата его Галла отъ смерти, скривъ ихъ во дворцѣ своемъ.

наконецъ на нечестивыхъ, говорили: *доколь грѣшницы, Господи, доколь грѣшницы восхвалятсѣ (Пс. 93, 31.)? доколь будутъ смирять люди Твоя и озлоблять достояніе Твое? доколь не перестанутъ и говорить и дѣлать беззаконіе? Мы повторяли сіи и подобныя симъ плачевныя слова: Положилъ еси насъ въ пререканіе и поношеніе соудомъ нашимъ, въ притчу во языцехъ, въ поруганіе всѣмъ челоѣкомъ (Пс. 79, 7. 43, 14. 15.). Мы воспоминали о виноградникѣ, который перенесенъ изъ Египта — изъ мрака безбожія, возросъ въ красоту и величіе Вѣры, а потомъ лишился своей ограды — смотрѣнія Божія стрегущаго насъ, сталъ открытъ для всѣхъ проходящихъ, для злыхъ властелиновъ, и опустошенъ дикимъ вепремъ симъ, лукавымъ челоѣкомъ, усвоившимъ себѣ зло, преисполненнымъ тиною зла.*

Такъ размышлялъ и взывалъ я прежде къ Богу. Чтѣ же теперь измѣняю въ звукахъ пѣсни? — Плакиваю уже погибель нечестивыхъ; дѣлаюсь челоѣколюбивъ къ ненавистникамъ, и говорю такъ: *Како быша въ запустѣніи, внезапно исчезоша, погибоша за беззаконіе свое (Пс. 72, 19.),* какъ прахъ возметаемый вихремъ, какъ пухъ, развѣиваемый вѣтромъ, какъ утренняя роса, какъ свистъ пущенной стрѣлы, какъ ударъ грома, какъ быстролетная молнія? Если бы они, хотя теперь, перемѣнились въ мысляхъ, перестали предаваться множеству заблужденій, и потекли во слѣдъ истины: то, можетъ быть, и самое паденіе обратилось бы имъ въ пользу. Ибо и наказаніе часто служитъ ко благу наказываемыхъ. Но что, если они останутся при томъ же

мнѣнцъ, еще будутъ держаться идоловъ и не уцѣло-мудрятся бѣдствіемъ, которое вразумляетъ и неразумныхъ? Іеремія такъ оплакиваетъ Іерусалимъ, что бездушныя вещи призываетъ къ плачу, и у стѣнъ требуетъ слезъ (Плач. Іер. 2, 18.); какой же найдется плачь, достойный сихъ столь упорныхъ людей? Кто оплачетъ одно настоящее, не проливая еще слезъ о будущемъ наказаніи за то, что они безумствовали, удалились отъ Бога, и *послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 25.), и не только послужили, но возстали на служителей Божіихъ, и вознесли на нихъ нечестивую руку, достойную такихъ золь? Но какъ Богу угодно, такъ и да будетъ! Кто знаетъ, что Богъ, Который *рѣшитъ окованныя* (Пс. 145, 8.), возводитъ отъ вратъ смерти обремененнаго и долу поверженнаго, не хочетъ смерти грѣшника, но ждетъ обращенія его, Который и насъ, сидѣвшихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, просвѣтилъ и умудрилъ, — сей Богъ и ихъ восприметъ нѣкогда, и, отложивъ тяжелый и желѣзный жезлъ, упасетъ ихъ жезломъ пастырскимъ?

Но слово мое опять возвращаю къ той же побѣднѣй пѣсни: *паде Вилъ, сокрушися Дагонъ* (Исаи 46, 1.), *блато бысть Саронъ, посрамленъ Ливанъ* (Исаи 33, 9.); теперь уже не скажутъ глупой, недвижимой и безчувственной толпѣ идоловъ: начальству! не станутъ искать мухи, бога Аккаронскаго, или чего либо еще болѣе смѣшнаго; не будутъ помышлять о рощахъ и высотахъ и о всякой лѣсистой и тѣнистой горѣ, не *пожрутъ сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Пс. 105, 37.), за что древле Израиль укоряемъ былъ Пророками. Но что

миѣ до сего? Обращусь къ настоящему, — къ тому, что насъ собственно касается. Не будутъ уже лукаво смотрѣть на священныя наши храмы, нечистою кровію осквернять жертвенники, получившіе ими отъ пречистой и безкровной Жертвы; не будутъ безбожными алтарями безчестить священныя мѣста, расхищать и осквернять приношеній, къ нечестію присоединяя корыстолюбіе; не будутъ оскорблять сѣдину іереевъ, честность діаконѣвъ, цѣломудріе дѣвъ; не будутъ уже къ разсѣченнымъ утробамъ Святыхъ припускать нечистыхъ свиней, чтобы вмѣстѣ съ пищею пожирали и сіи утробы; не будутъ уже зажигать гробы Мученическіе, чтобы симъ посрамленіемъ удержатъ другихъ отъ подвижничества; не будутъ истреблять огнемъ и разсѣвать на вѣтеръ останки Святыхъ, предавая ихъ безчестію съ самыми безчестными костями, чтобы лишитъ подобающей имъ чести; не будутъ уже ставить *стѣдалищъ губителей* и забавляться хулою Епископовъ и Пресвитеровъ, также Пророковъ и Апостоловъ и даже самаго Христа; не будутъ уже торжествовать надъ нами, запрещая намъ закономъ лжеименное (л) образованіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ заградить намъ уста. Подай сюда свои царскія и софистическія рѣчи, свои неотразимые силлогизмы и энтимемы; посмотримъ, какъ и у насъ говорятъ неученые рыбаки. *Отстави гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсней органовъ твоихъ*, повелѣваетъ тебѣ Пророкъ мой (Амос. 5, 23.). Да воспоетъ опять

(л) Въ язмыческихъ училищахъ и въ свѣтскихъ наукахъ.

съ дерзновеніемъ Давидъ, который таинственными камнями низложилъ надменнаго Голіаѳа, побѣдилъ многихъ кротостію, и духовнымъ сладкозвучіемъ исцѣлялъ Саула, мучимаго злымъ духомъ. Пусть свѣщеносецъ твой погасить огонь; а мудрыя и священныя дѣвы возжгутъ для Жениха свои свѣтильники. Пусть твой іерофантъ сложить съ себя одежду блудницы; а священницы облекутся правдою (Пс. 131, 9.) и украшеніемъ славы, вмѣсто духа унынія (Пс. 61, 4.), облекутся въ великій и нескверный хитонъ, во Христа — наше украшеніе. Пусть умолкнетъ твой проповѣдникъ, и не говоритъ безславнаго; да вѣщаетъ же мой проповѣдникъ богодухновенное. Оставь свои волшебныя и чародѣйскія книги; и пусть перечитываются однѣ Пророческія и Апостольскія. Прекрати свои гнусныя и тмы исполненныя ночныя сбѣрища; и я возстановлю священныя и свѣтлыя всенощныя бдѣнія. Загради свои тайники и пути, низводящіе во адъ; я покажу тебѣ пути открытыя и ведущіе на небо. Какіе запасы оружія, какія изобрѣтенія снарядовъ, какія тмы и полчища людей произвели бы то, что сдѣлали наши молитвы и Божія воля? Богъ словомъ разсѣялъ тьму; словомъ произвелъ свѣтъ, основалъ землю, округлилъ небо, распредѣлилъ звѣзды, разлилъ воздухъ, положилъ предѣлы морю, протянулъ рѣки, одушевилъ животныхъ, сотворилъ человѣка по образу Своему, далъ всему красоту. Словомъ и нынѣ разсѣялъ Онъ ночный мракъ, и все привелъ во свѣтъ, порядокъ и прежнюю стройность. Теперь не властвуютъ уже алчныя и лживыя демоны; не оскорбляется тварь поклоненіемъ, воздаваемымъ ей

вмѣсто Бога. Отбрось своихъ Триптолемовъ, и Ке-
 леевъ, и таинственныхъ драконовъ; устыдись, нако-
 нецъ, книгъ своего богослова—Орфея; воспользуйся
 даромъ времени, покрывающаго твое безстыдство.
 Если же это—однѣ басни и вымыслы; то обнаружу
 твои ночныя таинства. Теперь не говорить уже
 дубъ, не прорицаетъ треножникъ, и Пивея не на-
 полняется, не знаю чѣмъ, но не болѣе, какъ баснями
 и бредомъ. Источникъ Кастальскій опять умолкъ
 и молчитъ; его вода возбуждаетъ не даръ пророче-
 ства, но смѣхъ. Аполлонъ опять сталъ безгласнымъ
 истуканомъ, Дафна — деревомъ, оплакиваемымъ въ
 баснѣ! Діонисъ опять андрогинъ и водить съ собою
 толпу пьанныхъ; великое твое таинство—богъ Фаллъ
 страждетъ любовію къ прекрасному Просимну.
 Семела опять поражена молніею. Опять храмлетъ
 на обѣ ноги, но проворенъ въ отыскиваніи прелю-
 бодѣвъ Ифестъ — этогъ богъ замаранный сажею,
 хотя онъ славный художникъ и Олимпійскій Оер-
 сить. Арей опять за любодѣяніе скованъ вмѣстѣ со
 Страхомъ, Ужасомъ и Смятеніемъ и раненъ за дер-
 зость. Афродита опять любодѣйца, срамно рожден-
 ная, служительница срамныхъ браковъ. Аѳина опять
 дѣва и раждаетъ дракона. Иракль опять бѣснуется,
 или лучше сказать, перестаетъ бѣсноваться. Опять
 изъ похотливости и сладострастія превращается во
 всѣ виды Зевесъ, совѣтникъ и властитель боговъ,
 который одинъ поднимаетъ всѣхъ ихъ со всѣмъ су-
 ществующимъ, а самъ не можетъ быть сдвинуть съ
 мѣста всѣми. Гробъ Діевъ опять показывается въ
 Критѣ. Какъ скоро вижу твоего Кердоа, Логія и
 Эпагонія; закрываю глаза и бѣгу прочь отъ твоего

бога, потому что стыжусь смотрѣть. Не препятствую тебѣ поклоняться силѣ краснорѣчія и сумѣ. Одно у тебя стоитъ уваженія: чествованіе, воздаваемое андрогинами у Египтянъ Нилу, Изиды, Мендезійскіе боги, Аписы и всѣ прочіе чудовищныя и изъ многихъ составленные звѣри, которыхъ ты живописуешь или лѣпишь. Смѣюсь твоему Пану, Пріапу, Гермафродиту и прочимъ богамъ, которые въ неистовствѣ или изуродованы, или растерзаны. Предоставляю все сіе зрѣлищу и стихотворцамъ, украшающимъ вашихъ боговъ; а я заключу слово увѣщаніемъ.

Мужи и жены, юноши и старцы, всѣ служащіе въ семь святилищъ и занимающіе низшія степени, всѣ, которыхъ Господь избавилъ нѣкогда отъ заблужденія и безбожія, а нынѣ отъ возстанія язычниковъ и отъ бѣдствій настоящихъ и ожидаемыхъ! Выслушайте слово мужа, который научился сему не слегка, но изъ ежедневныхъ событій, изъ древнихъ исторій, книгъ и дѣяній! Великое дѣло не испытать никакой скорби; а можетъ быть и не великое, если истинно слово, что *егоже любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6.), и о которомъ особенно печется. Напротивъ того великое дѣло — вовсе не грѣшить, или во крайней мѣрѣ не согрѣшать тяжело; потому что быть совершенно безгрѣшнымъ — Богъ поставилъ выше человѣческой природы. А вторымъ послѣ сего дѣломъ полагаю, чтобы падшіе и наказанные, а потомъ прощенные, всегда чувствовали сіе наказаніе, и избѣгали новой казни за новое преступленіе. Посему и мы самымъ дѣломъ восчув-

ствуемъ Божіе наказаніе. Покажемъ самихъ себя достойными не того, что прежде потерпѣли, но того, что напослѣдокъ получили. Будемъ оправдываться въ постигшемъ насъ бѣдствіи тѣмъ, что мы, не какъ злодѣи, были преданы язычникамъ, но разумлены, какъ дѣти. Не станемъ забывать о бурѣ во время тишины, о болѣзни — во время здравія, о плѣнѣ — по благополучномъ возвращеніи въ Іерусалимъ, объ Египтѣ — послѣ Египта. Время злостраданія да не будетъ у насъ лучшимъ времени успокоенія; но оно будетъ такимъ, если окажется, что мы тогда были смиренны и умѣренны, и во всѣхъ надеждахъ простирались къ небу, а теперь превозносимся, надмеваемся и опять обратились къ тѣмъ же грѣхамъ, которыми были доведены до постигшихъ насъ бѣдствій. *Ни, чада, ни* (1 Цар. 2, 24.), говоритъ нѣгдѣ Священникъ Ілій, увѣщая дѣтей своихъ, согрѣшившихъ противъ Бога. Напротивъ того зная, что легче возвратить потерянное благоденствіе, нежели сохранить дарованное отъ Бога (ибо потерянное возвращается цѣлому дріемъ, а дарованное утрачивается безпечностію), зная, что больное тѣло возстановляется лекарствами и воздержаніемъ, а возстановленное, при маломъ нерадѣніи и пресыщеніи, опять приходитъ въ расслабленіе и впадаетъ въ прежніе недуги, — зная все сіе и внушая другъ другу, придемъ въ самихъ себя и будемъ цѣломудренно располагать временемъ. И во-первыхъ, братія, будемъ праздновать не плотскимъ веселіемъ, не пиршествами и піянствомъ; вы знаете ихъ плодъ — нечистыя ложа и распутство. Не будемъ устилать улицъ цвѣтами, умащать тра-

пезь срамомъ благовоній , украшать преддверій; да не освѣщаются дома чувственнымъ свѣтомъ , да не обращаются въ дома безчинія звуками свирѣлей и рукоплесканіями ! Такъ установлено язычниками праздновать новомѣсячія. А мы не симъ почтимъ Бога, не тѣмъ превознесемъ настоящее время, что насъ не достойно , но чистотою души, свѣтлостію ума, свѣтильниками, озаряющими все тѣло Церкви, то есть, божественными созерцаніями и размышленіями, возносимыми на священный свѣщникъ и освѣщающими всю вселенную. Въ сравненіи съ симъ свѣтомъ ничтожны, по моему мнѣнію, всѣ огни, возжигаемые у людей при частныхъ или общественныхъ торжествахъ. Есть у меня и муро, но такое, котормъ помазуются только священники и цари, какъ многосоставнымъ и многоцвѣтнымъ и за насъ истощеннымъ , — муро , составленное искусствомъ великаго Муроварца. О если бы и я сподобился принести благовоніе сего мюра! Есть у меня и сіа духовная и божественная трапеза , которую мнѣ уготовавъ *Господь сопротивъ стужающимъ мнѣ* (По. 22, 5.); за нею упокоеваюсь, и веселюсь, и по насыщеніи не предаюсъ постыднымъ помысламъ, но усыпляю въ себѣ всякое возстаніе страстей. Есть у меня и цвѣты, которые прекраснѣе и долговременнѣе всякаго весенняго цвѣтка , цвѣты нивы исполнены, юже благослови *Господь* (Быт. 27, 27.), то есть , Священники , благоухающіе Пастыри и Учители, и изъ народа все, что есть чистаго и избраннаго. Ими-то я желаю увѣнчаться и украситья, когда, по примѣру святаго Апостола, *подвигомъ добрымъ подвижался, теченіе скончаю , вѣру соб-*

люду (2 Тим. 4, 7.). Замѣнимъ тимпаны духовными пѣснями, безчинные клики и пѣсни — псалмопѣніемъ, зрѣлищное рукоплесканіе — рукоплесканіемъ благодарственнымъ и стройнымъ движеніемъ рукъ, смѣхъ — размысленіемъ, пѣнство — мудрою бесѣдою, шутиливость — степенностію. Если же тебѣ, какъ любителю торжественныхъ собраній и празднествъ, нужно плясать; скажи, но не плясаніемъ безстыдной Иродіады, дѣломъ которой была смерть Крестителя, а скаканіемъ Давида при поставленіи на мѣсто Кивота, которое, какъ думаю, было таинственнымъ знаменованіемъ быстрого и свободного шествованія предъ Богомъ.

Вотъ первая и важнѣйшая часть моего увѣщанія! Вторая же часть, сколько знаю, будетъ для многихъ тяжела и неприятна. Ибо человекъ, получившій возможность воздать зломъ за зло, особливо если то, что потерпѣлъ, даетъ справедливую причину къ гнѣву, — не любитъ повиноваться слову, которое возбуждаетъ его раздражительность. Однако же слово мое достойно того, чтобы его выслушали и приняли. Не будемъ неумѣренно пользоваться обстоятельствами времени, не допустимъ излишества въ употребленіи своей власти, не будемъ жестокосерды къ тѣмъ, которые насъ обижали, не будемъ дѣлать того, что сами осуждали. Изъ настоящей перемѣны воспользовавшись тѣмъ, что избѣгаемъ зла, возненавидимъ всякое отмщеніе. Люди умѣренные почитаютъ для своихъ оскорбителей достаточнымъ наказаніемъ ихъ страхъ, ожиданіе того, чего они достойны, и мученія собственной ихъ совѣсти. Ибо кто боится будущаго наказанія, тотъ уже стра-

уче.
Р. М. К. В. К. К.

даетъ, хотя и не терпитъ еще наказанія; онъ самъ себя наказываетъ, можетъ быть болѣе, нежели какъ наказали бы его исполнители казни. Итакъ не пожелаемъ умѣрять (Божія) гнѣва, да не явимся наказывающими слабѣе надлежащаго. Но поелику не можемъ за все наказать; то простимъ во всемъ, и чрезъ то содѣлаемся лучшими нашихъ обидчиковъ и станемъ ихъ выше. Покажемъ, чему ихъ учать демоны, и чему насъ научаетъ Христосъ, Который страданіями пріобрѣлъ славу и восторжествовалъ не менѣе тѣмъ, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать. Воздадимъ Богу одно благодареніе, распространимъ таинство (м) благостію, и на сей только конецъ воспользуемся обстоятельствами. Побѣдимъ мучителей правдолюбіемъ. Особенно въ прощеніи покажемъ челоуѣколюбіе и силу заповѣди, которая воздастъ и намъ равнымъ челоуѣколюбіемъ, какъ скоро имѣемъ въ томъ нужду; ибо знаемъ, что *въ нюже мѣру мѣряемъ, возмѣрится* намъ (Марк. 4, 24.) Если же кто и очень огорченъ; предоставимъ огорчившихъ насъ Богу и будущему суду. Не будемъ уменьшать будущаго гнѣва тѣмъ, что возложимъ на нихъ собственную свою руку. Не будемъ помышлять объ отобраніи у нихъ имуществъ, не повлечемъ ихъ на судъ, не станемъ изгонять изъ отечества, наказывать бичами; кратко скажу: не сдѣлаемъ имъ ничего такого, что сами потерпѣли. А если возможно, собственнымъ примѣромъ своимъ сдѣлаемъ и ихъ кроткими. Пострадали ли у кого

(м) Христіанскую вѣру.

сынъ, или отецъ, или жена, сродникъ, другъ, или другой кто изъ цѣнныхъ имъ дорого; вознаградимъ каждого за страданіе, убѣдивъ его съ твердостью перенести все, что ни потерпѣлъ. Выше сего дара, что иное можемъ воздать имъ? Сказать ли и о величайшемъ благодѣяніи, какое мы получили? Наши гонители преслѣдуются упреками народовъ и городовъ, на зрѣлищахъ, на торжищахъ, въ собраніяхъ. Вездѣ ублажаютъ старое, выставляютъ новое на позоръ, и къ большому удивленію, даже соучастниками нашихъ гонителей, съ укоризнами ниспровергаютъ самые боги, какъ обманывавшіе ихъ долгое время и уже поздно уличенные въ обманѣ. Кто вчера былъ поклонникомъ, тотъ нынѣ сталъ ругателемъ. Чего еще болѣе требовать?

Сіе воздается нынѣ несчастнымъ, и можетъ быть это еще малая часть воздаяніа. Будетъ время, когда оскорбителей моихъ и великаго ихъ вождя увижу оплакивающими свое нечестіе, — когда всякое беззаконіе будетъ судимо и подвергнуто истязанію. Умалчиваю о нашихъ Божественныхъ изреченіяхъ и о тѣхъ казняхъ, которыя, по нашему ученію, уготованы въ будущемъ. Обратись къ своему ученію и къ ужасамъ, о которыхъ любятъ разсуждать не одни стихотворцы, но и философы; обратись къ своимъ Пириелегетонтамъ, Коцитамаъ и Ахеронтамъ, въ которыхъ мучатся за неправду Танталъ, Титій, Иксіонъ. Къ нимъ сопричислится Юліанъ, царь сего собратства, и даже предваритъ ихъ, по нашему слову и опредѣленію. Не жаждою будетъ онъ томиться, стоя по горло въ озерѣ; не будетъ приводимъ въ ужасъ камнемъ, по изобра-

женію трагика , висящимъ надъ головою и непре-
станно то поднимающимся , то опускающимся; его
не будутъ вертѣть на быстро кружащемся колесѣ;
и птицы не будутъ терзать его печень , никогда
неистоющающуюся , но всегда восполняемую , — пусть
все сіе будетъ истина , или одна баснь , скрывающая
истину въ вымыслѣ . Но тогда увидимъ , какъ и
чѣмъ онъ будетъ наказанъ , увидимъ , что мученіе
его будетъ тяжелѣе описанныхъ ; потому что взы-
сканія и воздаянія всегда соразмѣрны преступле-
ніямъ .

Таковъ отъ насъ даръ тебѣ , превосходный и
мудрый мужъ (скажу твоими же словами) , за ударъ
ногою ! Сіе воздаемъ тебѣ мы , которымъ , по вели-
кому и удивительному твоему уложенію , запрещено
было учиться краснорѣчію . Видишь , что не до кон-
ца должны мы были молчать , что твои уставы не
могли осудить насъ на всегдашнее безмолвіе ; но
что и намъ дана свобода возвысить голосъ и обли-
чить твое неразуміе . Какъ невозможно никакимъ
искусствомъ удержать Нильскіе водопады , низвер-
гающіеся изъ Египтіи въ Египеть , или остановить
солнечный лучъ , хотя на малое время и затмѣвает-
ся онъ облакомъ ; такъ не лѣзя связать и языка
Христіанъ , обличающаго ваши дѣла . Сіе приносятъ
тебѣ Василій и Григорій , противники и противо-
борники твоего замысла , какъ самъ ты думалъ и
другихъ увѣрялъ , своими угрозами прославляя и
поощряя насъ къ вящему благочестію . Зная насъ
еще въ Греціи , какъ людей пріобрѣтшихъ себѣ имя
и извѣстность жизнію , краснорѣчіемъ и взаимнымъ
единодушіемъ , ты поттилъ насъ честію Циклона ,

то есть, послѣднихъ соблюдалъ на погибель, и, можетъ быть, умышлялъ принести въ побѣдный даръ демонамъ, какъ нѣчто великое и достойное твоего величія, если бы встрѣтили мы тебя возвращающагося изъ Персіи; или даже, худо разсчитывая, питалъ надежду и насъ ввергнуть въ одну съ собою бездну. Ибо мы не малодушнѣе тѣхъ юношей, которые были орошены въ огнѣ, побѣдили звѣрей вѣрою, охотно подверглись опасности вмѣстѣ съ мужественною матерью и еще мужественнѣйшимъ священникомъ, показали, что одна только вѣра непобѣдима; не малодушнѣе конечно и тѣхъ, которые при тебѣ явили свою неустрашимость, и изъ которыхъ одинъ (н), посрамивъ матеръ боговъ твоихъ, и разрушивъ жертвенникъ, веденъ былъ къ тебѣ, какъ осужденникъ, вошелъ какъ побѣдитель, и немало посмѣявшись твоей багрянницѣ и твоимъ рѣчамъ, какъ преиспещреннымъ и смѣшнымъ, вышелъ отъ тебя съ большимъ дерзновеніемъ, нежели съ какимъ возвращается иной съ вечера и съ свѣтлаго пиршества; а другой (о), когда все тѣло глубоко просѣчено было ремнями, едва дыша отъ ранъ, не только не ослабѣлъ въ пыткахъ и не почелъ претерпѣваемыхъ мученій тяжкими, но даже замѣтивъ, что нѣкоторыя части тѣла не подвергались еще ударамъ, началъ обвинять мучителей въ нанесеніи ему оскорбленій; потому что не все его тѣло почтили, но оставили нѣчто неистерзаннымъ и неосвящен-

(н) Св. Маркъ Арсеузскій.

(о) Св. Евсевій Самосатскій.

нимъ, а съ симъ вмѣстѣ указывалъ на голенъ, которая одна избѣжала желѣзныхъ ногтей, и требовалъ, чтобы и ее не щадил.

Итакъ сіе тебѣ слово, цѣнное Христіанами, не ниже лжей и нелѣпостей Порфиріевыхъ, которыми вы восхищаетесь, какъ божественными глаголами, и не ниже твоего Мисопогона или Антіохика (п); ибо тѣмъ и другимъ именовъ надписываешь ты свое сочиненіе. Его дѣлали тогда важнымъ твои порфира и лъстецы, всему въ тебѣ удивлявшіеся, а теперь стало оно бороною, которую всѣ таскаютъ, рвутъ и осмѣиваютъ, равно какъ и трудившихся надъ нею. Въ немъ, какъ будто разсуждая о чемъ-то важномъ, ты весьма надмеваешься тѣмъ, что не имѣешь излишней заботливости о тѣлѣ, и никогда не чувствовалъ неваренія пищи отъ многояденія; а съ намѣреніемъ умалчиваешь о томъ, что такъ жестоко гналъ Христіанъ и истреблялъ сей многочисленный священный народъ. Но какой вредъ для общества, когда одинъ человекъ страдаетъ невареніемъ пищи, или имѣетъ естественную отрыжку? Когда же воздвигнуто было такое гоненіе, и произведено столько замѣшательства; тогда не должна ли была вся Римская Держава придти въ худое положеніе, какъ и дѣйствительно оказалось на опытѣ? Сей воздвигаемъ тебѣ памятникъ, который выше и славнѣе столповъ Иракловыхъ. Тѣ были водру-

(п) Сочиненіе Юліана *Мисопогонъ* — ненавистникъ бороды, написанное противъ Антіохіанъ, которые смѣялись надъ длинною и неопратною Юліановою бороною.

жены на одномъ мѣстѣ, и видимы только приходившими туда; а сей памятникъ, переходя отъ одного къ другому, не можетъ не быть вездѣ и всѣмъ извѣстенъ. И твердо знаю, что позднія времена увидятъ его обличающимъ тебя и твои дѣла, а также научающимъ и всѣхъ прочихъ не отваживаться на подобное возстаніе противъ Бога, чтобы, поступая подобно тебѣ, не получить одинаковаго съ тобою воздаянія.

С Л О В О 6,

О МИРѢ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ОТЦА, ПОСЛѢ ПРЯДШЕСТВОВАВШАГО МОЛЧАНІЯ, ПО СЛУЧАЮ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ МОНАШЕСТВУЮЩЕХЪ.

Ревность разрѣшаетъ языкъ мой, и я оставляю безъ исполненія законъ человѣческій для закона духовнаго: дарю миру слово, хотя прежде ни за что не соглашался приступить къ слову. Ибо какъ скоро возмущились противъ насъ члены, великое и честное тѣло Христово начало раздѣляться и разсѣваться, такъ что едва не *расточишася кости наша при адѣ* (Пс. 140, 7.), подобно тому, какъ глубина земли раздирается плугомъ и разсыпается по поверхности; какъ скоро лукавый, раздравши нераздираемый, нераздѣлимый и весь тканый *хитонъ* (Іоан. 19, 23.), присвоилъ его весь себѣ, успѣвъ чрезъ насъ сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать чрезъ распинателей Христовыхъ: тогда *положихъ хранило устомъ* (Пс. 38, 2.), и въ другихъ случаяхъ несловоохотнымъ, рассуждая, что духовный порядокъ требуетъ сперва очистить себя самага дѣйтельнымъ любомудріемъ, потомъ, *отверзши уста разума, привлечь духъ* (Пс. 118, 131.), а по-

слѣ уже отрыгнуть слово благо (Пс. 44, 22.) и глаголатъ премудрость Божію, совершенную въ совершенныхъ (1 Кор. 2, 6.). Притомъ какъ есть время всякой вещи, малой и великой, по справедливому и весьма разумному изреченію Соломона (Еккл. 3, 1.); такъ и я, не менѣе всякаго другаго, зналъ время говорить и молчать. Посему *онлмъхъ и смирихся* (Пс. 38, 3.), когда вблизи меня не стало ничего добраго, какъ будто облако набѣжало на сердце мое и сокрыло лучъ слова, а *блпзнь моя обновлялась* днемъ и ночью; все возжигало ее во мнѣ, все напоминало о разьединеніи братій: бдѣнія, пощенія, молитвы, слезы, мозоли на колѣнахъ, біеніе въ перси, воздыханія изъ глубины сердца, всенощное стояніе, переселеніе умомъ къ Богу, тихій плачь среди моленій, приводящій въ умиленіе слушающихъ, — также поущіе, словословіяіе, поучающіеся день и ночь въ законѣ Господнемъ, носящіе въ гортани своей *возношенія Божія* (Пс. 149, 6.). О томъ же напоминали мнѣ и сіи прекрасныя черты и признаки жизни по Богу, сіи безмолвные проповѣдники — волосы сухіе и нечистые, ноги босыя и, подобно Апостольскимъ, ничего не носящія на себѣ мертваго, стриженіе власовъ тому же соотвѣтствующее, одежда смиряющая гордость, поясъ прекрасный своею неукрашенностію, подбирающій нѣсколько, но нимало не приподнимающій одежду, походка твердая, взоръ неблуждающій, улыбка пріятная, или лучше сказать, только видъ улыбки, цѣломудренно удерживающій отъ неумѣреннаго смѣха, слово съ разумомъ, молчаніе драгоцѣннѣйшее самаго слова, хвала, приправленная

солію, но не для ласкательства, а въ руководство къ лучшему, порицаніе болѣе самой похвалы вожделѣнное, умѣренность въ печали и въ веселости, и раствореніе одной другою, мягкость, соединенная съ мужествомъ, и суровость съ скромностію, такъ что одно другому не вредить, но одно чрезъ другое дѣлается похвальнымъ; умѣренность въ общеніи съ другими и въ уклоненіи отъ общенія, — общеніи для назиданія другихъ, и уклоненіи для собственнаго поученія тайнамъ Духа, — общеніи, сохраняющемъ уединеніе среди самаго общества, и уклоненіи, соблюдающемъ братолюбіе и челоуѣколюбіе среди самаго уединенія, а что и сего еще важнѣе и выше, богатство, состоящее въ бѣдности, обладаніе — въ пришельствіи, слава — въ безчестіи, сила — въ немощи, прекрасное чадородіе — въ безбрачїи, такъ какъ раждаемое по Богу лучше порожденій по плоти. Наконецъ люди, почитающіе для себя наслажденіемъ не имѣть никакихъ наслажденій, смиряющіеся ради небеснаго царства, не имѣющіе ничего въ мірѣ и стоящіе выше міра, живущіе во плоти какъ бы внѣ плоти, которыхъ часть — *Господь* (Числ. 18, 20.), *нищіе ради царствїа* (Матѣ. 5, 3.) и *нищетою царствующіе*. Вотъ кто своимъ присутствіемъ веселилъ меня, составлялъ мое богатство, мое лучшее утѣшеніе, и — своимъ отсутствіемъ приводилъ меня въ уныніе! Вотъ что стѣсняло и возмущало мою душу; вотъ отъ чего ходилъ я, плача и стѣня! Вотъ почему отринуть я съ другими удовольствїями и самое слово! Ибо *возлюбленные отверглись* меня и *обратились ко мнѣ хребты, а не лица своя* (Втор. 32, 15. Іер.

2, 27.); паства стала свободнѣе (чтобы не сказать отважнѣе) пастыря; *виноградъ истинный*, прекрасно очищенный добрымъ дѣлателемъ и приносящій добрые плоды въ божественныя точила, превратился для меня въ горечь (Иер. 2, 21.); *друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа; и ближніи мои отъдалече мене сташа* (Пс. 37, 12.). Изъ сильной любви къ Богу и ко Христу мы раздѣлили Христа, изъ-за Истины (Іоан. 14, 6.) стали лгать другъ на друга, ради Любви (1 Іоан. 4, 8.) поучались ненависти, изъ-за Камня (1 Кор. 10, 4.) поколебались, изъ-за *краугольного Камня* (Ефес. 2, 20.) разсмыслились, сверхъ нужды ратовали изъ-за Мира, были низлагаемы изъ-за Вознесеннаго на древо, подвергались смерти изъ-за Погребеннаго и Воскресшаго.

Такъ было прежде! И для чего среди радости возобновлять неудовольствіе, останавливаясь на событіяхъ печальныхъ, которыхъ не желалъ бы не только испытать, но и привести на память, о которыхъ лучше не говорить, а молчать, сокрывъ во глубинѣ забвенія постигшее насъ несчаствіе? Развѣ кто для того только напомнить о скорбномъ, чтобы вразумиться намъ симъ примѣромъ, и, какъ въ болѣзни, избѣгать причинъ, которыя довели до такого состоянія.

Но теперь, когда отбѣжали отъ насъ болѣзни, печаль и воздыханіе, когда мы чтители Единаго стали едино, мы чтители Троицы, такъ сказать, срались между собою, стали единокорными и равночестны, мы чтители Слова оставили безсловесіе, мы чтители Духа горимъ ревностію не другъ противъ

друга, но за-одно другъ съ другомъ, мы читатели *Истины*, одно мудствуемъ и одно говоримъ, мы читатели *Мудрости* стали благоразумны, читатели *Того, Кто—Свѣтъ, Путь, Дверь, яко во дни благо-образно ходимъ*, всѣ идемъ прямымъ путемъ, всѣ внутри двора; читатели *Агнца и Пастыря* сдѣлались кроткими, и принадлежимъ уже къ тому же стаду и единому пастырю, который пасеть стадо *съ сосудами не пастыря неискусна* (Зах. 11, 16.), погубляющаго овецъ своего пастбища и предающаго ихъ волкамъ и стремнинамъ, но пастыря весьма испытаннаго и опытнаго; теперь, когда мы, читатели *Пострадавшаго за насъ*, стали сострадательны и готовы облегчать тяготы другъ другу, читатели *Главы* образуемъ стройное тѣло и скрѣпленное всякимъ духовнымъ союзомъ (Еф. 4, 16.), когда Богъ, *творяй вся и претворяй въ полезнѣйшее* (Амос. 5, 8.), *обратилъ плачь нашъ въ радость*, и вмѣсто *вретища* далъ намъ *веселіе* (Пс. 29, 12.): тогда и я, вмѣстѣ съ прошедшими скорбями, отлагаю молчаніе и приношу настоящему времени и вамъ, или паче Богу, слово, самую приличную благодарственную жертву, даръ, который чище злата, дороже многоцѣнныхъ камней, цѣннѣе тканей, святѣе жертвы подзаконной, святѣе начатка первородныхъ, угоденъ Богу паче тельца юнаго, еще не-совершеннаго по рогамъ и раздвоеннымъ копытамъ (Пс. 68, 32.) и безсмысленнаго, угоденъ паче куренія, паче всесоженія, паче многихъ тысящъ тучныхъ ововъ,—паче всего, чѣмъ Законъ, заключающій въ себѣ только начальныя основанія, держалъ во власти еще младенчествующаго Израиля,

преднаписуя въ кровавыхъ жертвахъ будущее жертвоприношеніе. Сіе приношу Богу, сіе посвящаю Ему, что́ одно и оставилъ я у себя, чѣмъ однимъ и богатъ я; потому что отъ прочаго отказался изъ повиненія заповѣди и Духу; все, что́ я ни имѣлъ, промѣнялъ на драгоценную *жемчужину*; сдѣлался (или лучше сказать, желаю сдѣлаться) тѣмъ счастливымъ *купцемъ*, который за малое, несомнѣнно тлѣнное, купилъ великое и нетлѣнное (Матѣ. 13, 45. 46.); но удерживаю за собою одно слово, какъ служитель слова, и добровольно никогда не пренебрегу сего стяжанія, но цѣню, люблю его и веселюсь о немъ болѣе, нежели о всемъ томъ въ совокупности, что́ радуется большую часть людей; дѣлаю его сообщникомъ всей жизни, добрымъ совѣтникомъ, собесѣдникомъ и вождемъ на пути къ горнему и усерднымъ сподвижникомъ. И такъ какъ презираю все дольнее, то вся моя любовь послѣ Бога обращена къ слову, или лучше сказать, къ Богу, потому что и слово ведетъ къ Богу, когда оно соединяется съ разумнѣемъ, которымъ однимъ Богъ истинно пріемлется, и сохраняется, и возрастаетъ въ насъ. *Я нарекъ премудрость сестру мнѣ быти* (Притч. 7, 4.), *почтилъ и обзялъ ее*, сколько мнѣ дозволено было, и домогаюсь *внѣца благодатей и сладости на главу свою* (Притч. 4, 8. 9.), то есть, даровъ премудрости и слова, озаряющаго умъ нашъ и освѣщающаго наши шествія къ Богу. Черезъ слово я обуздываю порывы гнѣва, имъ усыпляю изсушающую зависть, имъ успокоиваю печаль, оковывающую сердце, имъ уцѣломудриваю сластолюбіе, имъ полагаю мѣру ненависти, но не

дружбѣ (ибо ненависть должно умѣрять, а дружбѣ не должно знать предѣловъ). Слово въ изобиліи дѣлаетъ меня скромнымъ, и въ бѣдности великодушнымъ; оно побуждаетъ меня идти съ идущимъ твердо, простирать руку помощи падающему, сострадать немощному и сорадоваться возмогающему. Съ нимъ равны для меня и отечество и чуждая страна, и переселеніе для меня не болѣе, какъ переходъ съ одного чужаго мѣста на другое не мое. Слово для меня раздѣляетъ міры, и отъ одного удаляетъ, къ другому приводитъ. Оно научаетъ меня не возноситься *десными оружіями правды* (2 Кор. 6, 7.), и въ несчастныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ со мною *любомудрствуетъ*, подавая *непостыждающую надежду* (Рим. 5, 5.), и облегчая настоящее будущимъ. Словомъ и нынѣ встрѣчаю друзей своихъ и братьевъ, и предлагаю трапезу словесную и чашу духовную и всегдашнюю, а не такія, какими земная трапеза лѣститъ чреву, которое не можетъ быть исправлено, но *упразднится* (1 Кор. 6, 13.). *Молчахъ, еда и всегда умолчу* (Ис. 42, 14.)? *Терпѣхъ, яко рождающая*; ужели и всегда буду терпѣть? Молчаніе Захаріи разрѣшилъ родившійся Іоаннь (ибо неприлично было молчать отцу гласа, когда гласъ уже произошелъ; но какъ невѣріе гласу связало языкъ, такъ явленіе гласа должно было разрѣшить отца, которому и благовѣствованъ и родился сей гласъ и свѣтильникъ, предтеча Слова и Свѣта): а мнѣ разрѣшаетъ языкъ и возвышаетъ гласъ, какъ гласъ трубы, сіе благодѣтельное событіе, сіе прекрасное зрѣлище, какое представляютъ чада Божіи, прежде рас-

точенныя, а нынѣ собранныя во-едино, покоющіеся подъ одними и тѣми же крылами, въ единомысліи идущія въ домъ Божій и соединенныя между собою единымъ союзомъ добродѣтели и Духа. Я не могу молчать, когда уже не возстаемъ другъ на друга (до того нашъ умъ уловленъ былъ лукавымъ, или терпѣлъ отъ него насиліе, или *сострѣлянъ* былъ имъ во мраць (Пс. 10, 2.), отъ него же наведенномъ, или какъ иначе это выразить,—что мы радовались несчастіямъ другъ друга, не думая о томъ, что взаимное несогласіе причиняетъ вредъ цѣлому тѣлу). Не могу молчать, когда Іуда и Израиль *поставляютъ себѣ власть едину* (Ос. 1, 11.), Іерусалимъ и Самарія собираются къ единому горнему Іерусалиму, и мы стали уже не *Павловы, Аполосовы и Кифины* (изъ-за чего и противъ чего и происходили горделивыя пренія), но всѣ — *Христовы* (1 Кор. 1, 12.).

Но поелику вы овладѣли теперь и мною и словомъ не безъ насилія, но не по неволѣ, а по любви, то буду вѣщать (хотя едва могу), потому что вы такъ повелѣваете, и произнесу слова благодаренія и вразумленія.

Благодареніе мое таково: *Кто возглаголетъ силы Господни? Кто во услышаніе всѣхъ возвѣститъ всю хвалу* (Пс. 105, 2.)? Теперь *обоя едино, и средостѣнныя ограды разорено* (Еф. 2, 14.). Ты содѣлалъ, что мы перестали быть *притчею во языцѣхъ*, предметомъ покиванія главою въ людехъ (Пс. 43, 15.). Ты далъ намъ столько потерпѣть зла, сколько нужно было, чтобы во время раздѣленія познали мы благо мира, и, поразивъ скорбію,

опять возстановилъ насъ. Чудное врачеваніе! Ты враждою научилъ миру скоро возненавидѣвшихъ вражду; противнымъ устроилъ противное, и столько разлучилъ насъ, что мы тѣмъ съ большею охотою устремились другъ къ другу: подобно какъ вѣтви растеній, насильно разведенныя и потомъ оставленныя на свободѣ, опять стремятся одна къ другой, принимая прежнее естественное положеніе, и показываютъ въ себѣ то свойство, что насиліемъ можно ихъ нагнуть, а не исправить. *Рука* уже не презираетъ *ока*, и *око*—*руки*; *глава* не возстаетъ противъ *ногъ*, и *ноги* не чуждаются *главы* (1 Кор. 12, 21.), и не вредятъ, или лучше сказать, не терпятъ вреда отъ безпорядка и безначалія, отъ котораго и во всемъ происходитъ замѣшательство и разрушеніе: но всѣ члены, по естественному чину и закону, которымъ все между собою соединено и сохраняется, равно заботятся другъ о другѣ,— и мы составляемъ теперь *едино тѣло и едины духъ*, *якоже и званіи быхомъ въ единомъ упованіи званія* (Ев. 4, 4.). *Сега ради восхваляютъ Тя людіе нищій* (Иса. 25, 3.), ставъ богатыми изъ убогихъ. Ты удивилъ на насъ милость Твою (Пс. 30, 22.), и къ древнимъ сказаніямъ присоединяется нѣчто новое. *Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествоваа благодать* (Рим. 5, 20.). Бросивъ верно, получилъ я колось; оплакивая потерю овецъ, приобрѣлъ пастырей, и вѣрно знаю, что приобрѣту еще наилучшаго изъ пастырей (а), хотя онъ, по

(а) Св. Василія Великаго, который былъ уже тогда рукопо-

нѣкоторымъ духовнымъ причинамъ, и медлить принять паству. Сему пастырю уже ввѣрены и благодать Духа, и таланты для употребленія, и попеченіе о стадѣ; онъ помазанъ помазаніемъ святости и совершенія: но мудрость еще удерживаетъ его отъ начальства, и онъ до времени держитъ *свѣтильникъ подъ спудомъ*; но вскорѣ поставитъ его на *свѣщникъ*, *свѣтитъ* всякой душѣ въ Церкви (Матѣ. 5, 15.), и быть *свѣтомъ стезямъ нашимъ* (Пс. 118, 104.). Онъ теперь обзрѣваетъ еще дебри, горы и потоки, и приготовляетъ сѣти волкамъ-хищникамъ душъ, дабы во время благопотребно принять жезль и пасти сіе словесное стадо, вмѣстѣ съ Истиннымъ Пастыремъ, вселяясь на *мгъсть злачиль*, среди вѣчно зеленѣющихъ словесъ Божіихъ, и *питая водою упокоенія, то есть, Духомъ* (Пс. 22, 2.). Сего мы надѣемся, и о семъ молимся.

Но мнѣ уже время присовокупить къ благодаренію и увѣщаніе, которое предложу также, сколько можно, короче; потому что вы большею частію вразумлены уже самими событіями, и для наученныхъ опытомъ не нужны продолжительныя поученія.

Во-первыхъ не надлежало намъ, братія, раздѣляться, и тѣмъ губить свое древнее достоинство и украшеніе, по которому наше малое стадо, хотя и не лзя ставить его на ряду съ многочисленными паствами, однако же равнялъ я съ самыми великими и обширными, даже предпочиталъ нѣкоторымъ, по

ложенъ въ пресвитера Церкви Кесарійской, но на время удался въ пустыню.

силѣ Духа: Такъ было прежде: каждая паства имѣла свое меньшее или большее украшеніе; отличительнымъ свойствомъ нашей паствы была непоколебимость и безмятежіе, а посему часто называли ее ковчегомъ Ноевымъ за то, что она спасалась отъ всемірнаго потопленія, и хранить въ себѣ сѣмена благочестія. Даже, когда обличилось, что и мы люди, когда мы не избѣгли совершенно зависти лукаваго, не устояли противъ болѣзни все заражающей, но понесли свою долю въ общемъ несчастіи, и не соблюли до конца прекраснаго и отеческаго наслѣдія, то есть, блага единомыслія: и въ семь ому чѣмъ имѣли мы не малое преимущество предъ другими (если только уповавъ на Христа, можно намъ похвалиться чѣмъ-нибудь, и при самой враждѣ нашей), — то преимущество, что послѣдніе подверглись злу и первые исправились. Внасть въ болѣзнь есть удѣлъ общей природы и немощи человѣческой, которая на всѣхъ простирается, и на самыхъ крѣпкихъ по тѣлу и духу: но возстать отъ болѣзни и возвратиться другъ къ другу есть дѣло разсужденія и благодати, которая прекрасно и справедливо вознаградила насъ, даже лучше, нежели какъ мы желали и другіе надѣялись: Ибо тѣхъ, которые были поставлены главами (б) отдѣлившись, какъ поставленныхъ ради благочестія и въ пособіе страждущему Православію, мы приняли съ любовію и обходились не какъ съ врагами, но какъ съ братьями,

(б) Нѣкоторые изъ монаховъ, отдѣлившись отъ Епископа Назіанзскаго, были поставлены въ пресвитеры посторонними Епископами, какъ объясняетъ Ілія Критскій.

обнялись съ тѣми, которые возмутились противъ насъ не на-долго за отеческое наслѣдіе, впрочемъ возмутились братски, а не злонамѣренно. Вражду ихъ мы не похвалили, но ревность одобрили: ибо несогласіе за благочестіе гораздо лучше согласія по какой-нибудь страсти. Такимъ образомъ самую потерю обратили мы себѣ въ пріобрѣтеніе, покрывъ любовію умышленное ими противъ насъ, и въ томъ одномъ измѣнивъ порядокъ, что не благодать послѣдовала за избраніемъ, но избраніе за благодатію, и что для сообщенія ея воспользовались мы чуждымъ рукоположеніемъ, будучи нѣсколько упреждены Духомъ. А вы, оставивъ подозрѣніе противъ письмени (в), обратились къ духу, и хотя не одобрили простоты при ясности рѣченій, однакоже не подозрѣвали нечестія, зная, что у насъ такъ же тверда и непоколебима Троица, какъ въ естествѣ своемъ, и что отсѣчь или отчуждить что-нибудь отъ Трехъ для насъ значитъ тоже, что отсѣчь все и нагло возстать противъ всего Божества. Въ этомъ мы, даже во время самаго раздѣленія, иногда и предъ извѣстными людьми защищали другъ друга. А сіе служить самымъ сильнымъ доказательствомъ, что истина не побѣждается и временемъ, и что вражда не погасила въ насъ совершенно искры любви. При самомъ раздорѣ сохранялось въ насъ важнѣйшее, то есть, единомысліе и увѣренность, что мы не колеблемся въ истинѣ и не противорѣчимъ ей, но

(в) То есть, неосторожной подписи Св. Григорія, Епископа Назіанзскаго, подъ символомъ полуаріанскимъ.

запечатлѣны тѣмъ же характеромъ вѣры и перваго удивленія нашего. Ибо людей, искренно чтущихъ Бога, ничто не можетъ такъ сильно побудить къ единомыслию, какъ согласіе въ ученіи о Богѣ, и ничто такъ не располагаетъ къ раздору, какъ несогласіе въ семъ ученіи. Человѣкъ самый скромный въ другихъ случаяхъ становится самымъ пламеннымъ, *кроткій—храбрымъ* (Іоил. 3, 11.), когда видитъ, что чрезъ свое равнодушіе онъ лишается Бога, или, лучше сказать, своимъ паденіемъ причиняетъ ущербъ Богу, Который насъ почитаетъ Своимъ богатствомъ и обогащаетъ.

Такимъ образомъ въ самомъ разлученіи, какъ сказалъ я, мы были столько умѣренны, что наше единомысліе стало виднѣе разъединенія, и благопріятными расположеніями той и другой стороны почти закрыто происшедшее. Поелику же для прочности мира недостаточно одной послѣдственности въ примиреніи, если оно не будетъ подкрѣплено разумомъ, и разуму не будетъ сборникомъ самъ Богъ, отъ Котораго всякое добро получаетъ начало и приходитъ въ совершенство: то молитвою и размышленіемъ постараемся утвердить въ силѣ наше примиреніе.

Помыслимъ, во-первыхъ, о превосходнѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго Богъ (если только не найдетъ кто приличнѣйшимъ поставить Его и выше сущности (*ἑὸς ἑἶναι*), или въ Немъ заключить все бытіе, такъ какъ отъ Него сообщается бытіе и прочему); помыслимъ, во-вторыхъ, и о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, то есть, объ Ангельскихъ и небесныхъ Силахъ, которыя первыя

пiють отъ Перваго Свѣта, и, просвѣтленныи словомъ истины, сами суть свѣтъ и отблески Совершеннаго Свѣта. Симиъ существамъ ничто такъ не свойственно, какъ миръ и безмятежiе. Ибо въ Божествѣ нѣтъ несогласiя, потому что нѣтъ и разъединенiя (такъ какъ разъединенiе есть слѣдствiе несогласiя): но въ Немъ столько согласiя и съ Самимъ Собою и со вторичными существами, что наряду съ другими, и предпочтительно предъ другими именами, какими угодно назваться Богу, сiе преимущественно стало Его именованiемъ. Онъ называется *миромъ* (Ев. 2, 14.), *любовiю* (1 Иоан. 4, 16.) и подобными именами, внушая намъ самими наименованiями стремиться къ стяжанiю сихъ совершенствъ. А изъ Ангеловъ тотъ, который дерзнулъ прозвѣсть возмущенiе, и выше своего достоинства вознесъ выю противъ Господа Вседержителя, или, по пророческому слову, замыслилъ о *престолѣ выше облака* (Ис. 14, 13. 14.), — понесъ наказанiе, достойное высокоумiя, осужденъ быть вмѣсто свѣта тмою, или, справедливѣе сказать, самъ сталъ тмою. Между тѣмъ прочiе пребываютъ въ своемъ достоинствѣ, въ которомъ главное составляетъ миръ и безмятежiе, потому что отъ Всехвальна и Свѣтлыя Троицы, отъ Которой имѣютъ они свѣтозарность, получили и то, чтобъ быть едино. Потому что и Троица есть и исповѣдуется Богъ Единный не менѣе по согласiю, какъ по тождеству сущности. Посему всѣ тѣ, которые любятъ благо мира, и напротивъ того ненавидятъ раздоръ и отвращаются его, близки къ Богу и Божественнымъ духамъ; а тѣ, которые браннолюбивы и правомъ,

ищутъ славы въ нововведеніяхъ и тщеславятся тѣмъ, чего бы надлежало стыдиться, принадлежать къ противоположной сторонѣ. Ибо и діаволь не только самъ съ собою въ раздорѣ, по своей многовидности и по своимъ страстямъ, но тоже производитъ и въ другихъ, какъ челоуѣкоубійца искони и ненавистникъ добра, прикрывая себя тмою возмущенія (дабы *сострѣляти во мраць* общее тѣло Церкви); съ каковымъ ухищреніемъ и лукавствомъ, думаю, приступаетъ онъ по большей части и къ каждому изъ насъ, и тайно высматриваетъ въ насъ мѣсто, гдѣ бы совершенно ворваться, какъ храбрый воинъ вторгается въ проломленную стѣну или въ прорванный строй.

Итакъ необходимость доброжелательства и согласія достаточно уже доказывается симъ однимъ, то есть, подражаніемъ Богу и существамъ Божественнымъ; ибо на нихъ только взирать и безопасно душѣ, созданной по образу Божію, дабы стремленіемъ къ Божественному и носильнымъ уподобленіемъ въ наибольшей мѣрѣ сохранить ей свое благородство. Сверхъ сего внимая гласу Божію, *воззримъ еще на небо горъ и на землю низу* (Ис. 8, 22.), и выикнемъ въ законы твари. Небо, земля, море, словомъ — весь сей міръ, сія великая и преславная книга Божія, въ которой открывается самымъ безмолвіемъ проповѣдуемый Богъ, сей міръ доколѣ стоитъ твердо и въ мирѣ съ самимъ собою, не выстуая изъ предѣловъ своей природы, доколѣ въ немъ ни одно существо не возстаетъ противъ другаго и не разрываетъ тѣхъ узъ любви, которыми все связалъ Художникъ — Творческое Слово:

дотолѣ соотвѣтствуетъ своему названію и подлинно есть міръ (*κόσμος*) и красота несравненная; дотолѣ ничего не лзя представить себѣ славнѣе и величественнѣе его. Но съ прекращеніемъ мира и міръ перестанетъ быть міромъ. Въ самомъ дѣлѣ не примѣчаешь ли, что законъ любви управляетъ небомъ, когда оно въ стройномъ порядкѣ сообщаетъ воздуху свѣтъ и землѣ дожди? А земля и воздухъ не родительской ли любви подражаютъ, когда даютъ всѣмъ животнымъ одна пищу, другой возможность дышать, и тѣмъ поддерживаютъ жизнь ихъ? Не миромъ ли управляются времена года, которыя, кротоко между собою растворяясь, постепенно заступаютъ одно мѣсто другаго, и средними временами смягчаютъ суровость крайнихъ, служа тѣмъ вмѣстѣ къ удовольствію и къ пользѣ? Что сказать о днѣ и ночи, которыя уравниваются другъ съ другомъ, равномерно возрастаю и убывая, изъ которыхъ одинъ призываетъ насъ къ дѣламъ, а другая къ покою? Что сказать о солнцѣ и лунѣ, о красотѣ и множествѣ звѣздъ, которыя стройно появляются и заходятъ? Что сказать о морѣ и сушѣ, которыя мирно между собою соединяясь, благосклонно и человѣколюбиво передаютъ другъ другу человѣка, и богато и щедро расточаютъ ему свои сокровища? Что сказать о рѣкахъ, которыя текутъ чрезъ горы и поля и не выступаютъ изъ своихъ предѣловъ, развѣ только для пользы, *ниже обращаются покрыти землю* (Пс. 103, 9.)? Что сказать о смѣшеніи и раствореніи стихій? Что сказать о соразмѣрности и согласіи членовъ, о пищѣ, о рожденіи и обитаніи, опредѣленныхъ каждому животному,

изъ которыхъ однѣ господствуютъ , другія подчиняются, однѣ покорны намъ, другія свободны? Если все сіе бываетъ такъ и распоряжается и управляется по первоначальнымъ законамъ гармоніи , такъ какъ бы все вмѣстѣ текло, одно имѣло дыханіе: то можно ли сдѣлать изъ сего другое заключеніе, кромѣ того, что все проповѣдуетъ намъ о дружествѣ и единомысліи, что все предписываетъ намъ законъ единодушія? Но когда въ мірѣ вещество возмутится само противъ себя и, своимъ смятеніемъ готови разрушеніе, сдѣлается неукротимымъ, или когда Богъ, въ страхъ и наказаніе грѣшникамъ, нарушитъ нѣсколько стройный порядокъ или наводненіемъ моря, или землетрясеніемъ, или необыкновенными дождями, или помраченіемъ солнца, или продолжительностію какого-нибудь времени года, или изверженіемъ огня: тогда нестроеніе и страхъ разливаются на все, и среди смятенія открывается, сколь благодѣтеленъ миръ.

Не буду говорить о томъ, что миромъ поддерживаются, а отъ несогласія приходятъ въ разстройство города, царства, лики поющихъ, войска, дома, общества плывущихъ на одномъ кораблѣ, супружества и дружескіе союзы: остановлюсь на Израилѣ, и напомнивъ вамъ объ его бѣдствіяхъ, разсѣяніи и скитаніи, въ какомъ находится онъ нынѣ, и долго еще будетъ находиться (въ чемъ вѣрю пророчествамъ), спрошу потомъ васъ о достовѣрно вамъ известной причинѣ сихъ несчастій, дабы бѣдствія другихъ научили насъ единомыслію.

Не правда ли, что доколѣ Израильтяне сохраняли миръ между собою и съ Богомъ, мучимые въ Египтѣ,

кавъ въ жѣлѣзной печи, и соединяемые общимъ утѣ-
 сненіемъ (иногда и утѣсненіе служить спаситель-
 нымъ врачевствомъ): дотолѣ назывались они *язы-*
камъ святымъ, *часкою Господнею* и *царскимъ*
священіемъ (Исх. 19, 6, Втор. 32, 9.)? И не име-
 немъ только были они таковы, а на дѣлѣ иные. Или
 управляли вожди, водимые Богомъ, днемъ и ночью
 путешествовали ихъ столпъ огненный и облачный;
 во время бѣгства для нихъ разступилось море; ког-
 да алкали, небо подавало имъ пищу; когда жажда-
 ли, камень источало имъ воду; когда сражались,
 87 воздѣіаніе рукъ заимало имъ тысячи воиновъ, при
 помощи молитвы воздвигало побѣдные памятники
 и пролагало путь впередъ; предъ ними отступали
 рѣки, подражая однородному морю, останавлива-
 лись стихіи и стѣны падали отъ звука трубъ. Что
 сказать о язвахъ Египетскихъ, о гласахъ Божіихъ,
 слышанныхъ съ горы, о двоякомъ законодательствѣ, —
 одномъ въ письмени, а другомъ въ духѣ, и о всемъ
 томъ, чѣмъ нѣкогда почтены были Израильтяне выше
 своего достоинства? — Но когда впали они въ бо-
 лѣзнь, съ яростію возстали другъ на друга, раз-
 дѣлились на многія части, будучи доведены до по-
 88 слѣдней крайности крестомъ и своимъ упорствомъ,
 съ какимъ возстали противъ Бога и Спасителя на-
 шего, не познавъ Бога въ человекѣ; когда навѣкли
 на себя тотъ *жезлъ жельзный* (Пс. 2, 9.), кото-
 рымъ Богъ угрожалъ имъ издавеча (разумѣю гос-
 подствующую нынѣ Державу, и преобладающее
 царство): тогда что стало? Чего не потерпѣли они?
 Іеремія плачетъ о прежнихъ ихъ бѣдствіяхъ и съ-
 туетъ о плѣненіи Вавилонскомъ: подлинно и то

было достойно плача и стона. Какъ не пролить было горькихъ слезъ , когда стѣны раскопаны, городъ сравненъ съ землею, святилище разрушено, приношенія разграблены, нечистыя ноги вступаютъ въ недоступное, скверныя руки на службу сластолюбію берутъ неприкосновенное, Пророки умолкли, священники отводятся въ плѣнь , къ старѣйшинамъ нѣтъ милости , дѣвы предаются поруганію, юноши падаютъ , огонь чуждый и огонь брани, также рѣки крови заступаютъ мѣсто священнаго огня и крови, Назореи влачимы по стогнамъ , пѣсни замѣнены плачемъ, и, скажу собственными словами Плача Иереміина , *сынове Сіони честнии* (Плач. 4, 2.) и равноцѣнные злату , жившіе въ довольствѣ и не испытавшіе бѣдствій , идутъ необыкновеннымъ путемъ, а *путье Сіони рыдають, яко нѣсть праздноующихъ* (1, 4.)? А не задолго прежде сего: *руцѣ жень милосердыхъ* (4, 10.), при усиливающейся осадѣ, не дѣтямъ подаютъ пищу , но дѣтей терзаютъ себѣ на пищу, и утоляютъ голодъ свой тѣмъ, что для нихъ всего любезнѣе. Не ужасно ли сіе, не верхъ ли ужаса не только для терпѣвшихъ тогда, но и для слышащихъ о семъ нынѣ? Всякій разъ, какъ беру въ руки сію книгу и читаю Плачъ (а читаю его всякій разъ, когда хочу чтеніемъ уцѣломудрить благоденствіе), голосъ у меня прерывается, слезы льются сами собою, бѣдствіе какъ бы совершается предъ моими глазами, и я плачу съ плакавшимъ Пророкомъ. — Но кто изъ умѣющихъ славать плачевныя пѣсни, и вполне изобразить скорбь словомъ, достойно оплачетъ послѣдній ударъ, — преселеніе Израильтянъ , нынѣ тяготящее надъ ними

Видно, что в
этомъ
фрагментѣ
есть что-то
особенное

иго рабства, вѣсьмъ извѣстное подъ Римскимъ владычествомъ униженіе, главнѣйшею виною котораго было возмущеніе? Какія книги вмѣстятъ сіе? Для нихъ одинъ памятникъ бѣдствія, — цѣлая вселенная, по которой они разбѣяны, прекратившееся Богослуженіе, едва узнаваемое нынѣ мѣсто самага Іерусалима, который въ той только мѣрѣ для нихъ доступенъ и тѣмъ только ихъ услаждаетъ за прежнюю славу, что они, явившись тамъ на одинъ день, могутъ оплакать запустѣніе.

Если же возмущеніе дѣйствительно такъ страшно и губительно по своимъ послѣдствіямъ, какъ видно изъ сказаннаго и какъ показываютъ многіе другіе примѣры: то гораздо страшнѣе людямъ, которые освободились уже отъ мелочной привязчивости и вкусили благъ мира, снова подвергнуться той же болѣзни и, какъ говорится, возвратиться на свою блевотину, не вразумившись самымъ опытомъ, который поучителенъ и для несмысленныхъ. Ибо, какъ вижу, легкомысленными и неразумными почитаютъ не тѣхъ, которые преданы какому-либо пороку, но тѣхъ, которые, подобно переменчивымъ вѣтрамъ, или переменамъ и приливамъ воды въ Еврипахъ (г), или непостояннымъ волнамъ моря, легко увлекаются и переходятъ то на ту, то на другую сторону. Примѣчаю и то, что остающихся въ раздорѣ дѣлаетъ болѣе доступными по крайней мѣрѣ надежда на согласіе, которая облегчаетъ боль-

(г) Еврипомъ называется проливъ между Аттикою и островомъ Евбеєю.

шую часть ихъ несчастія; потому что для несчастнаго великое утѣшеніе — надѣяться на перемѣну и имѣть въ виду нѣчто лучшее: но тѣ, которые часто приступали къ единомыслію, и всегда снова устремлялись къ раздору, сверхъ всего другаго, лишаются и надежды на лучшее, боятся согласія не менѣе, чѣмъ раздора, и по причинѣ удобопреклонности къ тому и другому и непостоянства, ни тому, ни другому не довѣряють.

Да не подумаютъ однако же, будто бы я утверждаю, что всякимъ миромъ надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласіе, и самое пагубное единомысліе; но должно любить добрый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяющій съ Богомъ. И если нужно о томъ выразиться кратко, то скажу свою мысль: не хорошо быть и слишкомъ вялымъ и чрезъ мѣру горячимъ, такъ чтобы или, по мягкости нрава, со всѣми соглашаться, или, изъ упорства, со всѣми разногласить. Какъ вялость недѣтельна, такъ удобопреклонность на все необщительна. Но когда идетъ дѣло объ явномъ нечестіи, тогда должно скорѣе идти на огонь и мечъ, не смотрѣть на требованія времени и властителей и вообще на все, нежели приобщаться лукаваго кваса и прилагаться къ зараженнымъ. Всего страшнѣе бояться чего либо болѣе, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателемъ ученія вѣры и истины. Но когда огорчаемся по подозрѣнію и боимся, не изслѣдовавши дѣла; тогда терпѣніе предпочтительнѣе поспѣшности, и снисходительность лучше настойчивости. Гораздо лучше и полезнѣе, не отлагаясь отъ общаго тѣла, какъ чле-

намъ онаго, исправлять другъ друга и самимъ исправляться, нежели, преждевременно осудивъ своимъ отлученіемъ и тѣмъ разрушивъ довѣренность, потомъ повелительно требовать исправленія, какъ свойственно властелинамъ, а не братіямъ.

Познавъ сіе, братія, обьемемъ и облобызаемъ другъ друга, будемъ искренно едино, будемъ по-дражать *Разорившему средостѣнныя ограды*, и кровію Своею все собравшему и примирившему. Скажемъ сему общему отцу, досточтимому старцу, кроткому и тихому Пастырю: видишь ли какая награда за смиреніе? *Возведи окрестъ очи твои, и видишь собранная чада твоя* (Ис. 60, 4.). Они собраны, какъ ты сего желалъ, и чего единого просилъ день и ночь, дабы кончить свое странствованіе въ старости доброй. Вотъ они всѣ пришли къ тебѣ, упокоиваются подъ крылами твоими и окружаютъ свой алтарь; со слезами они удалились, съ радостію возвращаются. Радуйся и увеселяйся, наилучшій и чадолюбивѣйшій изъ отцевъ, потому что ты какъ невеста убранствомъ одѣяна и облечена всѣми ими. Снажи и ты намъ: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Ис. 8, 18.)! Приложи и другое слово Господне, особенно нынѣ приличное: *изже далъ еси мнѣ, сохранихъ* (Іоан. 17, 12.), и изъ нихъ ни единого не погубилъ. И о если бы никто не погибъ, но всѣ мы пребыли въ единомъ духѣ, единодушно сподвизались за Евангельскую вѣру, едино мудрствовали; вооружаясь щитомъ вѣры, препоясавъ чресла истиною, знали одну только брань,—брань противъ лукаваго и противъ воинствующихъ подъ его начальствомъ; не боялись тѣхъ,

которые могут убить тѣло, но не могут похитить души; боялись же Господа души и тѣла; сохранили драгоценный залогъ, полученный нами отъ отцевъ, то есть, поклонялись Отцу, и Сыну, и Святому Духу, въ Которыхъ мы крестились, въ Которыхъ увѣровали, съ Которыми сочетались; познавали Отца въ Сынѣ, Сына въ Духѣ, прежде соединенія раздѣляли, прежде раздѣленія соединяли; не почитали Трехъ за единого (потому что они не безъупостасны и не одну составляютъ упостась, такъ что богатство наше не въ однихъ именахъ, но въ самой вещи), и вѣрили, что Три суть едино,—едино же не упостасію, но Божествомъ—Единица въ Троицѣ покланяемая, и Троица въ Единицѣ возглавляемая, вся достопокланяемая, вся царственная, единопредстольная, равнославная, премірная и превышая времени, несозданная, невидимая, неприкосновенная, непостижимая, Сама только вѣдущая о Себѣ, какой порядокъ имѣетъ Сама въ Себѣ: а для насъ равно досточтимая, достойная равнаго служенія, Единая входящая во Святаго Святыхъ, всякую же тварь оставляющая внѣ, и отдѣляющая иныхъ первую, а другихъ второю завѣсою; такъ первую отдѣлены отъ Божества существа небесныя и Ангельскія, второю же отдѣлено наше естество отъ существъ небесныхъ.

Такъ, братія; будемъ поступать и такъ вести себя, и разномыслищихъ, доколѣ можно, будемъ принимать и врачевать какъ язву истины; страждущихъ же неисцѣльно станемъ отвращать, чтобы самимъ не заразиться ихъ болѣзнію, прежде

нежели сообщимъ имъ свое здравіе. И Богъ мира,
всякъ умъ превосходящаго, будетъ съ нами, во
Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава
во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 7,

**НАДГРОВНОЕ БРАТУ КЕСАРИЮ, ГОВОРЕННОЕ ЕЩЕ
ПРИ ЖИЗНИ РОДИТЕЛЕЙ.**

Можетъ быть, думаете вы, друзья, братія и отцы, —любезные дѣломъ и именемъ! что я охотно приступаю къ слову, желая слезами и сътованіемъ сопроводить отшедшихъ отъ насъ, или предложить длинную и витіеватую рѣчь, каковыми многіе услаждаются. И одни готовятся скорбѣть и проливать со мною слезы, чтобы вмѣстѣ съ моимъ горемъ оплакать свое, какое у кого есть, и научиться скорби въ страданіяхъ друга; другіе же надѣются насытить слухъ и получить удовольствіе, предполагая, что и самое несчастіе обращу въ случай показать себя, какъ бывало со мною прежде, когда, кромѣ прочаго, довольно избыточествовалъ я предметами слова, и щедръ былъ на самія слова, пока не воззрѣлъ къ истинному и высочайшему Слову, не предалъ всего Богу, отъ Котораго все, и въ замѣнъ всего не пріялъ Бога. Нѣтъ; не такъ о мнѣ разумѣйте, если хотите разумѣть справедливо. Не буду болѣе надлежащаго плакать объ умершемъ я, который не одобряю сего въ другихъ. Не стану и хвалить сверхъ мѣры и приличія; хотя слово для

обладавшего даромъ слова, и хвала для любившаго особенно мои слова, есть такой даръ, который ему приятенъ и приличнѣ всякаго дара, и не только даръ, но долгъ, который справедливѣ всякаго долга. Однако же пролью слезы, и почту удивленіемъ, сколько сіе оправдываетъ данный на то законъ; ибо и это не чуждо нашему любомудрію; такъ какъ *память праведныхъ съ похвалами* (Притч. 10, 7.).

Надъ мертвецемъ источи слезы, и якоже злы страждущъ начни плачь (Сир. 38, 16.), говорить нѣкто; равно предотвращая насъ и отъ нечувствительности и отъ неумѣренности въ скорби. Потомъ покажу немощь человѣческаго естества, упомяну и о достоинствѣ души. Какъ сѣтующимъ подамъ должное утѣшеніе: такъ скорбь отъ тѣлеснаго и временнаго возведу къ духовному и вѣчному.

Начну, съ чего для меня всего приличнѣ начать. Всѣмъ вамъ извѣстны родители Кесаріевы; и видимы и слышимы вами ихъ добродѣтели; вы раздражаете и удивляетесь имъ, а не знаящимъ, ежели есть такое, рассказываете о нихъ, избирая для сего—однѣ то, другой другой. Да и не возможно было бы одному пересказать о всемъ; такое дѣло, сколько бы кто ни былъ неумомимъ и ревностенъ, требуетъ не одного языка. Изъ многихъ же и великихъ качествъ, похвальныхъ въ нихъ (да не подумаютъ, что престопаю мѣру, хваля своихъ!), одно всѣхъ важнѣе и не уступаетъ прочимъ въ знаменитости; это—благочестіе. Скажу и то, что сіи почтенные люди украшены сѣдинами, равно заслуживаютъ уваженіе и за добродѣтель и за преста-

рѣлость. Тѣла ихъ истощены лѣтами, но души ютѣютъ Богомъ.

Отець , бывшій дикою маслиной , искусно привить къ маслинѣ доброй, и до того напоенъ ея соками, что ему поручено прививать другихъ, вѣрено врачеваніе душъ. Сподобившись высокаго сана и почтенный высокимъ предсѣдательствомъ у людей сихъ, какъ второй Ааронъ , или Моисей, приближается онъ къ Богу, и другимъ, стоящимъ издали, преподаетъ Божіи глаголы. Онъ кротокъ , не гнѣвливъ, спокоенъ по наружности, горячь духомъ, обилень дарами видимыми, но еще болѣе обогащенъ сокровенными. Но для чего описывать , кого вы сами знаете? Если и надолго простру слово; не скажу , сколько бы надлежало , и сколько каждый изъ васъ знаетъ и желаетъ слышать. Лучше представить всякому думать по-своему, нежели, изображая чудо словомъ, убавить большую часть онаго.

А матеръ издревле и въ предкахъ посвящена Богу; не только сама обладаетъ благочестіемъ, какъ неотъемлемымъ наслѣдіемъ , но передаетъ оное и дѣтямъ. Дѣйствительно, отъ святаго начатка и приращеніе свято (Рим. 11, 16.). И она до того возростила и приумножила сіе наслѣдіе, что нѣкоторые (скажу и сіе смѣлое слово) увѣрены и увѣряютъ, будто бы совершенства, видимыя въ мужѣ , были единственно ея дѣломъ, и (что чудно) въ награду за благочестіе жены дано мужу большее и совершеннѣйшее благочестіе.

Всего же удивительнѣе то , что оба они и чадолюбивы, и христолюбивы; вѣрнѣе же сказать, больше христолюбцы , нежели чадолюбцы. Для нихъ

и въ дѣтяхъ одно было утѣшеніе, чтобы прославлялись и именовались по Христу; подѣ благочадіемъ разумѣли они добродѣтель и приближеніе дѣтей къ совершенству. Они милосерды, сострадательны, многое спасаютъ отъ тли, отъ разбойниковъ и отъ міродержителя; сами изъ временнаго жилища переселяются въ постоянное, и дѣтямъ собираютъ драгоценнѣйшее наслѣдіе—будущую славу. Такъ достигли они маститой старости, равно уважаемые и за добродѣтель, и за возрастъ, исполненные дней, какъ преходящихъ, такъ и пребывающихъ. Въ томъ только не имѣютъ они первенства между земнородными, въ чемъ каждый изъ нихъ препятствуетъ другому стоять первымъ. Для нихъ во всемъ исполнилась мѣра благополучія; развѣ иной исключить послѣднее событіе, которое не знаю какъ называть — испытаніемъ ли, или Божиимъ смотрѣніемъ. Но я назвалъ бы смотрѣніемъ; потому что, предпославъ одного изъ дѣтей, который по возрасту могъ скорѣе поколебаться, тѣмъ свободнѣе могутъ они сами отрѣшиться отъ жизни, и со всемъ домомъ возноситься къ горнему.

Все сіе говорено мною не съ намѣреніемъ восхвалить родителей; ибо знаю, что едва ли бы кто успѣлъ въ этомъ, хотя бы на похвалы имъ посвятилъ и цѣлое слово. Я хотѣлъ только изъ свойства родителей показать, какова должна быть добродѣтель Кесаріева. Не удивляйтесь же и не почитайте невѣроятнымъ, что при такихъ родителяхъ явилъ онъ себя достойнымъ такихъ похвалъ. Напротивъ того удивительно было бы, если бы, презрѣвъ домашніе и близкіе примѣры, подражалъ онъ

другимъ. И дѣйствительно, начало было таково, какое и приличествовало человѣку, который имѣлъ благородное происхожденіе, и общалъ въ послѣдствіи жизнь превосходную. А средину сокращу: красота, величественность роста, во всемъ пріятность и, какъ бы въ звукахъ, стройность — такіа были преимущества въ Кесаріи, которымъ удивляться не наше дѣло, хотя для другихъ и кажутся онѣ немаловажными. Перейду же къ послѣдующему, о чемъ трудно и умолчать, хотя бы захотѣлъ.

Въ такихъ правилахъ воспитанные и наставленные, по достаточномъ упражненіи здѣсь (а) въ наукахъ, въ которыхъ, по быстротѣ и высокости дарованій (трудно и сказать, сколько) превзошелъ онъ многихъ, (могу ли безъ слезъ вспомнить о семъ, и отъ горести противъ обѣщанія не изблѣчить себя въ нелюбомудріи?) когда наступило время оставить намъ родительскій домъ, мы въ первый еще разъ разлучились другъ съ другомъ. Я, по любви къ краснорѣчію, остался въ процвѣтавшихъ тогда Палестинскихъ училищахъ, а онъ отправился въ Александрію, въ этотъ городъ, который и тогда, и донинѣ, былъ и почитался источнымъ мѣстомъ всякаго образованія.

Какое же изъ совершенствъ его наименую первымъ, или важнѣйшимъ? о чемъ умолчу безъ величайшаго ущерба слову? Кто довѣрчивѣе его былъ къ наставникамъ? Кто дружелюбнѣе съ сверстниками? Кто больше его убѣгалъ сообществъ и бе-

(а) Въ Назіанзѣ.

сѣдъ съ неблагонаправными? Кто вступилъ въ тѣснѣйшее общеніе съ людьми отличнѣйшими, какъ съ чужеземцами, такъ и изъ соотечественниковъ наиболѣе одобряемыми и извѣстными? Онъ зналъ, что короткое обращеніе съ людьми немало способствуетъ къ навыку и въ добродѣтели, и въ пороки. А за такія качества, кто болѣе его отличаемъ былъ начальствомъ, уважаемъ въ цѣломъ городѣ? И хотя, по обширности города, всѣ оставались въ безвѣстности; однако же кто былъ извѣстнѣе его цѣломудріемъ, славнѣе умомъ? Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Или лучше сказать, въ какой наукѣ не успѣлъ болѣе, нежели какъ успѣвалъ другой, занимаясь ею одною? Кто, не только изъ сверстниковъ по ученію и лѣтамъ, но изъ старшихъ возрастомъ и начавшихъ учиться прежде него, могъ съ нимъ, хотя нѣсколько, сравниться? Онъ изучалъ всѣ науки какъ одну, и одну какъ всѣ. Быстрыхъ по дарованіямъ побѣждалъ трудолюбіемъ, и неутомимыхъ въ занятіяхъ — остротою ума; вѣрнѣе же сказать: скорыхъ превосходилъ скоростію, трудолюбивыхъ — прилежаніемъ, а преимуществовавшихъ въ томъ и другомъ — и тѣмъ и другимъ. Изъ Геометріи, изъ Астрономіи и изъ науки, для другихъ опасной (б), избиралъ онъ полезное, сколько нужно, чтобы, познавъ стройное теченіе и порядокъ небесныхъ тѣлъ, благоговѣть предъ Творцемъ; а что въ сей наукѣ есть вредное, того убѣгалъ, и теченію звѣздъ не подчинялъ ни существъ, ни явленій, какъ

(б) Астрологія.

дѣлають иные, сослужебную себѣ тварь поставляющіе наряду съ Творцемъ; напротивъ того, самое движеніе звѣздъ, какъ и все прочее, приписывалъ онъ, сколько должно, Богу. Что же касается до науки чиселъ и ихъ отношеній, также до чуднаго врачебнаго знанія, которое углубляется въ свойство естествовъ и темпераментовъ и въ начала болѣзней, чтобы исторгая корни, отсѣкать и вѣтви; то найдется ли человѣкъ столько невѣжественный, что далъ бы Кесарію второе мѣсто, а не предпочелъ лучше стать первымъ послѣ него, и имѣть совершенство между вторыми? И все сіе не осталось незасвидѣтельствованнымъ; напротивъ того Востокъ, Западъ и всѣ страны, гдѣ только въ послѣдствіи бывалъ Кесарій, служатъ знаменитыми памятниками его учености.

Когда же въ единую душу свою, какъ въ большой корабль, нагруженный всякими товарами, собравъ всѣ добродѣтели и свѣдѣнія, отправился онъ въ отечественный свой городъ, чтобы и другихъ надѣлать сокровищами своей учености; тогда случилось нѣчто удивительное. И какъ воспоминаніе о семъ меня особенно восхищаетъ, а можетъ быть и вамъ доставить удовольствіе; то не излишнимъ будетъ пересказать о томъ кратко. Матерь, въ материнскихъ и чадолюбивыхъ молитвахъ своихъ, просила Бога, чтобы ей обоихъ насъ, какъ отпустила вмѣстѣ, такъ и возвратившимся увидѣть вкушѣ. Ибо мы, когда бывали вмѣстѣ, казались какою-то двоицею, если не для другихъ, то для матери, достойною благожеланій и лицезрѣнія, хотя теперь

и разлучены по злобной зависти (в). А тогда Богъ, Который внемлетъ праведной молитвѣ, и награждаетъ любовь родителей къ благодѣтельнымъ дѣтямъ, подвигъ насъ, безъ всякаго съ нашей стороны соумышленія и соглашенія, одного изъ Александріи, а другаго изъ Греціи, одного сушею, а другаго моремъ, прибыть въ одно время и въ одинъ городъ. Это была Византія, городъ первопрестольный нынѣ въ Европѣ, въ которомъ Кесарій, по прошествіи немногаго времени, приобрѣлъ такую славу, что ему предложены были отличія въ обществѣ, знатное супружество и мѣсто въ Сенатѣ. Даже по общему приговору отправлено къ великому Царю (г) посольство съ прошеніемъ, первый изъ городовъ, если Царь желаетъ сдѣлать его дѣйствительно первымъ и достойнымъ сего наименованія, почтить и украсить первымъ изъ ученыхъ мужей, а чрезъ сіе заставить, кромѣ прочаго, говорить о Византіи, что она, при иныхъ преимуществахъ, изобилуя многими мужами, отличными въ знаніи философіи и другихъ наукъ, имѣетъ еще у себя врачей и гражданномъ Кесаріи. Но о семъ довольно. А что съ нами тогда встрѣтилось, хотя казалось инымъ одною случайностію, не имѣвшею ни основанія, ни причины, какъ и многое въ нашей жизни приписывается случаю: однако же для боголюбивыхъ ясно въ

(в) То есть, діавола, который, своею прелестію склонивъ прародителей къ преслушанію, подвергъ всѣхъ насъ осужденію и смерти.

(г) Констанцію, котораго не было тогда въ Константинополѣ.

себѣ показывало не дѣло случая, но исполненіе молитвы благочестивыхъ родителей, по которой собираются къ нимъ дѣти и съ суши и съ моря.

Не умолчу и о томъ прекрасномъ качествѣ Кесарія, которое инымъ представляется, можетъ быть, маловажнымъ и не стоящимъ упоминанія, но мнѣ и тогда казалось, и теперь кажется весьма важнымъ, если только похвально братолюбіе. И когда ни буду говорить о дѣлахъ Кесаріевыхъ, не перестану причислять сего къ первымъ совершенствамъ. Въ Византіи, какъ сказала я, удерживали его почестями, и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашались отпустить. Однако же перевозомъ я, во всемъ уважаемый и высоко цѣнимый Кесаріемъ; я убѣдиль его исполнить моленіе родителей, свой долгъ къ отечеству, а также и мое желаніе; убѣдиль продолжить путь, и притомъ вмѣстѣ со мною, предпочтеть меня не только городамъ и народамъ, почестямъ и выгодамъ, которыя отвсюду обильно или уже лились къ нему, или льстили надеждою, но сдѣла и не самому Государю и его приказаніямъ. Что до меня, то съ сего времени, отбросивъ всякое честолюбіе, какъ тяжкое иго властелина или мучительную болѣзнь, рѣшился я посвятить себя любомудрью и стремиться къ горней жизни; или лучше сказать, такое желаніе началось во мнѣ ранѣе сего, но образъ жизни принять послѣ. Кесарій же первые плоды учености посвятилъ своей родинѣ, и своими трудами заслуживъ должное уваженіе, потомъ увлеченъ былъ желаніемъ славы и, какъ меня увѣрялъ, желаніемъ сдѣлаться полезнымъ для города. Онъ отправился къ царскому двору, — что мнѣ

3.

не совсѣмъ правилось, и не по моему было расположенію; ибо (извинюсь предъ вами) для меня лучше и выше быть послѣднимъ у Бога, нежели занимать первое мѣсто у земнаго царя. Однако же поступокъ Кесаріевъ не заслуживалъ и укоризны; ибо жизнь любомудренная, какъ всего выше, такъ и всего труднѣе; она и возможна не для многихъ, а только для тѣхъ, которые призваны къ сему высокимъ Божиимъ Умомъ, благопоспѣшествующимъ въ благомъ предпріятіи. Но не мало важно и то, ежели кто, избравъ второй родъ жизни, сохраняетъ непорочность, и болѣе помышляетъ о Богѣ и о своемъ спасеніи, нежели о своей славі; кто дѣйствуя на позорищѣ сего міра, хотя принимаетъ почести, какъ снѣ или личину разнообразнаго и временнаго, однако же самъ живетъ для Бога и блюдетъ въ себѣ образъ, о которомъ знаетъ, что получилъ его отъ Бога, и за который обязанъ дать отчетъ Даровавшему. А я знаю, что таковъ точно былъ образъ мыслей Кесарія. — Ему дается первое мѣсто между врачами; для чего не потребовалось и большихъ усилій, а стоило только показать ему свои свѣдѣнія, или даже одну предварительную часть своихъ свѣдѣній. Вскорѣ включенъ онъ въ число приближенныхъ къ Государю, и получаетъ самыя высокія почести. Между тѣмъ предлагаетъ высшимъ чиновникамъ пособія своего искусства безмездно, зная, что къ возвышенію всего вѣрнѣе ведетъ добродѣтель и извѣстность, пріобрѣтенная честными средствами. А чрезъ сіе далеко превзошелъ онъ славою тѣхъ, ниже которыхъ былъ чиномъ. Всѣ любили его за цѣломудріе, и повѣряли ему свое драгоцен-

нѣйшее (д), не требуя съ него Иппократовой клятвы; даже простодушіе Кратесово въ сравненіи съ Кесаріевымъ было ничто. Всѣми онъ уважаемъ былъ болѣе и того, чего стоилъ; и хотя ежедневно удостоивался важныхъ отличій, однакоже и сами Государи, и всѣ первые послѣ нихъ люди въ государствѣ, почитали его достойнымъ впредь еще большихъ почестей. Всего же важнѣе то, что ни слава, ни окружающая роскошь не могли повредить благородства души его. Напротивъ того, при многихъ и важныхъ отличіяхъ, одно только достоинство почиталъ онъ первымъ, — и быть и именоваться Христіаниномъ; а все прочее, въ сравненіи съ симъ, казалось ему игрушкою и суетою. Другимъ предоставлялъ онъ забавляться тѣмъ, какъ бы на театрѣ, который наскоро строить, и потомъ разбирать, или скорѣе ломаютъ, нежели устанавляютъ; что и дѣйствительно видимъ въ многочисленныхъ переворотахъ жизни и въ перемѣнчивости счастья, такъ что подлинное и несомнѣнно постоянное благо одно, именно: благочестіе. Таковы были плоды Кесаріева любомудрія и подъ хламидою (е)! Въ такихъ мысляхъ онъ жилъ и умеръ, явивъ и доказавъ, по внутреннему человѣку, предъ Богомъ еще большее благочестіе, нежели какое было видимо людьми!

Но если должно мнѣ прейти молчаніемъ другія его дѣла, покровительство сродникамъ, впадшимъ въ несчастіе, презрѣніе къ надменнымъ, одинакое

(д) Здоровье.

(е) Сенаторскою одеждою.

уваженіе къ друзьямъ, свободу предъ начальниками, подвиги за истину, весьма часто и за многихъ сочиняемыя слова, не только сильныя доводами, но отличающіяся благочестіемъ и одушевленіемъ: то вмѣсто всего этого нужно сказать объ одномъ знаменитѣйшемъ изъ всѣхъ его дѣлъ.

Разсвирѣпѣлъ на насъ царь (ж) злоименный; онъ вознеистовствовалъ прежде на себя, отвергнувшись въры во Христа, а потомъ сталъ уже нестерпимъ и для другихъ. Не смѣло, не по примѣру другихъ христоненавистниковъ, передался онъ въ нечестіе, но прикрывалъ гоненіе личиною кротости, и подобно тому пресмыкающемуся змію, который владѣлъ его душою, всякими ухищреніями завлекалъ несчастныхъ въ одну съ собою бездну. Первою же изъ его хитростей и козней было — страждущихъ за Христіанство наказывать, какъ злодѣевъ, чтобы намъ не имѣть и чести Мучениковъ; ибо и въ семъ завидовалъ Христіанамъ сей великій мужъ. А вторая лестъ состояла въ томъ, что дѣлу своему придавалъ имя убѣжденія, а не насилія; чтобы произвольно уклоняющимся въ нечестіе тѣмъ больше было стыда, чѣмъ меньше предлежало имъ опасности. И онъ привлекалъ, кого деньгами, кого чинами, кого обѣщаніями, кого разнаго рода почестями, предлагая ихъ въ глазахъ всѣхъ не по-царски, но совершенно раболѣпно. На всѣхъ же старался дѣйствовать очаровательностію рѣчей и собственнымъ примѣромъ. Кромѣ многихъ другихъ, дѣлаетъ онъ

(ж) Юліанъ отступникъ.

покушеніе и на Кесарія. Какое тупоуміе и даже безуміе — надѣяться, что уловить Кесарія, моего брата и сына такихъ родителей!

Да позволено будетъ продлить слово и насладиться повѣствованіемъ, какъ услаждались присутствовавшіе при семъ чудномъ дѣлѣ! Доблестный мужъ, оградившись знаменіемъ Христовымъ, и вмѣсто щита прикрывшись великимъ словомъ, ¹³⁸ предстаетъ предъ сильнаго по оружію и великаго по дару слова, не теряетъ твердости, слыша льстивыя рѣчи, а является, какъ борецъ, готовый подвизаться словомъ и дѣломъ противъ сильнаго въ томъ и другомъ. И такъ поприще открыто; вотъ и подвижникъ благочестія! — Съ одной его стороны Подвигоположникъ Христосъ, вооружающій борца Своими страданіями, съ другой — жестокой властелинъ, то обольщающій привѣтливими рѣчами, то устрашающій обширностію власти. И зрителей также два рода: одни остаются еще въ благочестіи, другіе увлечены уже властелиномъ; но тѣ и другіе внимательно наблюдаютъ, какой оборотъ приметъ дѣло; и мысль, кто побѣдитъ, приводитъ ихъ въ большее смущеніе, нежели самихъ ратоборцевъ. Не убоился ли ты за Кесарія, не подумалъ ли, что успѣхъ не будетъ соответствовать его ревности? Но не сомнѣвайтесь: побѣда со Христомъ, побѣдившимъ міръ. Всего болѣе желалъ бы я пересказать теперь, что было тогда говорено и предлагаемо; потому что въ семъ преніи немало расточено тонкихъ оборотовъ и красотъ, которыя не непріятно было бы для меня возобновить въ памяти. Но это вовсе не приличествовало бы времени и предмету слова. Кесарій

рѣшилъ всѣ словоухищренія его, отвергъ скрытныя и явныя оболщенія, какъ дѣтскія игрушки, и громко возвѣстилъ, что онъ Христіанинъ, и будетъ Христіаниномъ: однакожь Царь не удалилъ его отъ себя совершенно. Ему сильно хотѣлось пользоваться и хвалиться Кесаріевою ученостію; и при семъ-то случаѣ произнесъ онъ слѣдующія, часто повторяемыя у всѣхъ, слова: «Благополучный отецъ! злополучныя дѣти!» Ибо симъ поруганіемъ онъ благоволилъ почитать вмѣстѣ и меня, извѣстнаго ему по Аѳинскому образованію и благочестію.

Между тѣмъ Кесарій, сберегаемый до втораго представленія къ Царю, котораго гибель Божій благовременно вооружилъ противъ Персовъ, возвратился къ намъ, какъ блаженный изгнанникъ, какъ побѣдоносецъ, не обагранный кровію и прославленный безчестіемъ болѣе, нежели блистательными отличіями. Такая побѣда, по моему сужденію, гораздо выше и почтеннѣе Юліанова могущества, высокой багряницы и драгоценной діадимы. И повѣствованіемъ о семъ превозношусь я болѣе, нежели какъ сталъ бы превозноситься, если бы Кесарій раздѣлялъ съ нимъ цѣлое царство. Если онъ уступаетъ злымъ временамъ, то дѣлаетъ по нашему закону, который повелѣваетъ бѣдствовать за истину, когда потребуютъ обстоятельства, и не измѣнять благочестію изъ робости, но также и не вызываться, пока можно, на опасность, какъ страшась за свою душу, такъ щадя и тѣхъ, которые повергаютъ насъ въ опасность.

Когда же мракъ разсѣялся, далекая страна прекрасно рѣшила дѣло, *оружіе очищенное* (Пс. 7, 13.)

низложило нечестивца, а Христіане снова восторжествовали: нужно ли говорить, съ какою тогда славою и честію, при какихъ и сколькихъ засвидѣтельствваніяхъ, принятъ опять къ царскому двору Кесарій, какъ будто онъ чрезъ сіе оказывалъ, а не самъ получалъ, милость? Новая почесть заступила мѣсто прежней. И хотя Государи перемѣнялись по времени; однако же доброе мнѣніе о Кесаріи и его первенство при. Дворѣ было непоколебимо. Даже Государи препирались между собою въ томъ, кто изъ нихъ болѣе ласкалъ Кесарія, и кто имѣлъ болѣе права назвать его искреннѣйшимъ другомъ и приближеннымъ. Таково было благочестіе Кесаріево, и таково воздаяніе за благочестіе! Пусть слышатъ о семъ и юноши и мужи, и пусть тою же добродѣтелию снискивають подобную знаменитость всѣ, которые домогаются оной, и почитаютъ ее частію благополучія! Только *благихъ трудовъ плодъ благославенъ* (Премудр. 3, 15).

Но вотъ еще чудное событіе въ жизни Кесаріевой, которое служитъ сильнымъ доказательствомъ богобоязненности, вмѣстѣ и его собственной, и родителей его. Кесарій проживалъ въ Вионіи, и былъ начальникомъ по такой части, которая близка къ самому Государю. Онъ былъ хранителемъ царской казны, и имѣлъ подъ своимъ смотрѣніемъ сокровища. А симъ Государь пролагалъ для него путь къ высшимъ чинамъ. Но во время недавняго въ Никей землетрясенія, которое, какъ сказываютъ, было ужаснѣе дотолѣ памятныхъ, и почти всѣхъ застигло и истребило вмѣстѣ съ великолѣпнѣмъ городомъ, изъ знатныхъ жителей едва-ли не одинъ, или

весьма съ немногими , спасается отъ гибели Кесарій. И спасеніе совершилось невѣроятнымъ для него самого образомъ : онъ былъ покрытъ развалинами и понесъ на себѣ только малые признаки опасности, сколько нужно сіе было для него , чтобы принять страхъ наставникомъ высшаго спасенія, и оставивъ служеніе коловратному , изъ одного царскаго двора поступивъ въ другой, совершенно перейти въ горнее воинство. Онъ самъ встрѣтился съ такою мыслию, и ревностно возжелалъ ея исполненія, какъ увѣрялъ меня въ письмахъ своихъ ; а я воспользовался случаемъ присовѣтовать то, къ чему и прежде не переставалъ увѣщавать , сожалѣя, что великія его дарованія обращены на худшее , что душа столько любомудрая погружена въ дѣла общественныя, и уподобляется солнцу , закрытому облакомъ.

Но спасшись отъ землетрясенія, Кесарій не спасся отъ болѣзни , потому что былъ человекъ: и первое принадлежало ему собственно, а послѣднее было ему общимъ со всѣми ; первымъ одолженъ онъ благочестію , а въ послѣднемъ дѣйствовала природа. Такъ утѣшеніе предшествовало горести , чтобы мы, пораженные его смертію , могли похвалиться чуднымъ его спасеніемъ въ то время. И теперь сохраненъ для насъ великій Кесарій; предъ нами драгоценный прахъ, восхваляемый мертвецъ, переходящій отъ пѣснопѣній къ пѣснопѣніямъ , сопровождаемый къ алтарямъ мученическимъ, чествуемый и святыми руками родителей, и бѣлою одеждою матери, замѣняющей въ себѣ горестъ благочестіемъ и слезами , которыя препобѣждаются любомудріемъ , и псалмопѣніями , которыми укрощается плачь ; предъ нами

пріемлющій почести, достойныя души новосозданной, которую Духъ преобразовалъ водою.

Таково тебѣ, Кесарій, погребальное отъ меня приношеніе! прими начатки моихъ рѣчей; ты часто жаловался, что скрываю даръ слова; и вотъ — на тебѣ надлежало ему открыться! Вотъ отъ меня тебѣ украшеніе, и очень знаю, что оно для тебя пріятнѣе всякаго другаго украшенія! Не принесъ я тебѣ шелковыхъ волнующихся и мягкихъ тканей, которыми ты не увеселялся и прежде, потому что украшалъ себя одною добродѣтелію. Не принесъ и тканей изъ чистаго льна, не возилъ многоцѣнныхъ благовоній, съ которыми ты и при жизни отсылалъ въ женскіе чертоги, и которыя благоухаютъ не долѣе одного дня; не принесъ чего-либо другаго, столь же ничтожнаго и уважаемаго людьми ничтожными; такъ какъ все сіе, вмѣстѣ съ прекраснымъ тѣломъ твоимъ, покрылъ бы нынѣ этотъ холодный камень. Прочь отъ меня съ тѣми языческими игрищами и представленіями, которыя совершались въ честь несчастныхъ юношей, и при которыхъ за маловажные подвиги предлагались маловажныя награды! Прочь съ тѣми обрядами, въ которыхъ насипями, приношеніемъ начатковъ, вѣнцами и свѣжими цвѣтами упокоивали усопшихъ челоуѣковъ, покоряясь болѣе отечественному закону и неразумію горести, нежели разуму! Мой даръ — слово; оно, переходя далѣе и далѣе, достигнетъ, можетъ быть, и будущихъ временъ, и не попуститъ, чтобы преселившійся отсель совершенно насъ оставилъ, но сохранять его навсегда для слуха и сердца, явственнѣе картины представляя изображеніе возлюбленна-

го. Таково мое приношеніе! Если оно маловажно и не соответствует твоимъ достоинствамъ; то по крайней мѣрѣ благоугодно Богу, какъ соразмѣрное силамъ. Притомъ, мы воздали часть, а другую, кто останется изъ насъ въ живыхъ, воздастъ при годичномъ чествованіи и поминовеніи.

А ты, божественная и священная глава, вниди въ небеса, упокойся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ (что ни знаменовали бы она), узри ликъ Ангеловъ, славу и великолѣпіе Блаженныхъ, или лучше, составь съ ними одинъ ликъ, и возвеселись, посмѣваясь съ высоты всему здѣшнему, такъ называемому, богатству, ничтожнымъ достоинствамъ, обманчивымъ почестямъ, заблужденію чувствъ, превратностямъ сея жизни, безпорядку и недоразумѣніямъ какъ бы среди ночнаго сраженія! И да предстоишь Великому Царю, исполняясь горняго свѣта, отъ котораго и мы, пріявъ малую струю, сколько можетъ изобразиться въ зеркалѣ и гаданіяхъ, да взойдемъ наконецъ къ Источнику блага, чистымъ умомъ созерцать чистую истину, и за здѣшнее ревнованіе о добрѣ обрѣсти ту награду, чтобы насладиться совершеннѣйшимъ обладаніемъ и созерцаніемъ добра въ будущемъ! Ибо сіе составляетъ цѣль нашего тайноводства, какъ прорицаютъ и Писаніе и Богословы.

Что остается еще? — Предложить врачевство слова скорбящимъ. Для плачущихъ дѣйствительнѣйшее пособіе то, которое подано сътующимъ съ ними. Кто самъ чувствуетъ равную горестъ, тому удобнѣе утѣшать страждущихъ. Притомъ слово мое обращается напаче къ тѣмъ, за которыхъ было бы мнѣ стыдно, если бы они не превосходили такъ же

всѣхъ въ терпѣніи , какъ превосходятъ во всякой другой добродѣтели. Ибо они, хотя паче всѣхъ чадолюбивы , однако же паче всѣхъ и любомудры , и христіюлюбивы. Какъ сами всего болѣе помышляютъ о преселеніи отсюда, такъ и дѣтей научили тому же, или, лучше сказать, цѣлая жизнь опредѣлена у нихъ на помышленіе о смерти. Если же горестъ омрачаетъ мысли и, подобно гноетеченію изъ глазъ , не позволяетъ чисто рассмотретьъ , что должно; то да примутъ утѣшеніе старцы отъ юнаго , родители отъ сына , подававшіе многимъ совѣты и пріобрѣтшіе долговременную опытность - отъ того, кто самъ имѣеть нужду въ ихъ совѣтахъ. Не удивляйтесь же, если, будучи юнымъ, даю уроки старцамъ; и то ваше, если умѣю видѣть иное лучше сѣдовласыхъ.

Сколько еще времени проживемъ мы , почтенные и приближающіеся къ Богу старцы ? Долго ли еще продлятся здѣшнія злостраданія? Непродолжительна и цѣлая человѣческая жизнь , если сравнить ее съ Божественнымъ и нескончаемымъ естествомъ. Еще болѣе кратокъ остатокъ жизни , и такъ сказать, прекращеніе человѣческаго дыханія, окончаніе временной жизни. Чѣмъ предварилъ насъ Кесарій ? Долго ли намъ оплакивать его, какъ отшедшаго отъ насъ? Не поспѣшаемъ ли и сами къ той же обители? Не покроетъ ли и насъ вскорѣ тотъ же камень? Не сдѣлаемся ли, по маломъ времени, такимъ же прахомъ? Въ сіи же краткіе дни , не столько пріобрѣтемъ добраго , сколько увидимъ , испытаемъ , а можетъ быть , сами сдѣлаемъ худаго ; и потомъ принесемъ общую и непремѣнную дань закону природы. Однихъ сопроводимъ , другимъ будемъ пред-

шествовать; однихъ оплачемъ, для другихъ послужимъ предметомъ плача, и отъ иныхъ воспримемъ слезный даръ, который сами приносили умершимъ. Такова временная жизнь наша, братія! Таково забавное наше появленіе на землѣ—возникнуть изъ ничего, и возникнувъ разрушиться! Мы тоже, что бѣглый сонъ, неуловимый призракъ, полетъ птицы, корабль на морѣ, слѣда неимѣющей, прахъ, духовеніе, весенняя роса, цвѣтъ, временемъ раждающійся и временемъ облетающій. *Человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ* (Пс. 102, 15); прекрасно разсуждалъ о нашей немощи божественный Давидъ. Онъ тоже говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *умаленіе дней моихъ возвьсти ми* (Пс. 101, 24); и мѣру дней человѣческихъ опредѣляетъ *пядями* (Пс. 38, 6). Что же сказать вопреки Іереміи, который и къ матери обращается съ упрекомъ, сѣтуя на то, что родился, и притомъ по причинѣ чужихъ грѣхопаденій (Іер. 15, 10.)? *Видѣхъ всяческая*, говоритъ Екклесіастъ; обозрѣвъ я мыслию все человѣческое, богатство, роскошь, могущество, непостоянную славу, мудрость, чаще убѣгающую, нежели пріобрѣтаемую; неоднократно возвращаясь къ одному и тому же, разсмотрѣлъ опять роскошь, и опять мудрость, потомъ сластолюбіе, сады, многочисленность рабовъ; множество имѣнія, виночерпцевъ и виночерпицъ, пѣвцевъ и пѣвицъ, оружіе, оруженосцевъ, колѣнопреклоненія народовъ, собираемыя дани, царское величіе, всѣ излишества и необходимости жизни, все, чѣмъ превзошелъ я всѣхъ до меня бывшихъ царей: и что же во всемъ этомъ? *все суета суетствій, всяческая суета и*

произволеніе духа (Екл. 1, 2. 14.), то есть, какое-то неразумное стремленіе души и развлеченіе чело-вѣка, осужденнаго на сіе, можетъ быть, за древнее паденіе. Но *конецъ слова*, говоритъ онъ, *все слушай, Бога бойся* (Екл. 12, 13.); здѣсь предѣль твоему недоумѣнію. И вотъ единственная польза отъ здѣшней жизни, — самымъ смятеніемъ видимаго и обуреваемаго руководиться къ постоянному и неизблему. И такъ будемъ оплакивать не Кесарія, о которомъ знаемъ, отъ какихъ золь онъ освободился, но себя самихъ; ибо знаемъ, для какихъ бѣдствій оставлены мы, и какія еще соберемъ для себя, если не предадимся искренно Богу, если, обходя преходящее, не поспѣшимъ къ горней жизни, если живя на землѣ, не оставимъ землю, и не будемъ искренно послѣдовать Духу, возводящему въ горнее. Сіе прискорбно для малодушныхъ, но легко для мужественныхъ духомъ.

Разсмотримъ еще и то : Кесарій не будетъ начальствовать, но и у другихъ не будетъ подъ начальствомъ; не станетъ вселять въ иныхъ страха, но и самъ не убоится жестокаго властелина, иногда недостойнаго, чтобы ему начальствовать; не станетъ собирать богатства, но не устрашится и зависти, или не повредитъ души несправедливымъ стяжаніемъ и усиленіемъ присовокупить еще столько же, сколько приобрѣлъ. Ибо таковъ недугъ богатолубія, что не имѣетъ предѣла въ потребности большаго, и врачуетъ себя отъ жажды тѣмъ, что непрестанно пьетъ. Кесарій не сложитъ новыхъ рѣчей, но за рѣчи же будетъ въ удивленіи; не будетъ разсуждать объ ученіи Иппократа, Галена и ихъ против-

никовъ , но не станеть и страдать отъ болѣзней, изъ чужихъ бѣдъ собирая себѣ скорби ; не будетъ доказывать положеній Евклида , Птоломея и Герона , но не станеть и сѣтовать о надмевающихся сверхъ мѣры невѣждахъ; не станеть показывать своихъ свѣдѣній въ ученіи Платона, Аристотеля, Пиррона , Демокритовъ , Гераклитовъ, Анаксагоровъ, Клеанѳовъ, Эпикуровъ , и еще не знаю кого изъ почтенныхъ Стоиковъ, или Академиковъ, но не будетъ и заботиться о томъ, какъ рѣшить ихъ правдоподобія. Нужно ли мнѣ упоминать о чемъ либо другомъ ? Но чтѣ конечно всякому дорого и вожделѣнно, у него не будетъ ни жены, ни дѣтей. За то ни самъ не станеть ихъ оплакивать, ни ими не будетъ оплакиваемъ; не останется послѣ другихъ и для другихъ памятникомъ несчастія. Онъ не наслѣдуетъ имѣнія, за то будетъ имѣть наслѣдниковъ, какихъ имѣть всегда полезнѣе , и какихъ самъ желалъ , чтобы переселиться отсель обогащеннымъ и взять съ собою все свое. И какая щедрость! какое новое утѣшеніе! какое великодушіе въ исполнителяхъ! Услышана вѣсть, достойная общаго слышанія, и горестъ матери истощается прекраснымъ и святымъ обѣтомъ—все, чтѣ было у сына, все его богатство, отдать за него въ погребальный даръ, и ничего не оставлять ожидавшимъ наслѣдства.

Ужели и сего недостаточно къ утѣшенію? Предложу сильнѣйшее врачевство. Для меня убѣдительны слова мудрыхъ , что всякая добрая и боголюбивая душа , какъ скоро, по разрѣшеніи отъ сопряженнаго съ нею тѣла , освободится отсель, приходитъ въ состояніе чувствовать и созерцать ожидающее ее

благо, а по очищеніи, или по отложеніи (или еще, не знаю какъ выразить) того, что ее омрачало, услаждается чуднымъ какимъ-то услажденіемъ, веселится и радостно шествуетъ къ своему Владыкѣ; потому что избѣгла здѣшной жизни, какъ несноснаго узилища, и свергла съ себя лежавшія на ней оковы, которыми крыла ума влеклись долу. Тогда она въ видѣніи какъ бы уже пожинаетъ уготованное ей блаженство. А потомъ и сопророжденную себѣ плоть, съ которою упражнялась здѣсь въ любомудріи, отъ земли, ее давшей и потомъ сохранившей, воспріявъ непонятнымъ для насъ образомъ и извѣстнымъ только Богу, ихъ соединившему и разлучившему, — вмѣстѣ съ нею вступаетъ въ наслѣдіе грядущей славы. И какъ, по естественному союзу съ плотію, сама раздѣляла ея тягости, такъ сообщаетъ ей свои утѣшенія, всецѣло поглотивъ ее въ себя (з), и содѣлавшись съ нею единымъ духомъ, и умомъ, и богомъ, послѣ того какъ смертное и переходящее пожерто жизнию. Послушай же, какъ любомудрствуетъ божественный Іезекіиль о совокупленіи костей и жилъ (Іез. 37.), а за нимъ и божественный Павелъ о skinіи земной и о храминѣ нерукотворенной, изъ которыхъ одна *разорится*, а другая уготована на *небесѣхъ* (2 Кор. 5, 1.). Онъ говоритъ, что *отъйти отъ тѣла* значитъ *внити ко Господу*; и жизнь въ тѣлѣ оплакиваетъ какъ отхождение отъ Господа, и потому желаетъ и поспѣ-

(з) Св. Богословъ указываетъ на истину, раскрытую 1 Кор. 15, 42--44. 53. 54.

шаеть отрѣшиться отъ тѣла. Для чего же мнѣ малодушествовать въ надеждѣ? Для чего прилѣпляться къ временному? Дождусь Архангельскаго гласа, послѣдней трубы, преобразования неба, претворенія земли, освобожденія стихій, обновленія цѣлаго міра. Тогда увижу и самаго Кесарія не отходящимъ, не износимымъ, не оплакиваемымъ, не сожалѣніями сопровождаемымъ, но святымъ, прославленнымъ, превознесеннымъ, какимъ ты, возлюбленнѣйшій изъ братьей и братолюбивѣйшій, неоднократно являлся мнѣ во снѣ, потому ли, что такъ изображало тебя мое желаніе, или потому, что это была самая истина.

А теперь, оставивъ слезы, обращусь къ себѣ, чтобы самому противъ воли не сдѣлаться достойнымъ слезъ, и разсмотрю свое положеніе. *Сынове чловѣчестіи* (ибо къ вамъ простирается слово), *доколь тяжкосердіи* и *дебелы мыслию, вскую любите суету, и ищете лжи* (Пс. 4, 3.), почитаю здѣшнюю жизнь чѣмъ-то великимъ, и немногіе дни сіи многочисленными, а сего вождѣннаго и пріятнаго разлученія отвращаясь, какъ чего-то тяжкаго и ужаснаго? Еще ли не познаемъ самихъ себя? не отвергнемъ видимаго? не обратимъ взоровъ къ мысленному? Ежели скорбѣтъ о чемъ-нибудь должно, то не поболѣзуемъ ли о *продолженіи пришельствія* (Пс. 109, 5.), вмѣстѣ съ божественнымъ Давидомъ, который называетъ все земное селеніями тьмы (и), *мѣстомъ озлобленія* (Пс. 43, 20.), *тмнїемъ глубины* (Пс. 68, 3.), *стїію смертною*

(и) Селенія тьмы, по изъясненію Св. Богослова, какъ вѣроятно, суть тоже, что и селенія Кидарскія (Пс. 119, 5.).

(Пс. 106, 10.)? Поболѣзнуемъ; потому что медлимъ въ гробахъ, которые носимъ съ собою; потому что мы, бывшіе богами, умираемъ, какъ люди грѣховною смертію. Сей-то страхъ объемлетъ меня; о семъ помышляю день и ночь; не позволяютъ мнѣ успокоиться и будущая слава и будущій судъ. Одной столько желаю, что могу сказать: *исчезаетъ во спасеніе Твое душа моя* (Пс. 118, 81.); а другаго ужасаюсь и отвращаюсь. И страшить меня не то, что сіе тѣло мое, удоборазрушаемое и тлѣнное, совершенно погибнетъ, но то, что славное твореніе Божіе (славное, когда преуспѣваетъ въ добрѣ, а равно и безчестное, когда грѣшитъ), твореніе, въ которомъ есть умъ, законъ и надежда, осуждено будетъ на одинаковое безславіе съ неразумными, и по разлученіи съ тѣломъ станетъ ничѣмъ его не лучше, чего и желали бы люди порочные и достойные будущего огня. О если бы мнѣ *умертвить уды, яже на земли* (Кол. 3, 5.)! О если бы мнѣ, идя путемъ узкимъ, для немногихъ проходимымъ, а не широкимъ и легкимъ, все принести въ жертву духу! ибо славно и велико то, что послѣдуетъ за симъ; уповаемое болѣе того, чего мы достойны. *Что есть человекъ, яко помниши его* (Пс. 8, 5.)? Какая это новая обо мнѣ тайна! Малъ я и великъ, униженъ и превознесенъ, смертенъ и бессмертенъ, я вмѣстѣ земный и небесный! Одно у меня общее съ дольнымъ міромъ, а другое—съ Богомъ; одно—съ плотію, а другое—съ духомъ! Со Христомъ должно мнѣ спогребстись, со Христомъ воскреснуть, Христу сонаслѣдовать, стать сыномъ Божіимъ, даже богомъ!

Видите, куда наконецъ возвело насъ слово, Я готовъ почти благодарить постигшую насъ горестъ, которая расположила меня къ такому любомудрiю, и даже содѣлала пламенно желающимъ преселиться отсель. Сiе предназначаетъ намъ великая тайна, предназначаетъ Богъ, за насъ вочеловѣчившiйся и обнищавшiй, чтобы возставить плоть, спасти образъ и возсоздать челоуѣка, да будемъ *все едино о Христѣ*, Который во воѣхъ насъ содѣлался совершенно всѣмъ тѣмъ, что Самъ Онъ есть; да не будетъ въ насъ болѣе *ни мужеской поль, ни женской, ни варваръ, ни Скиоу, ни рабъ, ни свободъ* (Гал. 3, 28. 29.), такъ какъ это плотскiе признаки; но да имѣемъ единъ Божiй Образъ, Которымъ и по Которому мы созданы; да изобразится и отпечатлѣется въ насъ Онъ столько, чтобы по Немъ только могли узнавать насъ. И въ семъ надѣмся успѣть по великому челоуѣколюбiю великодаровитаго Бога, Который, требуя малаго, искренно любящимъ Его, и въ настоящемъ и въ будущемъ, даруетъ великая, будемъ все переносить, все терпѣть ради любви къ Нему и по упованiю, за все благодарить, какъ за *десная*, такъ и за *шуял*, то есть, за прiятное и за скорбное; потому что Божiе слово часто и послѣднее обращаетъ въ оружiе спасенiя (2 Кор. 6, 7.). Вѣримъ Богу и наши души, и души тѣхъ, которые предварили насъ въ мѣстѣ успокоенiя; потому что были на общемъ пути какъ бы готовѣ насъ.

И самъ, шествуя тѣмъ же путемъ, прекращу здѣсь слово. Но прекратите слезы и вы, поспѣшающiе ко гробу своему, ко гробу, который прiемлетъ отъ васъ Кесарiй въ даръ скорбный и всег-

дашній; ко гробу, который уготовлялся родителямъ и благовремененъ былъ для старости, но Распорядителемъ дѣлъ нашихъ дарованъ сыну и юности, хотя и не въ обыкновенномъ порядкѣ, однако же не внѣ порядка.

Ты же, Владыка и Творецъ всяческихъ, а по преимуществу, сего созданія (i)! Боже людей Твоихъ, Отецъ и Правитель, Господь жизни и смерти! Хранитель и Благодѣтель душъ нашихъ, все благо- временно творящій и предуготовляющій художни- ческимъ Словомъ, какъ Самъ вѣдаешь, во глубинѣ премудрости и міроуправленія! Пріими нынѣ Кеса- рія въ начатокъ нашего отшествія. Хотя онъ по- слѣдній изъ насъ; однако же первымъ предаемъ его судьбамъ Твоимъ, которыми все держится. А на- послѣдокъ и насъ, сохранивъ въ тѣлѣ, доколѣ по- лезно, пріими во время благопотребное; пріими уготованныхъ, не смущенныхъ, не предающихся бѣгству въ послѣдній день, не насильно отсюда увлекаемыхъ, что бываетъ съ душами міролюбивы- ми и плотолюбивыми, но благодушно отходящихъ къ тамошней жизни долговѣчной и блаженной, къ жизни во Христѣ. Аминь.

(i) Кесарія.

С Л О В О 8,

**НАДГРОБНОЕ ГОРГОНИИ, СЕСТРЪ СВ. ГРИГОРІА
НАЗІАНЗИНА.**

Хваля сестру, буду превозносить свое собственное. Впрочемъ не лѣзя признать сего ложнымъ по тому единственно, что оно свое. Напротивъ того, поелику оно истинно, потому и похвально; а истинно не потому только, что справедливо, но и потому, что извѣстно. Мнѣ не лѣзя говорить и по пристрастію, хотя бы и захотѣлъ; моимъ судіею будетъ слушатель, который умѣетъ слышать слово съ истинною, и если справедливъ, то какъ не одобрить похвалъ незаслуженныхъ, такъ потребуеть заслуженныхъ. Посему не того боюсь, что скажу нѣчто сверхъ истины, а напротивъ того, что не выскажу истины, и далеко не достигнувъ достоинства предмета, своими похвалами уменьшу славу сестры: ибо при ея доблестяхъ трудно сдѣлать, чтобы слово равнялось дѣламъ. Какъ не надобно и хвалить всего чужаго, если оно несправедливо: такъ не должно и унижать своего, если оно достойно уваженія; дабы первому не послужило въ пользу то самое, что оно чужое, а послѣднему — во вредъ то, что оно свое. Ибо законъ справедливости на-

рушается въ обоихъ случаяхъ, — и когда хвалятъ только чужое, и когда умалчиваютъ о своемъ. Но принявъ для себя за цѣль и правило одну истину, и ее только имѣя въ виду, и не заботясь о всемъ прочемъ, что важно для людей простыхъ и низкихъ, буду хвалить или переходить молчаніемъ, что достойно хвалы или молчанія. Если отнять что у своего, злословить, обвинять его, или нанести ему другую большую или меньшую обиду, не почитаемъ дѣломъ честнымъ, а напротивъ того всякое преступленіе противъ родственника признаемъ самымъ тяжкимъ: то всего несообразнѣе будетъ думать, что поступимъ справедливо, кого-либо изъ своихъ лишивъ слова, которымъ особенно обязаны мы служить людямъ добрымъ, и чрезъ которое можемъ доставить имъ безсмертную память. Неумѣстно также обращать большее вниманіе на мнѣніе людей злонамѣренныхъ, которые могутъ обвинить въ пристрастіи, а не на мнѣніе благонамѣренныхъ, которые требуютъ должнаго. Если хвалить чужихъ не препятствуетъ намъ то, что дѣла ихъ неизвѣстны и не засвидѣтельствованы (хотя бы сіе могло быть справедливѣйшимъ препятствіемъ): то ужели наша любовь и зависть другихъ воспрепятствуютъ хвалить знаемыхъ, наипаче тѣхъ, которые уже переселились отъ насъ, которымъ и льстить уже поздно; потому что они оставили, какъ все прочее, такъ и хвалителей и порицателей.

Но поелику я достаточно защитилъ себя и доказалъ, что настоящее слово для меня самаго необходимо: то приступлю теперь къ самымъ похваламъ, и не буду заботиться объ украшеніи и изяществѣ

слога (ибо и та, которую хочу хвалить, не любила украшений, а поставляла красоту в томъ, чтобы не имѣть прикрасъ), но воздамъ усопшей приличную честь, какъ самый необходимый долгъ, и вмѣстѣ постараюсь научить другихъ соревнованію и подражанію ея добродѣтелямъ. Ибо у насъ цѣль всякаго слова и дѣла—вести къ совершенству тѣхъ, которые намъ ввѣрены. Итакъ пусть другой, соблюдая правила похвальныхъ словъ, хвалить отечество и родъ почившей: и дѣйствительно ему можно будетъ сказать много прекраснаго, ежели захочетъ украшать ее и отвнѣ, какъ дорогую прекрасную картину убираютъ золотомъ, камнями и такими украшениями искусства и художнической руки, которыя дурную картину своимъ прибавленіемъ болѣе обнаруживаютъ, а прекрасной, будучи ея ниже, не придаютъ красоты. А я выполню законъ похвальнаго слова в томъ единственно, что упомяну объ общихъ нашихъ родителяхъ (ибо, говоря о такомъ сокровищѣ, несправедливо будетъ умолчать о родителяхъ и учителяхъ). Потомъ немедленно обращу слово къ ней самой, и не утомлю ожиданія желающихъ слышать о дѣлахъ ея.

Кто не знаетъ новаго нашего Авраама и нашихъ времянь Сарры? Такъ именуя Григорія и Нонну, супругу его (ибо полезно не оставлять въ забвеніи тѣ имена, которыя возбуждаютъ къ добродѣтели). Одинъ изъ нихъ оправдался вѣрою, другая жила въ супружествѣ съ вѣрнымъ; одинъ сверхъ надежды сталъ отцемъ многихъ народовъ, другая духовно раждаетъ; одинъ избѣгъ служенія отечественнымъ богамъ, другая была дщерію и матерію сво-

бодныхъ; одинъ преселился изъ своего рода и дома для земли обѣтованія, другая была причиною преселенія, и въ этомъ уже одномъ (осмѣлюсь такъ сказать) стала выше самой Сарры; одинъ прекрасно странствовалъ, другая охотно ему сопутствовала; одинъ прильпился ко Господу, другая почитаетъ и именуетъ мужа своего господиномъ, и чѣстїю за то самое оправдана. Имъ даны обѣтованія, у нихъ, сколько отъ нихъ самихъ это зависитъ, есть свой Исаакъ и даръ. По молитвамъ и подъ руководствомъ жены своей образовался онъ — добрый пастырь, и она показала на себѣ примѣръ доброй пасомой. Онъ искренно убѣждалъ отъ идоловъ, и потомъ самъ обращаетъ въ бѣгство демоновъ; она никогда не вкушала даже и соли вмѣстѣ съ идолослужителями. Супружество ихъ равночестно, согласно и единомушно, и не столько плотскій союзъ, сколько союзъ добродѣтели и единенія съ Богомъ; какъ лѣтами и сѣдинами, такъ благоразумїемъ и славю дѣлъ, они соревнуютъ другъ другу и превышаютъ всякаго другаго. Они мало связаны плотїю, а духомъ, еще прежде разлученія съ тѣломъ, преселены отсель; не ихъ этотъ міръ — презираемый; но ихъ тотъ міръ — предпочитаемый; ихъ — обнищаніе и ихъ — обогащеніе доброю куплею, какъ презирающихъ здѣшнее и искупающихъ тамошнее. Кратокъ остатокъ ихъ жизни настоящей, и немногого остается довершить ихъ благочестїю; но велика и продолжительна жизнь, въ которой они подвизались. Одно еще присовокуплю къ сказанному о нихъ: хорошо и справедливо, что они не принадлежали къ одному полу; ибо одинъ былъ украшенїемъ му-

жей, другая — женъ , и не только украшеніемъ, но образцемъ добродѣтели.

Отъ нихъ Горгонія получила бытіе и славу ; отсюда въ ней сѣмена благочестія ; отъ нихъ и добрая жизнь ея и мирное отшествіе съ спасительными надеждами. Конечно и сіе уже прекрасно и не всегда бываетъ удѣломъ тѣхъ , которые много хвалятся благородствомъ и гордятся предками. Но если о Горгоніи должно разсуждать съ большимъ любознательствомъ и возвышеніемъ : то ея отечество — горній Іерусалимъ, не зримый, но умосозерцаемый градъ, гдѣ и намъ предоставлено гражданство, куда и мы поспѣшаемъ, гдѣ гражданинъ — Христосъ , а сограждане — весь торжествующій сонмъ и Церковь первородныхъ , окрестъ сего великаго Градоиздителя празднующихъ въ созерцаніи славы, и ликующихъ непрестаннымъ ликованіемъ. А благородство ея — соблюденіе образа Божія, уподобленіе Первообразу, совершаемое умомъ и добродѣтелию, и чистое желаніе, которое непрестанно болѣе и болѣе преобразуетъ насъ по Богу въ истинныхъ тайнозрителей горняго, знающихъ — откуда мы, какими и для чего сотворены. Такъ о семъ разумю я ; а потому знаю и говорю, что душа Горгоніи одна изъ благороднѣйшихъ подъ солнцемъ ; и мое мѣрило, мой уровень благородства и худородства лучше, нежели у черни ; я различаю сіе не по крови, но по нравамъ ; сужу о хвалимыхъ, или охуждаемыхъ, не по родамъ, но по свойствамъ cadaго.

Теперь слово объ ея доблестяхъ ; пусть же каждый привнесетъ нѣчто свое и вспомоществуетъ слову : потому что невозможно объять всего одному ,

сколько бы ни были обширны его умъ и собранныя имъ свѣдѣнія. Она отличалась цѣломудріемъ и превзошла имъ всѣхъ современныхъ ей женъ, не говорю уже о тѣхъ, которыя были уважаемы за цѣломудріе въ древности. И какъ въ жизни возможны два состоянія—супружество и дѣвство, и одно выше и богоподобнѣе, но труднѣе и опаснѣе, а другое ниже, но безопаснѣе: она, устранившись невыгодъ того и другаго, избрала и совокупила во-едино все, что въ обоихъ лучшаго, то есть, и высоту дѣвства и безопасность супружества. Она была цѣломудренною безъ надменія, съ супружествомъ совмѣстивши добродѣтели дѣвства и тѣмъ показавши, что ни дѣвство, ни супружество не соединяютъ и не раздѣляютъ насъ всецѣло съ Богомъ, или съ міромъ; такъ чтобы одно само по себѣ было достойно отвращенія, а другое — безусловной похвалы: напротивъ того умъ долженъ быть хорошимъ правителемъ и въ супружествѣ и въ дѣвствѣ, и изъ нихъ, какъ изъ нѣкотораго вещества, художнически обрабатывать и созидать добродѣтель. Ибо она не отлучилась отъ Духа оттого, что сочеталась съ плотію, и не забыла о первой Главѣ оттого, что признала главою мужа: но послуживъ міру и природѣ въ многомъ, и сколько сего требовалъ законъ плоти, или лучше сказать, Тотъ, Кто далъ такій законъ плоти, она всецѣло посвятила себя Богу. Но что особенно хорошо и достойно въ ней уваженія, она и мужа своего склонила на свою сторону, и имѣла въ немъ не строптиваго господина, но благаго сослужителя. Мало сего: самый плодъ тѣла, то есть дѣтей и внуковъ своихъ, она содѣлала плодомъ Духа; ибо весь

родъ и все семейство, какъ единую душу, очистила и приобрѣла Богу, а благоугодливостію въ супружеской жизни и прекрасными послѣдствіями такого поведенія самое супружество содѣлала похвальнымъ. Въ продолженіе жизни она служила для дѣтей образцемъ всего добраго, а когда отозвана отсель, оставила послѣ себя домашнимъ волю свою, какъ безмолвное наставленіе. Божественный Соломонъ въ книгѣ дѣтководственной мудрости, то есть въ Притчахъ (гл. 31.), похваляетъ въ женѣ то, что она сидитъ дома и любитъ мужа; и женѣ, которая блуждаетъ внѣ дома, невоздержна, безчестна, наружностію и языкомъ блудницы *уловляетъ честныхъ* (6, 26.), противопоставляетъ жену, которая усердно занимается домашнимъ, неутомима въ дѣлахъ женскихъ, *руцѣ свои утверждаетъ на времѣно, сугуба одпянія* приготавливаетъ мужу, временно покупаетъ село, хорошо кормитъ слугъ, угощаетъ друзей обильнымъ столомъ и исполняетъ все прочее, что Соломонъ восхвалилъ въ женѣ цѣломудренной и трудолюбивой.

Но если бы я сталъ хвалить за такія качества сестру; то сіе значило бы хвалить статую по тѣни, или льва по костямъ, оставивъ безъ вниманія важнѣйшее и совершеннѣйшее. Какая изъ женщинъ больше ея стоила быть видимою, и однакожь рѣже показывалась и была недоступнѣе для мужскихъ взоровъ? Какая изъ женщинъ лучше ея знала мѣру строгости и веселости въ обращеніи? Въ ней строгость не казалась угрюмостію, и обходительность вольностію, но въ одномъ было видно благоразуміе, въ другой — кротость. И это, въ соединеніи

ласковости съ величавостію , составляло правило благоприличія.

Да внемлють сему тѣ изъ женщинъ , которыя преданы суетности, разсѣянности, и не любятъ покрывала стыда! Какая изъ женщинъ такъ уцѣломудрила очи? до того осмѣяла смѣхъ, что и наклонность къ улыбкѣ почитала для себя важнымъ дѣломъ? Какая изъ женщинъ затворяла крѣпче слухъ свой, и охотнѣе отверзала его для слова Божія? Еще болѣе : какая изъ женщинъ подчинила такъ языкъ владычеству ума, чтобы вѣщать оправданія Божіи, и оставила такой строгій чинъ устамъ? Скажу, если угодно, и о семь ея совершенствѣ, котораго она не считала важнымъ, подобно всѣмъ истинно цѣломудреннымъ и благонравнымъ женщинамъ; хотя и заставили почитать сіе важнымъ женщины слишкомъ пристрастныя къ украшеніямъ и нарядамъ и не вразумляемая словомъ тѣхъ, которые учатъ подобнымъ добродѣтелямъ. Ее украшали не золото, отдѣланное искусною рукою до преизбытка красоты, не златовидные волосы блестящіе и свѣтящіеся, не кудри вьющіяся кольцами, не безчестныя ухищренія тѣхъ, которые изъ честной головы дѣлають родъ шатра, не многоцѣнность пышной и прозрачной одежды, не блескъ и пріятность драгоценныхъ камней, которые окрашиваютъ собою ближній воздухъ и озаряють лица, не хитрости и обаянія живописцевъ, не покупная красота, не рука земнаго художника, которая дѣйствуетъ вопреки Живдителю и Божіе созданіе покрываетъ обманчивыми красками, и позоритъ своею честію, вмѣсто образа Божія выставляеть на показъ похотливымъ

очамъ кумирь блудницы, чтобы поддѣльною красотою закрыть естественный ликъ, хранимый для Бога и будущаго вѣка. Напротивъ того она, хотя знала много всякаго рода наружныхъ женскихъ украшеній, однако же ничего не находила драгоценнѣе своихъ нравовъ и внутри сокровеннаго вселѣбія. Одинъ румянецъ ей нравился, — румянецъ стыдливости, и одна бѣлизна — происходящая отъ воздержанія; а притиранія и подкрашиванія, искусство дѣлать изъ себя живую картину, удобно смываемое благообразіе она предоставила женщинамъ, опредѣлившимъ себя для зрѣлищъ и распутій, для которыхъ стыдно и позорно краснѣть отъ стыда.

Такъ она вела себя въ этомъ отношеніи! Но нѣтъ слова, которое бы могло изобразить ея благоразуміе и благочестіе, и немного найдется подобныхъ примѣровъ, кромѣ родителей ея и по тѣлу и по духу. Ихъ однихъ имѣя для себя образцемъ и нимало не уступая имъ въ добродѣтели, въ томъ только одномъ, и притомъ совершенно охотно, уступала, что отъ нихъ заимствовала сіе благо, и ихъ внутренно и предъ всѣми признавала началомъ своего просвѣщенія. Чтò проникательнѣе было ея разума? Къ ея совѣтамъ прибѣгали не только родственники, единоземцы и сосѣди, но и всѣ знавшіе ее въ окрестности; и ея увѣщанія и наставленія почитали для себя ненарушимымъ закономъ. Чтò было замысловатѣе ея рѣчей? чтò благоразумнѣе ея молчанія? Но поелику упомянулъ я о молчаніи; то присовокуплю, чтò и ей всего свойственнѣе, и женщинамъ приличнѣе, и настоящему времени полезнѣе. Какая изъ женщинъ лучше ея знала, чтò можно знать о

Богъ, какъ изъ Св. Писанія, такъ и по собственному разуму, и пребывая въ собственныхъ предметахъ благочестія, меньше ея говорила? А что касается до того, къ чему обязана познавшая истинное благочестіе, и въ чемъ одномъ прекрасно не знать насыщенія, то какая изъ женщинъ украшала такъ храмы приношеніями? И другіе храмы и сей самый храмъ, не знаю, требуютъ ли еще украшеній послѣ нея? Особенно же, какая изъ женщинъ такъ созидала себя въ живой храмъ Богу? какая изъ женщинъ столько уважала священниковъ, и особенно своего сподвижника и учителя (а) въ благочестіи, который имѣетъ добрыя сѣмена, — двоихъ дѣтей, посвященныхъ Богу? Какая изъ женщинъ усерднѣе предлагала собственный домъ живущимъ по Богу, и дѣлала имъ такой прекрасный и богатый пріемъ, и что важнѣ сего, принимала ихъ съ такимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ? Сверхъ сего, какая изъ женщинъ обнаружила столько безстрастный умъ во время злостраданій, и столь сострадательное сердце къ бѣдствующимъ? Чья рука была щедрѣе для нуждающихся? И я смѣло обращаю въ похвалу ей слова Іова: *дверь ея всякому входящему отверста бѣ, и внѣ не водворяшеся странникѣ* (Іов. 31, 32.); она была *око слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. 29, 15.), и мать сиротамъ. О милосердіи ея къ вдовамъ нужно ли говорить, раз-

(а) Подъ именемъ сподвижника и учителя въ благочестіи Св. Григорій разуметь Св. Амфилохія, Епископа Иконійскаго, бывшаго духовнымъ отцемъ Горгоніи. (ибо она съ своимъ супругомъ жила въ Иконіи).

въ сказать то, что плодомъ сего было — не именоваться вдовою? Домъ ея былъ общимъ пристанищемъ для бѣдныхъ родственниковъ, а имуществомъ ея пользовались всѣ нуждающіеся не менѣе, какъ бы своею собственностію. *Расточи, даде убогимъ* (Псал. 111, 9.). И по непреложному и неживому обѣтованію, она многое вложила въ небесныя житницы, много разъ и въ лицѣ многихъ, получившихъ отъ нея благодѣнія, принимала Христа. Но всего лучше то, что она не старалась заставить о себѣ думать выше надлежащаго, а прекрасно воздѣлывала благочестіе втайнѣ, предъ Видящимъ тайное. И все похитила у міродержца, все перенесла въ безопасныя хранилища, ничего не оставила землѣ, кромѣ тѣла. Все промѣняла на надежды въ будущемъ; одно богатство оставила дѣтямъ — подражаніе и ревность къ тѣмъ же добродѣтелямъ.

Таково и столь невѣроятно было ея великодушіе! Однако же, въ упованіи на свою благотворительность, она не предала тѣла своего роскоши и необузданному сластолюбію, сему злему и терзающему псу; какъ случается со многими, которые милосердіемъ къ бѣднымъ думаютъ купить себѣ право на роскошную жизнь, и не врачуютъ зла добромъ, но вмѣсто добра пріобрѣтаютъ худое. О ней не лзя сказать, что, хотя поработчала въ себѣ перстное постами, однако же другому предоставляла врачевство простертій на землѣ; или, хотя находила въ этомъ пособіе для души, однако же менѣе кого либо другаго ограничивала мѣру сна; или, хотя и въ этомъ дала себѣ законъ, какъ безплотная, однакоже восклонялась на землю, когда

другіе проводили всю ночь въ прямомъ положеніи (каковъй подвигъ приличенъ преимущественно любомудрымъ мужамъ); или, хотя и въ семь оказалась мужественнѣе не только женъ, но и самыхъ доблестныхъ мужей; однако же, что касается до мудраго возгласенія псалмопѣній, до чтенія и изъясненія Божія слова, до благовременнаго припамятованія, до преклоненія изможденныхъ и какъ бы приросшихъ къ землѣ колѣнъ, до слезнаго очищенія душевной скверны въ сердцѣ сокрушенномъ и духѣ смиренномъ, до молитвы горѣ возносимой, до неразсѣянности и паренія ума, то могъ бы кто либо изъ мужей или женъ похвалиться превосходствомъ предъ нею во всемъ этомъ, или въ чемъ либо одномъ. Напротивъ того, какъ ни высоко сіе, однако же справедливо можетъ быть сказано о ней, что въ иномъ совершенствѣ она соревновала, а въ другомъ сама была предметомъ соревнованія, одно изобрѣла, а другое восхитила силою, и если имѣла подражателей въ которомъ либо одномъ, то всѣхъ превзошла тѣмъ, что въ одной себѣ совмѣстила всѣ совершенства. Она столько преуспѣла во всѣхъ, сколько никто другой не успѣлъ и въ одномъ, даже посредственно. Она довела каждое совершенство до такой высоты, что вмѣсто всѣхъ достаточно было бы и одного. Какое пренебреженіе къ тѣлу и одеждѣ, цвѣтущимъ единою добродѣтелию! Какая сила души, почти безъ пищи поддерживающей тѣло, какъ невещественное! Или лучше сказать, сколько терпѣнія въ тѣлѣ, еще до разлученія съ душою уже умерщвленномъ, чтобы душа получила свободу и не стѣснялась чувствами! Сколько

мочей проведенныхъ безъ сна, псалмопѣній и стояній, продолжавшихся отъ одного дня до другаго! Твои пѣсни, Давидъ, непродолжительны только для душъ вѣрующихъ! Гдѣ пѣжность членовъ, распростираемыхъ по землѣ, и вопреки природѣ огрубѣвшихъ? Какіе источники слезъ, посѣваемыхъ въ скорби, чтобы пожать радостію! Нощный вопль, проникающій облака и достигающій неба! Горячность духа, который въ вождельній молитвы не страшится ни ночныхъ псовъ, ни морозовъ, ни дождей, ни громовъ, ни града, ни мрака! Естество жены, побѣдившее въ общемъ подвигѣ спасенія естество мужей, и показавшее, что жена отлична отъ мужа не по душѣ, а только по тѣлу! Чистота, какъ вскорѣ по Крещеніи, и душа, уневѣщенная Христу въ чистомъ брачномъ чертогѣ — тѣлѣ!. И горькое вкушеніе, и Ева — мать человѣческаго рода и грѣха, и змій соблазнитель, и смерть — побѣждены ея воздержаніемъ! И истощаніе Христово, и образъ раба, и страданіе, — почтены ея самоумерщвленіемъ! Какъ мнѣ, или исчислить всѣ ея добродѣтели, или, умолчавъ о большемъ ихъ числѣ, лишить пользы тѣхъ, кому онѣ неизвѣстны!

Но время уже предложить слово и о наградахъ за благочестіе. Ибо кажется мнѣ, что вы, хорошо знающіе о добродѣтеляхъ ея, давно желаете и надѣетесь услышать въ словѣ моемъ не о настоящихъ только наградахъ, не о тѣхъ, какими увеселяется она теперь тамъ, и которыя выше человѣческаго разумѣнія, недоступны ни слуху, ни зрѣнію, но и о тѣхъ, которыми Праведный Мздовоздаятель награждалъ еще здѣсь: ибо Онъ и сіе нерѣдко тво-

рять въ назиданіе невѣрныхъ, увѣряя чрезъ малое въ великомъ, и чрезъ видимое въ невидимомъ. Буду же говорить частію о томъ, что всѣмъ извѣстно, а частію о томъ, что для многихъ тайна; ибо она, по своему любомудрію, не хвалилась благодатными дарами.

Вамъ извѣстно, какъ однажды взбѣсались мулы и понесли съ колесницею, какъ ужасно была она опрокинута, жалкимъ образомъ влачима и разбита, какъ въ слѣдствіе сего невѣрующіе соблазнились тѣмъ, что и праведники предаются такимъ несчастіямъ, и какъ скоро вразумлено было невѣріе. У Горгоніи были сокрушены и повреждены всѣ кости и члены, и сокрытыя и открытыя; но она не захотѣла имѣть другаго врача, кромѣ Предавшаго ее бѣдствію, какъ потому, что стыдилась зора и прикосновенія мужчинъ (ибо и въ страданіяхъ сохраняла благопристойность), такъ и потому, что искала защиты единственно у Того, Кто попустилъ ей претерпѣть такое страданіе. И дѣйствительно отъ Него, а не отъ другаго кого получила она спасеніе. Посему нѣкоторые не столько поражены были ея болѣзнію, сколько изумлены чудеснымъ выздоровленіемъ, и заключали изъ сего, что такое печальное происшествіе для того и случилось, чтобы ей прославиться въ страданіяхъ. Хотя она страдала, какъ человѣкъ, однакоже исцѣлена силою высшею, а не человѣческою, и для потомства оставила сказаніе, которымъ доказываются, какъ ея вѣра въ страданіяхъ и терпѣніе въ бѣдствіяхъ, такъ еще болѣе Божіе человѣколюбіе къ подобнымъ ей. Ибо къ сказанному о праведникѣ: *егда падеть, не разбѣется*

(Ис. 36, 24.), какъ бы присовокуплено теперь еще и сіе: хотя разбіется, однако же вскорѣ будетъ возставленъ и прославленъ. Если страданіе ея было выше вѣроятія, то выше также вѣроятія и возвращеніе къ здравію; такъ что болѣзнь почти совершенно закрыта выздоровленіемъ, и исцѣленіе стало очевиднѣе нанесеннаго ей удара.—Такое бѣдствіе вполне достойно хвалы и удивленія! Такая болѣзнь выше здравія! И слова: узвѣтъ, и уврачуетъ, и исцѣлитъ, и послѣ трехъ дней воскреситъ (Осіи 6, 2. 3.), указывающія, какъ и событіе показало, на нѣчто высшее и таинственнѣйшее, не менѣе приличны и ея страданіямъ!

Но сіе чудо извѣстно всѣмъ, даже и дальнимъ, слухъ о немъ распространился повсюду; вездѣ рассказываютъ и слышатъ о семъ, равно какъ и о другихъ Божіихъ чудесахъ и силахъ. О томъ же, что доселѣ еще неизвѣстно многимъ, и что, какъ сказалъ я, сокрыто ея любомудріемъ и благочестіемъ, чуждымъ тщеславія и превозношенія, повелишь ли мнѣ сказать ты, превосходнѣйшій и совершеннѣйшій изъ Пастырей, пастырь сея священной овцы (б)? Дашь ли и на сіе свое соизволеніе (ибо однимъ намъ ввѣрена тайна, и только мы съ тобою свидѣтели чуда)? Или будешь еще сохранять слово, данное усопшей? Но по моему мнѣнію, какъ тогда было время молчать, такъ теперь время повѣдать, не только во славу Божію, но и въ утѣшеніе скорбящимъ.

(б) Св. Григорій обращаетъ слово къ родителю, присутствовавшему при погребеніи.

Горгонія одержима была тѣлеснымъ недугомъ, и тяжело страдала; болѣзнь была необыкновенная и странная: дѣлалось внезапное воспаленіе во всемъ тѣлѣ, и какъ будто волненіе и кипѣніе въ крови; потомъ кровь стыла и цѣпенѣла, въ тѣлѣ появлялась невѣроятная блѣдность, умъ и члены разслабѣвали, и все сіе повторялось не чрезъ продолжительное время, но иногда почти непрестанно. Болѣзнь казалась не человѣческою; не помогали ни искусство врачей, какъ ни внимательно вникали они въ свойство припадковъ, каждый отдѣльно, и всѣ въ совокупныхъ совѣщаніяхъ, ни слезы родителей, какъ ни сильны бывали онѣ часто во многомъ, ни общественныя молитвы, прошенія, совершаемыя цѣлымъ народомъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы каждый молился о собственномъ своемъ спасеніи; и дѣйствительно ея спасеніе было спасеніемъ для всѣхъ, равно какъ ея злостраданія въ болѣзни — общимъ страданіемъ. Что же предпринимаетъ сія великая и высокихъ наградъ достойная душа? Какое изобрѣтаетъ врачество отъ болѣзни? Ибо въ семъ заключается уже тайна. Отвергнувъ всѣ другія пособія, она прибѣгаетъ ко Врачу всѣхъ, и воспользовавшись темнотою ночи, когда болѣзнь ея нѣсколько облегчилась, припадаетъ съ вѣрою къ жертвеннику, громогласно взывая къ Чествуемому на немъ, нарицая Его всѣми именами и вспоминая о всѣхъ когда-либо бывшихъ чудесахъ Его (какъ знавшая и ветхозавѣтныя и новозавѣтныя сказанія). Наконецъ отваживается на нѣкоторое благочестивое и прекрасное дерзновеніе, подражаетъ женѣ, иссушившей токъ крови прикосновеніемъ къ краю ризъ Хри-

стовыхъ; и что дѣлаеть? Приложивши къ жертвеннику главу свою съ такимъ же воплемъ и столько же обильными слезами, какъ древле омывая ноги Христовы, даетъ обѣтъ не отойти, пока не получить здравія; потомъ помазавши все тѣло симъ врачевствомъ своего изобрѣтенія, что могла рука собрать вмѣстообразныхъ честнаго Тѣла и Крови, смѣшавши то съ своими слезами, (какое чудо!) немедленно отходить, ощутивъ въ себѣ исцѣленіе, получивъ облегченіе въ тѣлѣ, сердцѣ и умѣ, принявъ въ награду за упованіе исполненіе упованія и крѣпостію духа приобрѣтши крѣпость тѣлесную. Велико сіе подлинно, однако же не ложно; да вѣрять сему всякій, и боляцій и здоровый, одинъ для сохраненія, другой для полученія здравія! А что мое повѣствованіе не хвастовство, сіе видно изъ того, что я, молчавъ при жизни ея, открылъ теперь; и будьте увѣрены, даже и нынѣ не объявилъ бы, если бы не воспрещалъ мнѣ страхъ скрывать такое чудо отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ, отъ современниковъ и потомковъ.

Такова была жизнь ея! Но гораздо большую часть прешель я молчаніемъ для соразмѣрности слова и изъ опасенія показаться незнающимъ мѣры въ похвалахъ ей. Но конечно я не оказалъ бы должнаго уваженія ея святой и славной кончинѣ, если бы не упомянулъ о прекрасныхъ обстоятельствахъ оной, тѣмъ болѣе, что Горгонія съ такимъ желаніемъ и нетерпѣніемъ ожидала себѣ смерти. Упомяну же о семъ, какъ можно, короче. Она сильно желала разрѣшиться (ибо много имѣла дерзновенія къ Зовущему), и быть со Христомъ предпочитала все-

му на землѣ. И никто, при всей страсти и необузданности, не любитъ такъ своей плоти, какъ она, свергнувъ съ себя сіи узы и ставъ выше сего брѣнія, въ которомъ проводимъ жизнь, желала вполнѣ соединиться съ Вождѣннымъ и всецѣло воспріять Возлюбленнаго (присовокуплю еще) и Возлюбившаго ее, Который нынѣ озаряетъ насъ немногими лучами Своего свѣта, чтобы только могли мы понимать, съ Кѣмъ разлучены. Не тщетнымъ остается ея желаніе, столь божественное и высокое: но что еще болѣе, она предвкушаетъ желаемое благо въ предвѣдѣніи послѣ продолжительнаго бдѣнія, вознагражденнаго однимъ изъ самыхъ пріятныхъ сновъ и видѣніемъ, въ которомъ, по устроенію Божію, предназначенъ ей срокъ и даже открытъ самый день отшествія, чтобы она *уготовилась и не смутилась* (Пс. 118, 60.). И такъ для нея готова была благодать очищенія и освященія, которую всѣ мы получили отъ Бога, какъ общій даръ и основаніе новой жизни; или лучше сказать, вся жизнь была для нея очищеніемъ и освященіемъ. И хотя даръ возрожденія прішла она отъ Духа, но безопасное соблюденіе сего дара было пріуготовано прежнею жизнію. Дерзну даже сказать, что самое Таинство было для нея не новымъ дарованіемъ, а только печатію. Ко всему этому старалась она присовокупить еще освященіе своего мужа (хотите ли, чтобы я изобразилъ его вамъ кратко? Это былъ мужъ Горгоніи, и не знаю, нужно ли что говорить о немъ кромѣ сего): она заботилась, чтобы цѣлое тѣло посвящено было Богу, и чтобы не преселиться ей отсель, когда совершенна одна только половина

ея самой, а нѣкоторая часть остается еще несовершенною. И сіе моленіе ея не оставлено безъ исполненія Творящимъ волю боящихся Его и Приводящимъ къ концу прошенія ихъ. А когда же все устроилось по ея намѣренію, ни одно изъ желаній не оставалось безъ исполненія, и назначенный день приближался; тогда она начинаетъ готовится къ смерти и отшествію, и въ исполненіе общаго для сего устава возлегаеть на одръ. Потомъ передавши послѣднюю волю свою мужу, дѣтямъ и друзьямъ, какъ прилично было женѣ приверженной къ мужу, чадолюбивой и братолюбивой, послѣ любовмудренной бесѣды о будущей жизни, и день своей кончины содѣлавши днемъ торжества, она усыпаетъ, хотя не исполнивъ дней человѣческаго вѣка, чего и не желала, зная, что продолжительная жизнь бесполезна для нея самой, и большею частію бываетъ предана персти и заблужденію, но столько преисполненная дней по Богу, сколько, не знаю, бываетъ ли кто исполненъ изъ умирающихъ въ глубокой старости и совершившихъ на землѣ многіе годы. Такъ она разрѣшается, или лучше сказать, вземлетъ, отлетаетъ, преселяется, и немногимъ предваряетъ тѣло.

Но какое важное едва не ускользнуло отъ меня обстоятельство! Развѣ не допустилъ бы до сего ты, духовный отецъ ея, который внимательно наблюдалъ и намъ повѣдалъ чудо, такъ много и ее прославляющее, и для насъ служащее напоминаніемъ ея добродѣтели и побужденіемъ желать такой же кончины. И меня, при воспоминаніи о семъ чудѣ, объемлетъ какой-то ужасъ, и заставляетъ проливать

слезы. Она уже кончалась и была при послѣднемъ дыханіи; стояли вокругъ нея домашніе и постронніе, пришедшіе воздать послѣднее цѣлованіе; престарѣлая мать воздыхала и терзалась душою (ибо желала бы предварить ее отшествіемъ), общая любовь смѣшивалась со скорбію, одни желали бы что нибудь услышать на память о ней, другіе — сами сказать; но никто не смѣлъ произнести слова; безмолвны были слезы, и скорбь неутѣшна; непозволительнымъ казалось сопровождать рыданіями отходящую съ миромъ; глубокая соблюдалась тишина, и смерть имѣла видъ какого-то священнаго торжества. А она по-видимому была бездыханна, недвижима, безгласна, ея молчаніе заставляло думать, что тѣло оцѣпенѣло, и органы гласа уже омертвѣли, по причинѣ удаленія того, что приводило ихъ въ движеніе. Но Пастырь, тщательно наблюдавшій въ ней всѣ перемѣны, потому что все съ нею происходившее было чудесно, примѣтивъ легкое движеніе губъ, приложилъ ухо къ устамъ, на что давали ему право близость и единодушіе. Но лучше бы тебѣ самому повѣдать тайну безмолвія, въ чемъ она состояла. Никто не отрекся бы вѣрить сказанному тобою. Ею были произносимы псалмопѣнія, именно, слова исходнаго псалма, и (если нужно выговорить истину) свидѣтельствовали о дерзновеніи, съ каковымъ кончалась Горгонія. Блаженъ, кто упокоевается съ сими словами: *въ мирѣ вкупль усну и почію* (Пс. 4, 9.). Сіе и воспѣвала ты, сіе и исполнилось на тебѣ, совершеннѣйшая изъ женъ; это было и псалмопѣніе и надгробіе по отшествіи тебѣ, прекрасно умирная по мятежѣ

страстей, и въ общую чреду успенія вкусившая сонъ, даруемый возлюбленнымъ Божиимъ, какъ прилично было той, которая и жила и отошла съ словами благочестія.

Посему я увѣренъ, что гораздо лучше и превосходитѣ видимаго твое настоящее состояніе — гласъ празднующихъ, веселіе Ангеловъ, небесный чинъ, видѣніе славы, а паче всего, чистѣйшее и совершеннѣйшее осіяніе Всевышней Троицы, уже не сокрывающейся отъ ума, какъ связаннаго и разсѣваемаго чувствами, но всецѣло цѣлымъ умомъ созерцаемой и приемлеюй, и озаряющей наши души полнымъ свѣтомъ Божества. Ты наслаждаешься всѣми тѣми благами, которыхъ потоки достигали до тебя еще и на землѣ, за искреннее твое къ нимъ стремленіе. Если же для тебя сколько нибудь спасительно и наше прославленіе, если святымъ душамъ дается отъ Бога въ награду и то, чтобы чувствовать подобныя прославленія: то прими и мое слово, вмѣсто многихъ и паче многихъ погребальныхъ почестей, слово, какое прежде тебя воздалъ я Кесарію, а послѣ него воздаю и тебѣ; ибо для того и соблюденъ я на землѣ, чтобы надгробными рѣчами сопровождать братій. Почтитъ ли же кто послѣ васъ и меня подобною честію, не могу того сказать; но желалъ бы сподобиться единой чести, — чести въ **Богѣ**, и пришельствуя и вселяясь во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава, и Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки, аминь.

С Л О В О 9,

**ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ, ПО РУКОПОЛОЖЕНИИ СВ. ГРИГОРИЯ
ВОГОСЛОВА ВЪ ЕПИСКОПА САСИМСКАГО, ГОВОРЕН-
НОЕ ИМЪ ОТЦУ СВОЕМУ ГРИГОРИЮ, ВЪ ПРИСУТСТВИИ
ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.**

Снова на мнѣ помазаніе и Духъ, и опять хожу плача и стѣпя (Пс. 34, 14.). Вы, можете быть, дивитесь сему: но и Исаія, пока не зрѣть славы Господней и престола высокаго и превознесеннаго и Серафимовъ окрестъ его, не говоритъ ничего подобнаго, не показываетъ ни огорченія, ни страха; и хотя обвиняетъ Израиля, но себя щадитъ и отдѣляетъ какъ ни въ чемъ невиновнаго. Когда же узрѣлъ сіе и услышалъ святой и таинственный гласъ; какъ бы начиная лучше сознать себя, говоритъ: *о окаянный азъ, яко умилихся* (Ис. 6, 5.), и присовокупляетъ послѣдующія за симъ слова, которыхъ не скажу, чтобы не произнестъ чего оскорбительнаго. Нахожу также о Маноеъ, древнемъ Судии, а потомъ и о Петрѣ, столпѣ Церкви, что одинъ, когда узналъ, сколько бывшее ему видѣніе превышаетъ его природу и силы, говоритъ женѣ: мы погибли, ибо видѣли Бога; другой же не выноситъ Спасителява присутствія и чудодѣйствія,

которое явилъ Господь въ ловитвѣ рыбъ пльвшимъ съ Нимъ, и потому, хотя приходитъ въ удивленіе, однако же высылаетъ изъ корабля, присовокупляя и причину ту, что самъ онъ недостойнъ Божія явленія и собесѣдованія. И когда слышу въ Евангеліи о сотникѣ, который проситъ Христа показать силу, но отрекается видѣть Его у себя, потому что кровь его не можетъ вмѣстить Божія достоинства и величія: тогда не могу порицать себя за сей страхъ и сѣтованіе. Ибо какъ солнце обличаетъ слабость глаза, такъ Богъ пришествіемъ Своимъ — немощь души; и для однихъ Онъ свѣтъ, а для другихъ огонь, смотря по тому, какое вещество, и какого качества, встрѣчаетъ въ каждомъ. Какъ думать и о Саулѣ? И онъ былъ помазанъ, пріялъ Духа, самъ сталъ духовенъ (не могу и сказать о немъ иначе), даже пророчествовалъ, притомъ такъ неожиданно и необыкновенно, что чудо сіе обратилось въ половицу, и донынѣ повторяемую: *еда и Саулъ во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 11.). Поелику же онъ не всецѣло предалъ себя Духу, и не совершенно обратился *въ мужа иного*, какъ было предречено (1 Цар. 10, 6.), но оставалась въ немъ нѣкоторая искра прежняго зла и нѣсколько худаго сѣмени, еще продолжалась борьба плоти и духа... но къ чему выставять на позоръ всѣ его недостатки? Вамъ извѣстенъ сей сопротивный духъ, и пѣвецъ, который отгоняетъ его. Развѣ можемъ изъ сего познать еще то, что, какъ благодать не касается людей недостойныхъ и органа худаго и ненастроеннаго (ибо прекрасно сказано, въ чемъ я увѣренъ, *яко въ злохудожную душу не ввидеть премудрость*

(Прем. Сол. 1, 4.), такъ (присовокуплю это отъ себя), по причинѣ непостоянства и перемѣчивости устройства и природы въ челоуѣкѣ, не меньше трудное для него дѣло сохранить въ себѣ достоинство и стройность, какъ и въ началѣ благоустроить себя и содѣлаться достойнымъ. Ибо нерѣдко самая благодать, (наименую такое зло, которое въ насъ всего бѣдственнѣе и непонятнѣе) приводя въ киченіе и надмеая, удаляла отъ Бога приближавшихся къ Нему неправо; и мы въ самомъ уже возношеніи бываемъ низлагаемы, *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ, благимъ ми содѣвая смерть* (Римл. 7, 13.). Сего-то убоявшись, исполнился я горести, потупилъ взоры и испыталъ нѣчто подобное тому, что бываетъ при блескѣ молніи съ дѣтьми, въ которыхъ зрѣлище сіе производитъ удовольствіе, смѣшанное съ ужасомъ. Я вмѣстѣ возлюбилъ и устрасился Духа; нужно стало нѣсколько времени, чтобы мнѣ, собравшись съ самимъ собою, истрезвиться и избрать лучшее и безопаснѣйшее, и чтобы, когда не будетъ скорби, какъ плевель въ сѣмени, и худыя мысли уступать мѣсто лучшимъ, совершенно побѣдилъ Духъ и употребилъ меня на Свое служеніе и дѣланіе, къ совершенію людей сихъ, къ управленію душами, къ наученію словомъ, дѣломъ и примѣромъ, *оружіи правды десными и шуми* (2 Кор. 6, 7.), къ благоискусному прохожденію пастырства, которое отвлекаетъ отъ міра, приводитъ къ Богу, истощаетъ тѣло, соединяетъ съ Духомъ, избѣгаетъ тьмы, радуется о свѣтѣ, отгоняетъ звѣрей, собираетъ стадо въ ограду, остерегается стремнинъ и пустынь и гонитъ на горы

и высоты, о которыхъ, по моему мнѣнію, говорить и чудный Михей, возводя насъ отъ земли на приличную намъ высоту: *приблизитесь горамъ вѣчнымъ: востани и поиди, яко нѣсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 10.), хотя нѣкоторые и думаютъ найти себѣ покой въ земномъ и дольнемъ.

Такому пастырству научите меня, друзья, а теперь уже Пастыри и сопастыри мои; такого пастырства дайте мнѣ уставы, — и ты общій отецъ, въ продолженіе времени поставившій и пережившій многихъ Пастырей, и ты испытатель и судія моего любомудрія! Но застигнутые и оглушаемые бурей, можемъ ли мы искусно пасти и питать стадо? Равнодушно выслушай меня, ты, который, бывъ въ числѣ овецъ, когда мы съ тобою (не оскорбись моимъ словомъ) принадлежали еще къ безсловесному стаду, поступалъ гораздо челоуколюбивѣе, нежели какъ поступаешь, ставъ пастыремъ, когда мы удостоены духовной пажити. Въ твоей сталъ я власти, какъ тебѣ хотѣлось, и ты побѣдилъ непобѣдимаго. Вотъ тебѣ сверхъ прочаго и слово, котораго ты зная домогался, и которое хвали, осыпалъ меня, коснѣющаго въ безмолвіи, частыми и густыми снѣгами словъ твоихъ. Но есть нѣчто, за что могу укорить тебя въ дружбѣ. Кто изъ общихъ друзей разсудить меня, кто будетъ неподкупнымъ судіею, и произнесетъ правдивый приговоръ, не станетъ, какъ поступаютъ многіе, уважать лица на судъ? Прикажешь ли сказать, въ чемъ укоряю? и не обратишь ли опять противъ меня слова своего? И у тебя, дивный мужъ, произошло со мною нѣчто неизъяснимое, подлинно неизъяснимое и невѣроят-

ное, чего доселѣ у насъ не слыхано. Я уступилъ не убѣжденію, но принужденію. И не чудно ли! какъ все перемѣнилось, какое положено между нами разстояніе? Чѣмъ? (Какъ угодно тебѣ, такъ и скажу) — престоломъ или величіемъ благодати?

Впрочемъ *веди, успьвай и царствуй* (Пс. 44, 5.), и паси меня, пастыря, потому что я готовъ слѣдовать за тобою и быть водимъ твоею пастырскою, высокою и божественною душою. (Ибо надобно сказать истину, хотя изъ любви дерзнулъ я на иное и сверхъ закона). Научи меня своей любви къ паствѣ, своей заботливости и вмѣстѣ благоразумію, внимательности, неусыпности, покорности плоти твоей, съ какою она уступила духу, этому цвѣту лица, свидѣтельствующему о пастырскихъ трудахъ, при кротости строгому обращенію, при производствѣ дѣлъ — веселости и спокойствію (чего не во многихъ найдешь, и чему не много бывало примѣровъ), своимъ ратованіямъ за паству и побѣдамъ, которыя одержалъ ты во Христѣ. Скажи, на какія пажити водить стадо, къ какимъ ходитъ источникамъ, или какихъ избѣгать пажитей и водъ; кого пасти палицею, и кого пасти свирѣлію; когда выводить на постбища, и когда сзывать съ пастбищъ; какъ вести брань съ волками, и какъ не вести брани съ пастырями, особливо въ нынѣшнее время, когда (выражу скорбь словами святѣйшихъ Пророковъ) *обуяша пастыри* (Иер. 10, 21.), и *разсыпаша овцы паствы* (Иер. 23, 1.); какъ изнемогшее подъять, падшее возставить, заблуждающее обратить, погибшее взыскать и крѣпкое сохранить; какъ мнѣ научиться сему и соблюсти сіе согласно съ истиннымъ и вашимъ уче-

ніемъ о долгѣ Пастыря, а не стать худымъ пастыремъ, который млеко ѣстъ, волною одѣвается, тучное закаляетъ или продаетъ, а прочее оставляетъ звѣрямъ и стремнинамъ, и самага себя пасетъ, а не овецъ, въ чемъ укоряемы были древніе предстоятели Израиля (Іезек. 34, 3. 4.). Сему научите, сими правилами подкрѣпите меня, по симъ заповѣдямъ будьте Пастырями и сопастырями, и спасите какъ ученіемъ, такъ и молитвами, меня и мою священную паству, чтобы и мнѣ устоять, и вамъ похвалиться въ день явленія и откровенія великаго Бога и Пастыреначальника нашего, Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу Вседержителю со Святымъ и Животворящимъ Духомъ и мнѣ, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 10,

**ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ, ПО ВОЗВРАЩЕНИИ СВ. ГРИГОРІЯ
ВОГОСЛОВА ИЗЪ УЕДИНЕНІЯ, ГОВОРЕННОЕ ИМЪ ОТЦУ
СВОЕМУ И ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ.**

Нѣтъ ничего сильнѣе старости и достоуважаемѣ дружества. Ими приведенъ къ вамъ я—узникъ о Христѣ, связанный не желѣзными веригами, но неразрѣшимыми узами Духа. Доселѣ почиталъ я себя крѣпкимъ и непреодолимымъ, и (какое неразуміе!) не удѣлялъ словъ моихъ даже симъ друзьямъ моимъ и братіямъ; но все предоставивъ, кому сіе угодно, желалъ жить въ покоѣ, любомудрствовать въ безмолвіи, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Духомъ. Представлялъ въ умѣ Кармиль Иліинъ, пустыню Іоаннову и премірную жизнь любомудрствующихъ, какъ Ілія и Іоаннъ; настоящее уподоблялъ бурѣ, и искалъ себѣ какой нибудь скалы, или утеса, или стѣны, гдѣ бы укрыться. Разсуждалъ самъ съ собою: пусть для другихъ будутъ почести и труды, для другихъ брани и отличія за побѣды, а для меня, избѣгающаго браней и углубляющагося въ самага себя, довольно жить, какъ могу, какъ бы на легкомъ суднѣ преплыть небольшое море, и скудостью здѣш-

ней жизни приобрести себѣ малую обитель въ жизни будущей. Можетъ быть болѣе низости, но зато и болѣе осторожности, показываетъ мысль — равно удаляться и высоты и паденія. Такъ размышлялъ я, пока можно еще было писать тѣни и сонныя мечты и питать умъ пустыми вымыслами. Что же теперь? Превозмогло меня дружество, покорила сѣдяна отца — старость мудрости, предѣлъ жизни, безопаснѣйшее пристанище и дружба того, который самъ богатѣетъ для Бога, и другихъ обогащаетъ. Отлагаю уже глѣвъ, да услышатъ кротцыи и возвеселятся (Пс. 33, 3.)! Спокойно смотрю на руку, сдѣлавшую мнѣ насиліе, съ радостнымъ взоромъ обращаюсь къ Духу; сердце мое не мятется, разсудокъ возвращается; дружба, подобно потушенному и угасшему пламени, опять оживаетъ и возгарается отъ малой искры.

Отвержесея утѣшитися душа моя (Пс. 76, 3.), и уны во мнѣ духъ мой (Пс. 142, 4.). Я говорилъ: впредь не буду вѣрить дружеству, и для чего мнѣ надѣяться на человѣка? *Ибо всякъ человѣкъ льстиво ходитъ, и всякъ братъ запинаніемъ запинаетъ ближняго своего (Иер. 9, 4.).* Всѣ мы изъ одной персти, изъ одного смѣшенія, вкусили отъ одного и тогоже древа зла, но одинъ ту, другій другую носимъ благообразнѣйшую личину. И какая мнѣ польза, разсуждалъ я, отъ этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась съ міра и перешла въ духъ? Какая польза изъ того, что у насъ были одинъ кровь и одна трапеза, общіе наставники и уроки? Что пользы изъ этого, болѣе нежели братскаго, сліянія сердець, и въ по-

слѣдствіи искренняго единодушія? Ужели мнѣ не позволяютъ и того, чтобы остаться внизу, во время владычества и возвышенія друга, когда многіе домогаются и достигаютъ противнаго, то-есть того, чтобы вмѣстѣ съ друзьями владычествовать и участвовать въ ихъ благоденствіи? Но для чего мнѣ пересказывать все, что придумывали печаль и уныніе, которое называю омраченіемъ ума? Но таковы дѣйствительно, и даже еще хуже, были мои разсужденія. Обвиню самъ себя за свое высокоуміе, или безуміе.

Но теперь перемѣняю свои мысли, и самъ перемѣняюсь, что гораздо справедливѣе прежняго, а для меня приличнѣе. Искренность же моей перемѣны можешь видѣть, дивный мужъ, не только изъ того, что разрѣшено тобою мое молчаніе, на которое ты жаловался, и въ которомъ много укорялъ меня, но также изъ того, что самыя слова мои служатъ тебѣ защитниками. Это явный знакъ нашей дружбы и живущаго въ насъ духа. Но въ чемъ же состоитъ оправданіе твое? (Если погрѣшу въ чемъ либо, самъ поправь меня, какъ имѣешь обычай дѣлать въ другихъ случаяхъ). Ты не потерпѣлъ, чтобы дружба предпочтена было Духу: и если я для тебя дороже, можетъ быть, всякаго другаго, то Духъ несравненно для тебя предпочтительнѣе, нежели я. Ты не потерпѣлъ, чтобы талантъ оставался сокрытымъ и закопаннымъ въ землѣ: не потерпѣлъ, чтобы долго скрывался подъ спудомъ свѣтилъ; ибо такъ ты думаешь о моемъ свѣтѣ и моемъ дѣланіи; ты домогался, чтобы къ тебѣ — Павлу присоединенъ былъ Варнава, домогался, чтобы къ Силуану и Тимо-

ею присовокупленъ былъ и Титъ , и чтобы тебѣ чрезъ тѣхъ , которые искренно о тебѣ заботятся , распространять благодать Божію , и *отъ Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благо-вѣствованіе* (Рим. 15, 19.). Для сего-то и меня изводишь на-среду и , когда желалъ бы я уклониться , берешь и посаждаешь подлѣ себя (въ семь-то , можетъ быть , скажешь ты , состоитъ мое оскорбленіе) , и дѣлаешь сообщникомъ заботъ и вѣнцовъ ; для сего помазуешь меня въ первосвященника , облакаешь въ подирь , возлагаешь на меня кидарь , приводишь къ жертвеннику духовнаго всесожеженія , приносишь въ жертву тельца освященія , освящаешь руки Духу , вводишь меня для тайнозрѣнія во святая-святыхъ , и содѣлываешь служителемъ *скинии истиннѣй , юже водрузи Господь , а не человекъ* (Евр. 8, 2.). Но достоинъ ли я и помазующихъ , и Того , для Котораго и предъ Которымъ совершается помазаніе , — о семь знаетъ Отецъ истиннаго и подлиннаго Помазанника , Котораго помазалъ Онъ елеемъ радости паче причастникъ Его (Пс. 44, 8.) , помазавъ человечество Божествомъ , да сотворить обоя едино ; знаетъ и Самъ Богъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ , чрезъ Котораго получили мы примиреніе ; знаетъ и Духъ Святой , поставившій насъ на сіе служеніе , въ которомъ *стоимъ и хвалимся упованіемъ славы* (Рим. 5, 2.) Господа нашего Иисуса Христа , Которому слава во вѣки вѣковъ . Аминь .

С Л О В О 11,

ГОВОРЕННОЕ БРАТУ ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, СВЯТОМУ ГРИГОРІЮ, ЕПИСКОПУ НИССКОМУ, КОГДА ОНЪ ПРИШЕЛЪ КЪ СВ. ГРИГОРІЮ ВОГОСЛОВУ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕГО ВЪ ЕПИСКОПА.

Друга вѣрнаго не лѣзя ничѣмъ замѣнить, и нѣсть мѣрила добротѣ его. Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ (Сир. 6, 14 и 15.) и огражденное царство (Прит. 18, 19.); другъ вѣрный — сокровище одушевленное. Другъ вѣрный дороже золота и множества драгоценныхъ камней. Другъ вѣрный — вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ (Пѣс. Пѣс. 4, 12.), которые временно отверзаютъ, и которыми временно пользуются. Другъ вѣрный — пристанище для упокоенія. А ежели онъ отличается благородіемъ, то сіе сколько еще драгоценнѣе! Ежели онъ высокъ ученостію, ученостію всеобъемлющею, какою должна быть и была нѣкогда наша ученость, то сіе сколько еще преимущественнѣе? А ежели онъ и сынъ свѣта (Іоан. 12, 36.), или человекъ Божій (1 Тим. 6, 11.), или приступающій къ Богу (Исх. 19, 22.), или мужъ лучшихъ желаній (Дан. 9, 22), или достойный одного изъ подобныхъ наименованій, какими Писаніе отличаетъ

мужей божественныхъ , высокихъ и принадлежащихъ горнему: то сіе уже даръ Божій, и очевидно выше нашего достоинства. А ежели и приходитъ онъ къ намъ отъ друга, и притомъ равночестнаго и добродѣтелию и дружествомъ съ нами: то сіе еще приятнѣе и сладостнѣе, и благоуханнѣе мура, украшающаго *браду іерея и ометы одежды* (Пс 132, 2.).

Довольно ли этого? И точно ли изобразило вамъ слово мужа сего? Или надобно, подражая прилежнымъ живописцамъ , не одинъ разъ набросать краски, чтобы представить вамъ въ словѣ совершенное его изображение? Итакъ опишемъ его вамъ полнѣе и явственнѣе. Кто всѣхъ знаменитѣе изъ законодателей? — Моисей. Кто всѣхъ святѣе изъ священниковъ? — Ааронъ. Оба братья не менѣе по благочестію, какъ и по плоти. Или лучше сказать, одинъ—богъ *Фараону* (Исх. 7, 1.), ходатай и законодатель Израиля, входящій внутрь облака , созерцатель Божественныхъ таинъ и тайноводитель, строитель истинной скинии , *юже водрузи Господь, а не человекъ* (Евр. 8, 2.); оба же равно іереи, какъ сказано: *Моисей и Ааронъ во іереехъ Его* (Псал. 98, 6.). Одинъ—князь князей, іерей іереевъ, употребляетъ Аарона, гдѣ только нуженъ языкъ, и самъ служитъ ему *въ тлхъ, яже къ Богу* (Исх. 4, 16.). А другой немного ниже перваго , но много превосходитъ другихъ достоинствомъ и близостію къ Богу. Оба поражаютъ казнями Египеть, разсѣкаютъ море, переводятъ чрезъ него Израиля, потопляютъ враговъ, низводятъ хлѣбъ свыше, то даютъ, то услаждаютъ, сверхъ упованія, воду въ пустынь. Оба низлагаютъ *Амалика* святымъ воздѣяніемъ рукъ и

прообразованіемъ высшаго таинства. Оба ведутъ и поспѣшаютъ въ землю обѣтованія. Не знакомое ли что для васъ въ этомъ образѣ? Живописующее слово не ясно ли изобразило вамъ со мною одноименнаго и единоплеменнаго мужа? Одинъ изъ нихъ меня помазалъ и укрывавшагося извелъ на-среду. Не знаю, что его побудило и чѣмъ онъ увлекся, поступивъ недостойно живущаго въ немъ Духа. (Какъ ни жестоко слово сіе, однако же скажу; потому что дружба переноситъ все, что ни терпитъ и ни слышитъ). Другой приходитъ утѣшить меня и примирить съ Духомъ. И теперь для меня дорого его пришествіе (да и какъ не дорожить онымъ тому, кто предпочиталъ васъ всей своей жизни?), однакоже укоряю его за то, что пришелъ позже, чѣмъ требовала нужда.

Къ-чему помощь послѣ нашествія и пораженія, наилучшій изъ друзей и помощниковъ? Къ-чему кормчій послѣ бури, и лекарство по заживленіи раны? Устыдился ли ты причиняемаго намъ насилія, какъ братолюбивый, или и самъ, какъ имѣющій власть, вознегодовалъ на непослушаніе? Котораго изъ братьевъ обвиняешь, и котораго освобождаешь отъ укоризны? Скажу тебѣ словами Іова (и онъ сѣтовалъ на друга, хотя не на такого и не въ такихъ страданіяхъ): *кому прилежиши? или кому хочещи помогати? не сему ли, емуже многа крѣпость? не емуже ли многа премудрость и вѣдѣніе* (Іов. 26, 2.)? А это, какъ вижу, бываетъ нынѣ со многими судіями, которые легче простятъ самую важную вину людямъ значительнымъ, нежели малость — незначительнымъ. Хотя же ты и самъ,

можетъ быть, видишь сіе (мнѣ, который ставлю тебя въ образецъ и правило совершенства, и вмѣстѣ имѣю повелѣніе не быть скорымъ на судъ (Матѣ. 7, 1.), не позволительно и произнести о тебѣ что либо недоброе): однако же и тебѣ, и всякому желающему, готовъ я по дружбѣ дать отчетъ въ моей или покорности, какъ назовутъ можетъ быть нѣкоторые, или предусмотрительности и осторожности, какъ самъ себя увѣряю; дабы ты видѣлъ, что имѣешь друга, который не вовсе безразсуденъ и невѣжда, но можетъ иное разсмотрѣть лучше многихъ, смѣлъ въ томъ, что достойно смѣлости, и боязливъ, гдѣ есть мѣсто страху, и гдѣ не бояться— всего страшнѣе для имѣющаго умъ. Какъ же разсудите, и что признаете лучшимъ? Прикажете ли теперь дать вамъ отчетъ, или найдете сіе не приличнымъ времени? ибо собрались мы праздновать, а не судиться: или велите отложить дѣло до другаго времени и собранія? ибо потребно слово продолжительнѣе того, какое дозволяетъ настоящій день.

Что же изреку вамъ достойное сего торжества, чтобы и мнѣ самому не отпустить васъ голодными, тогда какъ я распорядитель пира? Очистимъ себя, братія, ради Мучениковъ, вѣрнѣе же сказать, ради Того, для Котораго и они очистили себя кровію и истинною; освободимъ себя *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1.), омоемся, *чисти будемъ* (Ис. 1, 16.), и сами представимъ *тѣлеса наша и души жертву живу, святу, благоугодну Богу*, сіе наше *словесное служеніе* и молитву (Рим. 12, 1.). Ибо для чистаго ничто такъ не драгоценно, какъ чистота и очищеніе. Будемъ подвизаться

ради подвижниковъ, побѣждать ради побѣдившихъ, свидѣтельствовать истину ради свидѣтелей. Принесемъ это въ даръ ихъ подвигамъ, дабы и намъ самимъ содѣлаться увѣнчанными и наслѣдниками тойже славы, какъ нами имъ воздаваемой, такъ и соблюдаемой на небесахъ, о которой напоминаеть, и которую въ малыхъ чертахъ изображаетъ видимое здѣсь. Будемъ подвизаться противъ началъ и властей, противъ невидимыхъ гонителей и мучителей, противъ міродержителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ и близънебесныхъ, противъ внутренней брани въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, противъ возстаній ежедневно отвнѣ приражающихся. Вооружимся терпѣніемъ противъ раздражительности, какъ звѣря, противъ языка, какъ остраго меча, и погасимъ сластолюбіе, какъ огонь. Приставимъ къ слуху двери, которыя бы благовременно отворились и затворились, и уцѣломудримъ око, не дадимъ осязанію приводить насъ въ бѣшенство, вкусу — терзать, да не възидеть смерть сквозь окна наша (Іер. 9, 27.) (какъ, по моему разсужденію, названы чувства), и осмѣемъ неумѣренность смѣха, не преклонимъ колѣнъ предъ Вааломъ по причинѣ скудости, не поклонимся златому образу изъ страха, будемъ страшиться, чтобы не убояться чего либо болѣе, нежели Бога, и чтобы не поругать образа Его грѣхомъ. Во всемъ воспримемъ щитъ вѣры, и избѣжимъ всѣхъ стрѣлъ лукаваго.

Страшна сія брань, велико ополченіе, и побѣда велика! Если для сего мы собрались, или стекаемся, то подлинно угодно Христу наше празднество,

дѣйствительно почтили, или почтимъ, Мучениковъ, истинно побѣднѣе составляемъ лики. Если же имѣемъ въ виду угодить прихотямъ чрева, предаться временнымъ забавамъ, внести сюда удобоиспостное, думаемъ найти здѣсь мѣсто для пьянства, а не для цѣломудрія, и время для купли и дѣлъ житейскихъ, а не для восхожденія и (осмѣлюсь такъ сказать) обоженія, къ которому служатъ намъ посредниками Мученики: то во-первыхъ не знаю, благовременно ли это. Ибо какое сравненіе соломы съ пшеницею, плотскихъ забавъ съ подвигами Мучениковъ? Первые приличны зрѣлищамъ, а послѣдніе — моимъ собраніямъ. Первые свойственны развратнымъ, а послѣдніе — цѣломудреннымъ; первые — плотоугодникамъ, послѣдніе — отрѣшившимся отъ тѣла. А потомъ хотѣлъ бы я сказать нѣчто болѣе смѣлое, но удерживаюсь отъ злорѣчія изъ уваженія къ дню; по крайней мѣрѣ скажу (это будетъ гораздо скромнѣе), что не сего требуютъ отъ насъ Мученики.

Итакъ, братія, не будемъ святаго совершать нечисто, высокога — низко, честнаго — безчестно, и кратко сказать, духовнаго — по-земному. Торжествуетъ и Іудей, но по буквѣ; празднуетъ и Еллинъ, но въ угожденіе демонамъ: а у насъ, какъ все духовно: дѣйствіе, движеніе, желаніе, слова, даже походка и одѣяніе, даже мановеніе, потому что умъ на все простирается, и во всемъ образуетъ челоуѣка по Богу; такъ духовно и торжествованіе и веселіе. Не запрещаю давать себѣ и прохладу, но пресѣкаю неумѣренность. Если же духовно собираемся и празднуемъ память Мучениковъ, то хотя много сказать, чтобы мы сами получили

за сіе одинаковыя съ ними награды и наслѣдовали ту же славу (ибо, какъ думаю, для очищенныхъ кровію и подражающихъ жертвѣ Христовой святыхъ мучениковъ соблюдается то, чего око не видало, ухо не слыхало и не воображалъ умъ чловѣческій, свободно созидающій въ себѣ представленіе о блаженствѣ), по крайней мѣрѣ (что, какъ я утверждаю, также не маловажно) увидимъ свѣтлость святыхъ мучениковъ, увидемъ въ радость того же Господа, и, сколько знаю, яснѣе и чище просвѣтимся свѣтомъ блаженныхъ, начальныя Троицы, въ Которую мы увѣровали, Которой служимъ, и Которую исповѣдуемъ предъ Богомъ и людьми, нисколько не страшась и не стыдясь ни внѣшнихъ враговъ, ни встрѣчающихся между нами лже-христіанъ и противниковъ Духа. И, о если бы намъ до послѣдняго издыханія съ великимъ дерзновеніемъ соблюсти сей прекрасный залогъ святыхъ Отцевъ, жившихъ ближе ко Христу и къ первоначальной вѣрѣ,—сіе исповѣданіе, въ которомъ изъ дѣтства мы воспитаны, которое прежде всего научились произносить, и съ нимъ наконецъ преселиться изъ сей жизни, взявъ съ собою отсюда не другое что, какъ одно благочестіе! Богъ же мира, Крестомъ примирившій съ Собою насъ, содѣлавшихся Его врагами чрезъ грѣхъ, благовѣствовавшій *миръ и ближнимъ и дальнимъ* (Еф. 2, 17.), находящимся подъ закономъ и внѣ закона, Отецъ любви и Любовь (ибо сими преимущественно именами угодно Ему именоваться, чтобы самыми наименованіями предписывать намъ братолюбіе), давшій *новую заповѣдь*—столько любить другъ друга, сколько мы сами Имъ

возлюблены (Иоан. 13, 34.), позволяющій дѣлать доброе насиліе и терпѣть оное по страху, благо-разумно уступать и имѣть также дерзновеніе съ разумомъ, усовершающій великія паствы и малыя увеличивающій благодатію, — Онъ Самъ, по множеству благости Своей, да утѣшитъ насъ утѣшеніемъ многимъ, и да ведетъ насъ впередъ, пася съ нами и спасая стадо; а васъ да совершитъ на всякое дѣло благое, да наставитъ духовно торжествовать въ честь Мучениковъ, да удостоитъ насладиться тамъ, гдѣ обитель всѣхъ веселящихся, и когда явитесь въ правдѣ, да насытитъ васъ видѣніемъ Своей славы, созерцаемой во Христвъ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 12,

ГОВОРЕННОЕ ОТЦУ, КОГДА ПОРУЧИЛЪ ЕМУ ПОПЕЧЕНІЕ О НАЗІАНЗСКОЙ ЦЕРКВИ.

Уста моя отверзохъ, и привлекохъ Духъ (Пс. 118, 131.). Духу предаю все свое и себя самага, и дѣло и слово, и бездѣйствіе и молчаніе, только да обладаетъ Онъ мною, да водить меня, да направляетъ руку, умъ и языкъ, къ чему должно и къ чему хочется; а также и да отводитъ, отъ чего удаляться и должно и для меня лучше. Я органъ Божій, органъ словесный, который настроилъ, и въ который ударяетъ добрый Художникъ—Духъ. Вчера располагалъ Онъ къ молчанію, и моимъ любомудріемъ было не говорить. Нынѣ ударяетъ въ умъ, и я изглашу слово, моимъ любомудріемъ будетъ—говорить. Я не такъ многорѣчивъ, чтобы пожелалъ говорить, когда заставляютъ молчать, и не такъ молчаливъ и малоучень, чтобы во время приличное для слова сталъ полагать храненіе ус-

тамъ: напротивъ того и заключаю и отверзаю дверь мою (Пс. 140, 5.) Уму, Слову и Духу, единому естеству и Божеству. Итакъ буду говорить, потому что имѣю на сіе повелѣніе. Говорить же буду сему доброму Пастырю и вамъ, священная паства, что, по моему разсужденію, лучше и мнѣ нынѣ сказать, и вамъ слышать.

Для чего сталъ нуженъ сопастырь тебѣ? ибо съ тебя начнется слово, любезная и почтенная для меня глава, равночестная главѣ Аароновой, съ которой точится духовное и священное муро даже до браны и одежды (Пс. 132, 2.). Для чего ты, когда самъ еще въ состояніи поддерживать и руководствовать многихъ, и дѣйствительно руководишь силою Духа, въ духовныхъ дѣлахъ требуешь для себя жезла и подпоры? Потому ли, что и съ великимъ Аарономъ, какъ знаемъ и слышимъ, помазаны были Елеазаръ и Иѳамаръ, сыны Аароновы? Ибо о Надавѣ и Авидѣ охотно умолчу, чтобы не произнестъ неприязненнаго слова. Потому ли, что и Моисей, еще при жизни, назначаетъ Иисуса вмѣсто себя законодателемъ и вождемъ поспѣвающихъ въ землю обѣтованія? Объ Ааронѣ же и Орѣ, которые поддерживали руки Моисеевы на горѣ, чтобы Амаликъ побѣжденъ былъ Крестомъ, издалика преднаписуемымъ и прообразуемымъ, почитаю для себя удобнымъ и не говорить, какъ о примѣрѣ для меня весьма несвойственномъ и неприличномъ; потому что Моисей избралъ ихъ не участниками въ законодательствѣ, но помощниками въ молитвѣ и подпорою для утомленныхъ рукъ. Но у тебя что стра-

ждать? что утомлено? Тѣло ли? — Я готовъ поддерживать, даже поддерживалъ, и самъ поддержанъ, какъ Іаковъ, отеческими благословеніями. Или духъ? — Но въ комъ онъ крѣпче и пламеннѣе, особенно теперь, когда болѣе и болѣе подчиняется и уступаетъ ему плотское, какъ вещество, противопоставленное свѣту, преграждающее его и препятствующее сіянію? Ибо плоть и духъ всего чаще враждуютъ между собою, и противоборствуютъ другъ другу; и какъ тѣло бываетъ въ добромъ состояніи, когда болѣзнуетъ душа, такъ душа цвѣтетъ и простираетъ взоры горѣ, когда желаніе удовольствій утихаетъ и увядаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Но въ тебѣ удивился я еще простотѣ и смѣлости, какъ не убоялся ты (чего весьма должно опасаться въ настоящія времена), чтобы твоей духовной ревности не почли однимъ предлогомъ, и не показалось многимъ, будто бы званіе сіе принимаемъ для плотскихъ цѣлей, хотя и представляемъ на видъ духовную пользу. Ибо многіе сдѣлали то, что оно почитается великимъ, самовластнымъ и доставляющимъ какую-то чудную пріятность, хотя бы надлежало быть предстоятелемъ и правителемъ паствы, которая еще менѣе обширна, нежели наша, и приноситъ болѣе досадъ, нежели удовольствія. Сего довольно о твоей простотѣ, или о твоёмъ чадолюбіи, по которымъ ты и самъ не предпринимаешь ничего вреднаго, и другихъ рѣдко въ томъ подозрѣваешь: ибо кто съ трудомъ преклоняется на зло, тотъ медлитель и въ подозрѣніи худаго. А я долженъ еще предложить краткую бесѣду сему твоему, или н моему, народу.

Мнѣ сдѣлано принужденіе, друзья и братія, — къ вамъ буду взывать теперь, если не взывалъ тогда. — сдѣлано старостію отца и (выражусь скромно) благосклонностію друга (а); помогите мнѣ, кто сколько можетъ, и подайте руку угнетаемому и увлекаемому то собственнымъ желаніемъ, то Духомъ! Одно предлагаетъ мнѣ бѣгство, горы и пустыни, безмолвіе душевное и тѣлесное, совѣтуетъ удалиться умомъ въ самага себя, и отвратиться отъ чувствъ, чтобы неоскверненному бесѣдовать съ Богомъ и чистому озаряться лучами Духа, безъ всякой примѣси дольняго и омраченнаго, безъ всякихъ прегражденій Божественному свѣту, пока не прииду къ Источнику здѣшнихъ озареній, и не буду остановленъ въ желаніи и стремленіи тѣмъ, что зерцала упразднятся дѣйствительностію. А Духъ требуетъ, чтобы я выступилъ на-среду, принесъ плодъ обществу, искалъ для себя пользы въ пользѣ другихъ, распространялъ просвѣщеніе, приводилъ къ Богу *люди избранны* (Тит. 2, 14.), *царское священіе, языкъ святъ* (1 Петр. 2, 9.), и сдѣлалъ, чтобы въ большемъ числѣ людей очищался образъ. Ибо какъ въ сравненіи съ однимъ растеніемъ лучше и больше садъ, въ сравненіи съ одною звѣздою — цѣлое небо и всѣ его украшенія, и въ сравненіи съ членомъ — тѣло: такъ и предъ Богомъ цѣлая и благоустроенная Церковь предпочтительнѣе одного человѣка. И надобно имѣть въ виду не себя только, но и другихъ; потому что и Хри-

(а) Св. Василия Великаго.

стось, Которому можно было пребывать въ Своей чести и Божествѣ, не только истощилъ Себя до зрака раба (Филип. 2, 7.), но и крестъ претерпѣлъ, о срамоть нерадивъ (Евр. 12, 2.), чтобы Своими страданіями истребить грѣхъ и смертію умертвить смерть. Таковы предначертанія моего желанія, и таковы велѣнія Духа! Стоя между желаніемъ и Духомъ и недоумѣвая, чему въ большей мѣрѣ предаться, вотъ что нашель я, какъ разсуждаю, лучшаго и безопаснѣйшаго; сообщу и вамъ, чтобы вы вмѣстѣ со мною изслѣдовали и утвердили мое намѣреніе. Я разсудилъ, что всего лучше и безопаснѣе соблюсти средину между желаніемъ и страхомъ, и въ одномъ уступить желанію, въ другомъ—Духу. А сіе нашель я возможнымъ, если не вовсе буду убѣгать служенія, чтобы не отринуть благодати, что было бы опасно; и не возьму на себя бремени выше силъ своихъ, что было бы тягостно. Для перваго нужна другая голова, для послѣдняго—другія силы; вѣрнѣе же сказать, то и другое высокоумно. Напротивъ того благочестиво и вмѣстѣ безопасно соразмѣрять служеніе съ силами и, какъ поступаемъ при употребленіи пищи, что по силамъ, принимать, а что выше силъ, оставлять. Ибо такъ умѣренностію въ томъ и другомъ приобрѣтается и тѣлесное здравіе и душевное спокойствіе. Посему-то соглашаюсь теперь раздѣлять попеченія съ добрымъ отцемъ, какъ съ большимъ и высокопарнымъ орломъ летающій близъ него невовсе неопытный птенецъ. А потомъ предамъ крылья свои Духу—нести, куда угодно, и какъ угодно; и подъ Его руководствомъ никто не принудитъ и не поведетъ

меня и нуду. Ибо хотя пріятно наслѣдовать отцевы труды, и привычная паства пріятнѣе незнакомой и чужой (присовокупилъ бы еще, — и многоцѣннѣе предъ Богомъ, если только не обманываетъ любовь, и настоящихъ чувствованій не закрываетъ привычка); однакоже полезнѣе и безопаснѣе начальствовать желающимъ и надъ желающими. Да и по закону нашему должно водить не насильно, и не нуждею, но волею (1 Петр. 5, 2.). И другое начальство не можетъ утвердиться принужденіемъ; управляемое съ насиліемъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается освободиться: тѣмъ паче наше, не столько начальство, сколько дѣтвоезденіе, всего болѣе соблюдаетъ свободу. Ибо тайна спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ.

Таково мое вамъ, братія, слово, сказанное просто, со всякимъ благорасположеніемъ; такова тайна моего сердца! Да превозможетъ то, что для васъ и для меня будетъ полезно, и дѣлами нашими да управить Духъ: ибо опять возвращается слово мое къ Духу, Которому предалъ я самого себя и главу, помазанную елеемъ совершенія во Вседержителѣ Отцѣ, въ Единородномъ Сынѣ и во Святомъ Духѣ и Богѣ. Ибо доколѣ намъ скрывать свѣтильникъ подъ спудомъ и какъ бы лишать другихъ совершеннаго Божества? Время поставить истину сію (б) на свѣщникъ, да свѣтитъ она всѣмъ Церквямъ и душамъ, и всей полнотѣ вселенной, не догадочно

(б) Ученіе о Божествѣ Духа Святаго.

предлагаемая, не мысленно только преднаписуемая, но изрекаемая явно, какъ совершеннѣйшее обнаруженіе богословія въ сподобившихся сея благодати чрезъ самаго Иисуса Христа, Господа нашего, Которому слава, честь и держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 13,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРИ РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕВЛАДІА ВЪ ЕПИСКОПА ДОАРСКАГО.

Примите, братія, слово мое, хотя оно весьма кратко и далеко отъ совершенства. Но Владыка Богъ знаетъ, какъ праведнымъ судомъ взвѣшивать милость; ибо пріемлетъ и Павлово насажденіе, какъ Павлово, и Аполлосово напоеніе (1 Кор. 3, 6.), и двѣ лепты вдовицы (Лук. 21, 3.), и смиреніе мытаря (18, 14.), и Манассіино исповѣданіе (2 Пар. 33, 13.). Примите и вы новосоставленное слово о новопоставленномъ Пастырѣ. Примите гласъ благодаренія за видимыя нами чудеса. Хотя мы малы и послѣдніе въ сынахъ Израилевыхъ: но благодарить богато ничто не препятствуетъ и малымъ. Конечно, совершеннѣйшіе воздадутъ Богу и хвалу совершеннѣйшую: а мы принесемъ ему нынѣ, какую можемъ.

Итакъ *воспойте Господеву пѣснь нову, яко дивна сотвори* (Пс. 97, 1.)! Мы были обуреваемы волнами, побораемы, изгоняемы; однѣ бѣдствія уже угнетали насъ, а другія угрожали намъ. Кто же премѣнилъ бурю въ тихій вѣтръ? Кто сокрушилъ оружіе, мечъ и брань? Кто принялъ насъ изгнан-

ныхъ и отверженныхъ? Не Ты ли, Боже, сотворилъ сіе? *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани* (Пс. 23, 8), — Онъ разсѣкъ море, Онъ питалъ въ пустынѣ народъ бѣгствующій, пославъ ему чудный дождь (а), Онъ источилъ воду изъ камня, Онъ побѣдилъ Амалика неизъяснимымъ и таинственнымъ воздѣяніемъ рукъ (ибо руки священника, воздвигаемыя на горы и принимающія молитвенное положеніе, совершили то, чего не могли сдѣлать многія тысячи); Онъ разрушилъ стѣны безъ стѣнобитныхъ орудій и битвы; скажу наконецъ, Онъ низложилъ Голіаѳа, гордаго и надменнаго потомка исполиновъ, дерзнувшаго выдти противъ великаго Давида. Посему скажемъ единодушно: *Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ; потокъ преиде душа наша, яко птица избавися отъ стѣи ловящихъ* (Пс. 123, 4. 6. 7.); присовокупимъ и прочее, что вѣщаетъ душа, обрадованная великимъ даромъ Божиимъ.

Я шелъ, чтобы принести не мечъ, но миръ. Я шелъ не къ посрамленію великаго Пастыря (б), который предсѣдательствуетъ въ славномъ городѣ (в). Знаю, что онъ достопочтенъ, признаю его главою, именую святымъ, хотя и потерпѣлъ обиду; пусть онъ только будетъ чадолюбивъ и печется о своей Церкви. Я старался увеличить, а не сократить чи-

(а) Манну.

(б) Василія Великаго.

(в) Въ Кесаріи.

сло іереевъ; низложить еретиковъ, а не уменьшить число православныхъ.

Что говоришь ты, сынъ Даѳана и Авирона (г), невразумляющійся вождь, осмѣлившійся востать противъ Моисея и поднять на насъ руки, какъ тѣ отверзали уста на великаго раба Божія? И ты не пришелъ въ ужасъ? ты не устыдился? не разсыпалась плоть твоя по землѣ, когда злоумышлялъ сіе? И послѣ сего будешь простирать тѣже руки къ Богу? станешь приносить Ему дары, молиться о народѣ? Боюсь, чтобы мечъ Божій и до того не остался въ бездѣйствіи и покоѣ. Ты Пастырю своему не сдѣлалъ ничего важнаго, а себѣ причинилъ весьма много вреда, отчуждивъ себя отъ благодати Божіей.

Теперь приступи, лучшій и совершеннѣйшій изъ Пастырей (д), и вмѣстѣ съ нами, или еще прежде насъ, прими народъ свой, который поручилъ тебѣ Духъ Святой, который приводятъ къ тебѣ Ангелы, который приобрѣли тебѣ твоя жизнь и добрые нравы! Не удивляйся же, что наследуешь престолъ при различныхъ искушеніяхъ и препятствіяхъ. Ничто великое не бываетъ безъ искушенія и испытанія; ибо по естественному порядку маловажное сопровождается удобствомъ, а высокое трудностію. Ты слышалъ сказавшаго, *яко многими скорбми подобаетъ*

(г) Сія и послѣдующія слова относятся къ Анѳиму, Епископу Тіанскому, который былъ во враждѣ съ Василиемъ Великимъ.

(д) Рѣчь обращена къ Евлалію.

намъ внити въ царствіе небесное (Дѣян. 14, 22.), скажи и самъ: *продохождь сквозь огонь и воду, и изведь еси ны въ покой* (Пс. 65, 12.). О чудо! *вечеръ водворися плачь, и за-утра радость* (Пс. 29, 6.). Пусть кричатъ враги и расширяють уста какъ псы, которые лають попустому, а мы не будемъ вести брани. Учи поклоняться Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, въ трехъ Упостасяхъ, въ единой же славѣ и свѣтлости. *Погибшее възиди, немощное укрѣпи, крѣпкое снабди* (Іезек. 34, 16.). Мы ожидаемъ отъ тебя такого же благоискусства въ дѣлахъ духовныхъ, какое ты, какъ извѣстно намъ, имѣешь въ мірскихъ. И такъ прими отъ высшихъ вождей совершеннѣйшее вооруженіе, посредствомъ котораго можешь *стрѣлы лукаваго разженныя угасити* (Еф. 6, 16.), и представить Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14.), *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9.), во Христѣ *Иисусѣ Господѣ*, Которому слава во вѣки, амишь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТВОРЕНИЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 1, на Пасху и о своемъ замедленіи.	5.
СЛОВО 2, къ призваннымъ въ началѣ, но не срътвившимъ Св. Григорія, когда онъ сталъ пресвитеромъ.	10.
СЛОВО 3, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ удаленіе свое въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера, и потомъ возвращеніе оттуда; так- же учитъ, какъ важенъ санъ Священства, и каковъ долженъ быть Епископъ.	16.
СЛОВО 4, первое обличительное на царя Юліана.	84.
СЛОВО 5, второе обличительное на царя Юліана.	179.
СЛОВО 6, о мирѣ, говоренное въ присутствіи отца, пос- лъ предшествовавшего молчанія, по случаю воз- соединенія монашествующихъ.	217.
СЛОВО 7, надгробное брату Кесарію, говоренное еще при жизни родителей.	241.
СЛОВО 8, надгробное Горгоніи, сестрѣ Св. Григорія Назіанзина.	268.
СЛОВО 9, защитительное, по рукоположеніи Св. Григо- рія Богослова въ Епископа Сасимскаго, гово- ренное имъ отцу своему Григорію, въ присут- ствіи Василія Великаго.	289.

II

Стран.

- СЛОВО 10**, защитительное, по возвращеніи Св. Григорія Богослова изъ уединенія, говоренное имъ отцу своему и Василю Великому. 295.
- СЛОВО 11**, говоренное брату Василю Великому, Св. Григорію, Епископу Нисскому, когда ояъ пришелъ къ Св. Григорію Богослову, по рукоположеніи его въ Епископа. 299.
- СЛОВО 12**, говоренное отцу, когда поручилъ ему попеченіе о Назіанзской церкви. 307.
- СЛОВО 13**, произнесенное при рукоположеніи Евмалія въ Епископа Доарскаго. 314.

ПОГРЪШНОСТИ.

Напечатано:

Должно читать:

страни. строк.

11.	26.	ни съдинъ	съдинъ
12.	4.	со мною,	со мною
—	15.	о женихъ	о Женихъ
14.	24.	въденіе	въдѣніе
17.	6.	обвиняющихъ	обвиняющихъ
17.	24.	невѣденію	невѣдѣнію
18.	31.	достаточнѣе	досточтимѣе
19.	5.	Богомудрые	богомудрые
30.	31.	открыть	окрмить
31.	4.	Богомъ	богомъ
34.	17 18.	и и	и
36.	30.	Истиннаго	истиннаго
41.	19.	истинъ?	истины?
47.	23.	деньги;	деньги,
54.	7.	Господня.	Господня
71.	23.	животныхъ	животныхъ,
72.	11.	благороднаго	благоугоднаго
79.	31.	онъ	отъ
86.	14.	его	Его
97.	31.	Самъ	Симъ
106.	5.	передалъ	предалъ
144.	2.	страдальца,	страдальца
—	15.	тискали сгетами	тисками сгетами
148.	15.	поручено,	поручено;
158.	7.	значенія,	значеніе,
—	19.	тоже	тоже,
164.	6. 7.	по-истиннъ	по-истиннъ
165.	29.	посвятившихъ	для посвятившихъ
167.	30.	Намѣкъ	Намекъ
173.	27.	одеждою.	и одеждою.

II

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читат:</i>
—	30.	и таковы,	не были таковы,
76.	27.	А денегъ-то	Деньгъ же
177.	1.	всякаго	вмѣсто всякаго
178.	4.	обожанія	обоженія
179.	18.	а когда	и когда
186.	19.	таковово:	таково:
193.	25.	облеченный	облеченный
199.	21.	исчесло	исчезло,
202.	22.	въ запусъвнїи,	въ запусъвнїе,
218.	21.	по Богъ,	по Богу,
251.	17.	устанавлиють;	устанавлиють;
258.	8.	что	(что
264.	20.	вождѣленнаго	вождедѣннаго
274.	27.	по костямъ	по когтямъ
287.	2.	построннїе,	постороннїе,
093.	4.	разстоянїе?	разстоянїе !
302.	7.	покорности	непокорности
310.	2.	тогда.	тогда,

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0043522106

29290044

00400

